

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск VI

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск VI

Красноярск
СФУ
2013

УДК 9.4 (571.1/.5)
ББК 63.3 (2Р-4Кра)
Д73

Рецензенты:

В. С Мыглан, д-р ист. наук, зав. лаб. естественнонаучных методов
в археологии и истории ГИ СФУ
Н. П. Макаров, канд. ист. наук, зав. отделом археологии и этнографии
Красноярского краевого краеведческого музея

Д 73 **Древности Приенисейской Сибири** : сб. науч. тр. / отв. ред.
П. В. Мандрыка.– Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – Вып. VI. –
152 с.

ISBN 978-5-7638-2893-1

Сборник продолжает публикацию работ ученых по Древней и Средневековой истории Сибири. На широком круге источников освещаются вопросы материальной и духовной культуры.

Предназначен для археологов, историков, краеведов и интересующихся историческим прошлым Сибири и сопредельных территорий.

Выпущен при финансовой поддержке Лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири Гуманитарного института СФУ

УДК 9.4 (571.1/5)
ББК 63.3 (2Р-4Кра)

ISBN 978-5-7638-2893-1

© Сибирский федеральный университет, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Вдовин А. С.	
Археологические исследования» И. В. Александрова в окрестностях Красноярска в 1866-1871 годах.....	7
Сазонова О. М.	
Работы на Шалаболинской писанице отряда Кемеровского государственного университета под руководством Б. Н. Пяткина.....	15
Акимова Е. В., Стасюк И. В., Томилова Е. А., Харевич В. М.	
Изучение палеолита Дербинского залива (1993-2007 гг.): итоги и перспективы исследований	20
Акимова Е. В., Горельченкова О. А.,	
Стасюк И. В., Томилова Е. А.	
Позднепалеолитические местонахождения в логу Волчиха (Красноярское водохранилище)	37
Фокин С. М.	
Поселение Каменка на Енисее	50
Леонтьев С. Н., Герман П. В.	
Керамика Раннего железного века стоянки Сергушкин-1	58
Гуненко Я. Д., Сенотрусова П. О.	
Набор бронзовых изделий из погребения № 50 могильника Проспихинская Шивера-IV на Нижней Ангаре	68
Бирюлева К. В.	
Морфологический анализ тонковаликовой керамики поселения Проспихинская Шивера-IV	75
Титова Ю. А.	
Технологические аспекты изготовления валиковой керамики поселения Проспихинская Шивера-IV	86
Сенотрусова П. О., Бирюлева К. В., Мандрыка П. В.	
Железный щиток со стоянки Итомиура.....	90
Заика А. Л.	
Антропоморфные личины в петроглифах Азии – парадоксы соответствий	94
Сенотрусова П. О.	
Результаты разведочных работ в нижнем течении р. Муры	103
Библиография Красноярских исследователей по археологии, этнографии, палеонтологии (2007-2013)	112

ПРЕДИСЛОВИЕ

С начала 1990-х годов в Красноярске археологическим сообществом был создан клуб, объединивший археологов, этнографов, палеонтологов и антропологов из разных организаций города. После небольшого перерыва, три года назад клуб возобновил работу и его заседания стали регулярными, плодотворными и, главное, полезными, как профессионалам, так и студентам, начинающим свой нелегкий научный путь в археологии и исторических исследованиях.

После каждого полевого сезона, традиционно проводились заседания, объединенные темой археологических открытий. Так в 2010 г., с результатами археологических разведок в Енисейском и Богучанском районах выступали Ю. А. Титова и П. О. Сенотруса. О работе археологической экспедиции музея СФУ рассказал С. М. Фокин. Обсуждались и результаты работ на некоторых памятниках, изучавшихся охранными работами Богучанской АЭ ИАиЭ СО РАН - стоянки Толстый Мыс (докладчики Н. П. Макаров и М. В. Быкова), стоянок Чирида и Толстый Мыс 1 (докладчики Ю. А. Гречев, Д. Н. Лысенко), стоянки Хедугин ручей (докладчик Д. Н. Лысенко), комплекса памятников Проспихинская Шивера (докладчик П. В. Мандрыка).

С итогами разведочных работ по своим научным программам в 2012 г. участников заседаний познакомили С. М. Фокин, Ю. А. Титова, П. О. Сенотруса, М. С. Баташев и другие начальники отрядов. Были подведены некоторые итоги по паспортизации археологических памятников города Красноярска, в которой участвовали П. В. Иштутина, Ю. А. Титова, Н. П. Макаров, С. М. Фокин. О железоплавильном горне этнографического времени со стоянки Итомиура информировал участников клуба П. В. Мандрыка. Оживленное обсуждение вызвало выступление М. С. Баташева о погребальных памятниках этнографического времени на сибирском Севере.

Кроме информационного блока на заседаниях клуба проходило обсуждение актуальных научных проблем. Ю. А. Титова выступила с докладом «Гончарные технологии как отражение культурных процессов в древности», в котором познакомила слушателей с работой школы А. А. Бобринского, с методикой создания эталонов керамики, сравнении их с археологическими образцами.

О своих наработках в комплексной реконструкции технологии первичного расщепления камня сделал доклад В. М. Харевич, показавший перспективность данного направления в научных исследованиях палеолитических индустрий. В ходе обсуждений затрагивались и проблемы изучения археологических объектов, дислоцированных в глубинных таежных территориях. Об особенностях археологических памятников размещенных в верховьях р. Муры, на примере стоянки Итомиура, сделала доклад П. О. Сенотруса.

На отдельных заседаниях клуба обсуждались проблемы использования естественнонаучных методов в археологии. О возможностях использования

длительных древесно-кольцевых хронологий Алтая для датировки археологической древесины информировал В. С. Мыглан. С результатами дендрохронологических обследований архитектурных памятников Иркутской области выступил З. Ю. Жарников.

В программе работы клуба прошло обсуждение проблем при виртуальных реконструкциях в археологии. Со своим опытом виртуальных реконструкций в исторических исследованиях участников объединения познакомили сотрудники Сибирского федерального университета И. Рудов и Н. Пиков:

В рамках заседаний клуба проходило обсуждение наработок диссертационных исследований Е. В. Князевой по теме «Методика определения назначения каменных орудий железного века. Эксперимент и трасология» и В. С. Мыглана по теме «Историко-культурные процессы в Сибири в контексте климатических изменений по данным археологии, дендрохронологии и истории (XVII - XIX вв.)».

Значительный блок заседаний клуба был посвящен проблемам датировки и разработки региональных культурно-хронологических периодизаций. Неолит Средней Сибири был раскрыт в докладе Н. П. Макарова. На примере поселения-могильника Скородумный бык, проблемам датировки и культурной интерпретации неолитических материалов с Ангары посвятил свое выступление С. М. Фокин. Проблемы датировки северных поселений с помощью методов дендрохронологии поставил З. Ю. Жарников. О новых культурно-хронологических данных по раннему железному веку Северного Приангарья участников заседаний познакомили Ю. А. Гревцов и П. В. Мандрыка.

На встречах участники клуба имели возможность познакомиться с современными методиками полевого и камерального исследования в археологии. О методиках изучения и фиксации углубленных археологических объектов было доложено П. В. Мандрыкой. Некоторые способы определения орнаментиров, использовавшиеся в украшении древней керамики были продемонстрированы Ю. А. Титовой. В выступлении Е. А. Кирилловой были показаны приемы консервации и реставрация железных предметов в полевых условиях, которые применялись в Проспихинском отряде БогАЭ ИАиЭ СО РАН в 2011 г. при изучении средневекового могильника. Методике исследований петроглифов среднего Енисея был посвящен цикл выступлений А. Л. Заики.

Интересными проходили встречи, знакомившие слушателей с культурным наследием города Красноярска и Красноярского края. Цикл лекций Е. В. Гевель «О памятниках деревянного зодчества, забытых страницах исторического облика города Красноярска» надолго запомнится участникам заседаний.

В рамках деятельности добровольного объединения проводилась работа по популяризации знаний о древней истории края. В рекреации библиотечного корпуса Сибирского федерального университета несколько месяцев работала выставка «Древности ангарской тайги», на которой демонстрировались археологические материалы из комплекса Проспихинская Шивера, ныне затопленного Богучанским водохранилищем.

На каждой встрече участники клуба получали информацию о новостях мировой науки, о результатах работы Российских и Международных съездов, конгрессов, конференций. Интересными и полезными были посещения выставок, открывавшихся в краевом центре. Всем запомнилось выступление Н. П. Макарова, рассказавшего о выездной выставке Эрмитажа «Мир кочевников Евразии».

Важным направлением деятельности клуба была и остается работа с молодыми исследователями – студентами, аспирантами. Отдельными заседаниями проводилось заслушивание и обсуждение докладов участников, направляемых на Региональную археолого-этнографическую конференцию.

Ежегодными итогами работы клуба можно считать городскую археолого-этнографическую конференцию, которая постепенно приобретает статус краевой. В апреле 2013 г. была проведена очередная такая конференция, по итогам которой выходит настоящий сборник.

*Редактор сборника
П.В. Мандрыка*

А.С. Вдовин

Красноярский государственный педагогический
университет имени В.П. Астафьева

«АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» И.В. АЛЕКСАНДРОВА В ОКРЕСТНОСТЯХ КРАСНОЯРСКА В 1866-1871 ГОДАХ

Когда были проведены первые археологические раскопки и сколько курганов было в окрестностях г. Красноярска, сегодня судить сложно. Известно, что на левом и правом берегах Енисея были десятки курганов. Большинство из них было раскопано, а вот материалы, лишь из небольшого количества попали в музеи. Судьба многих вовсе неизвестна. До сих пор не проводилось исследований, пытавшихся ответить на вопрос о количестве и судьбе красноярских курганов.

В XVII-XVIII вв. в Сибири возникла настоящая эпидемия кладоискательства, получившая такой размах, что появилась даже профессия “курганщиков” и “бугровщиков”, так в то время называли грабителей древних курганов. Соединяясь в артели, они отправлялись на летний период в степь. Известно, что в XVIII в. г. Красноярск был одним из центров торговли древностями. Древние изделия из драгоценных металлов варварски переплавлялись в слитки и продавались за бесценок, в частности, в Красноярске, на «этом рынке могильного золота и серебра» [Попов, 1871. С. 49].

В.В. Радлов, опубликовавший выдержки из дневников Д.Г. Мессершмидта, приложил перечень предметов археологии, привезенных им из Сибири. Ко времени поездки Д.Г. Мессершмидта

ограбление курганов в основном закончилось. Об этом можно судить по записи, сделанной 4 мая 1723 г. «У воеводы Дмитрия Борисовича Зубова могильного золота, по словам золотых дел мастеров (в Красноярске), очищавших это золото, было более чем на несколько тысяч рублей. Вот почему мне при моей поездке для царского его величества не удалось добыть ничего курьезного» [Новлянская, 1970. С. 18].

«Добычей древностей» не брезговали и государевы люди. Так, один красноярский воевода в начале XVIII в. наплавил три пуда курганного золота [Радлов, 1888, С. 356–359]. У другого красноярского воеводы Д.Б. Зубова могильного золота оказалось по ценам того времени на несколько тысяч рублей [Там же. Приложение. С. 18; Мартынов, 1983. С. 21], а красноярский воевода Г. Салтыков отлил себе серебряную саблю из древних сосудов [Радлов, 1888. Приложение. С. 4; Кызласов Л.Р., 1983].

В 1735 г. Г.Ф. Миллер пишет: «В Красноярске же снова дошли до меня слухи и о множестве курганов, некогда вскрытых в местностях, прилегающих к Абаканскому и Саянскому острогам, и привезенных оттуда вещах... В здешних курганах найдено столько золота и серебра, что, по словам красноярского воеводы, лет 12 или 15 тому назад, когда он впервые прибыл в Сибирь, золотник

чистого золота в Красноярске и Енисейске продавали по 90 копеек» [1937. С. 511].

В первой половине XIX в., используя положение губернатора, А.П. Степанов производил раскопки курганов близ Красноярска. По его же указанию местные чиновники приобретали древности, находимые в Минусинском округе, и отсылали их в Красноярск.

Коллекция древностей А.П. Степанова, судя по свидетельству современников, была значительной. Одних бронзовых зеркал в ней было более 20. Владелец оставил такую их характеристику: «Эти металлические зеркала, сделанные из меди, имеющие всегда форму круглую, и так гладко полированные с одной стороны, что иные из них лежащие несколько веков в могилах, сохранили ясность. С задней стороны имеют они ушки и различные рельефные изображения: решетки, цветы, деревья, животных, фигурки человеческие, группы людей и даже NB буквы» [Степанов, 1997. С. 28]. Примечательно, что в коллекции А.П. Степанова хранились также кремневые наконечники стрел, каменные кирки, молотки и долота, собранные на пашнях в Минусинском крае. По мнению А.А. Формозова, это «первые по времени сообщения о коллекции каменных орудий у частного лица» [Формозов, 1961. С. 9]. После смерти губернатора коллекция была потеряна из виду и исчезла бесследно. Также неизвестна судьба археологических коллекций, минусинского окружного начальника князя Н.А. Кострова, чиновника Л.Ф. Титова и И.В. Александрова, в которых могли быть древности из окрестностей г. Красноярска.

Вблизи Красноярска в 1866–1871 гг. проводил раскопки И.В. Александров – управляющий Енисейским отделением Государственного банка, который имел одно из первых разрешений – «открытый лист» – от Императорской Археологической комиссии (далее ИАК) на проведение раскопок на территории Енисейской губернии и посыпал в комиссию свои «отчеты» [Белова, Васильева, 1992. С. 34; Белова, 2009. С. 15]. О жизни И.В. Александрова нам пока известно мало. Вероятно, до прибытия в Красноярск он служил в Западной Сибири, так как упоминает о Барабе в своем «отчете». Дослужился И.В. Александров до статского советника и возглавил Енисейское отделение Государственного банка в Красноярске.

Память об «исследованиях» И.В. Александрова под Красноярском, остается негативной, хотя он на протяжении нескольких лет занимался собиранием коллекции и раскопками, когда в городе еще нет отделения РГО и городского музея. Странным образом, в археологических сводках об исследований в Сибири, об И.В. Александрове нет сведений. Следует напомнить, что в этот период И.А. Лопатин начинает собирать свою знаменитую коллекцию сибирских древностей.

Во второй половине XIX в. открывается Красноярская губернская мужская гимназия и другие учебные заведения, в которых начинают работать И.Т. Савенков, А.С. Еленев, П.С. Проскуряков и др., которые интересовались геологией, палеонтологией и проводили археологические исследования, в том числе и в окрестностях Красноярска.

Как следует из отчета И.В. Александрова, раскопки проводились в окрестностях г. Красноярска. О местоположении первого кургана, раскопанного в 1867 г., судить сложно. Это могли быть курганы у д. Солонцы, так как основное внимание И.В. Александрова было сосредоточено на левом берегу Енисея. Хотя, это могли быть и Торгашинские курганы или курган у с. Ладейки на правом берегу Енисея.

В 1868-1869 гг. им было раскопано три кургана у д. Коркино. Вероятно, не все «исследования» вошли в отчет, так сам И.В. Александров упоминает о раскопках в предыдущие годы, кроме того он просил ИАК сообщить о возможности продолжить свои исследования [РА ИИМК, ф.1, 1866, ед. хр. 35, л. 22]. По тексту отчета можно частично восстановить коллекцию, отправленную им в ИАК, в которую вошло более 70 номеров (ножи, кинжалы и др.). Вернулась ли коллекция в Красноярск, нам неизвестно, а вот разрешение на продолжение исследований получено, вероятно, не было, т. к. в материалах, хранящихся в РА ИИМК, не обнаружено. Если предположить, что коллекция, о которой упоминается в письме, была возвращена в Красноярск, то наиболее интересные материалы могли быть оставлены в ИАК и переданы в Эрмитаж.

Работы И.В. Александровым проводились без всякой научной цели, на низком методическом уровне. Не случайно, эти «исследования» вызвали у современников негативные отзывы. А.В. Адрианов писал: «Этот вандал, обладая средствами, перепортил несколько больших курганов и темувековечил, по-

добно Герострату, свое имя в археологической литературе Сибири» [Адрианов, 1884. С. 1-6].

В 1886 г. Н.М. Ядринцев предложил графу А.А. Бобринскому (председателю ИАК) «свои услуги по части собирания сведений об археологических коллекциях и работах в Западной и Восточной Сибири, а также различных древностей, памятниках и сохранившихся архивах» [Цит. по Императорская..., 2009. С. 602]. Среди коллекций, о которых А.А. Бобринский просил собрать подробные сведения, была и коллекция И.В. Александрова [Там же. С. 603].

В свое время И.Т. Савенков пытался отыскать следы этой коллекции, но нашел лишь череп с печатью полицейского участка [Ядринцев, 1887. С. 16]. И.Т. Савенков сокрушался, что «коллекция Александрова – археолога-психопата, разрывшего почти все курганы в окрестностях Красноярска, бывшая в беспорядке при жизни владельца, распродана и растеряна после его смерти и так же бесследно исчезла» [Мартынов, 1973. С. 83].

О судьбе этой коллекции в 1889 г. пыталась узнать ИАК через енисейского губернатора, направив письмо следующего содержания: «В течение 1867–1870 годов И. Александров производил археологические раскопки в окрестностях г. Красноярска и других местах Енисейской губернии и успел составить довольно значительную коллекцию бронзовых, железных и глиняных изделий, найденных им при этих раскопках... считаем должным обратиться... с покорнейшей просьбой приказать собрать сведения о том, куда поступила означенная

коллекция после смерти Александрова» [ГАКК, ф. 595, оп. 1, д. 3280, лл. 63, 64]. Распоряжение получил красноярский полицмейстер, им было проведено дознание.

Из ответного рапорта следует, что оставшееся после И.В. Александрова движимое имущество, включая незначительную и малооценную коллекцию древностей, продавалась в Енисейском губернском правлении в 1873 или 1874 г. с аукционного торга. Несколько вещей, по словам «служителя банка г[осподина] Шепетовского, были отправлены Александровым в Академию наук» [ГАКК, ф. 595, оп. 1, д. 3280, л. 74].

Часть коллекции И.В. Александрова удалось зарисовать В.В. Радлову, в

тот период, также проводившему археологические исследования на территории Енисейской губернии. Были зарисованы, несколько бронзовых предметов тагарской культуры – кельт, два миниатюрных кинжалчика, миниатюрный чекан, 12 ножей, проколки и др. Все они происходят из окрестностей Красноярска (Торгашино, Ладейское, Березовка) [Мартынов, 1973. С. 83].

О методике раскопок и тех находках, которые были обнаружены в ходе «исследований» И.В. Александрова, можно получить из письма и «отчета», отправленного в Императорскую Археологическую Комиссию, которые публикуются ниже.

Приложение №1

УПРАВЛЯЮЩЕГО
ЕНИСЕЙСКИМ ОТДЕЛЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
БАНКА

31 марта 1871 года

В Императорскую Археологическую Комиссию¹

1 марта 1871 г.

№ 2/

в Красноярске

С препровождением
ящика с древностями.

При раскопках курганов замечено было мною, что они все были расхищены с Северо-Восточной стороны, а главное я не нашел земледельческих или других орудий, расхищения остается доказательством только наросший на этих местах дерн толщиною до 6-ти вершков. Вполне уверен, что эти орудия после похищения не могли все уничтожиться и должны быть где-нибудь находится. Я обратился к крестьянам, казакам и мещанам, что бы они мне предоставили как прежде найденные, так и вновь попадающиеся вещи за вознаграждение согласно условию. После усердных разысканий приобрел некоторые вещи, которые совершенно изменяют понятие до сего времени

¹ Вероятно, время поступления письма в ИАК.

условленное Археологами. До сего времени застуны были приняты за бронзовые топоры. Из представленных мною заступов очевидно, 1-е; что для топора не нужно было двух ушков а для заступа у которого на деревянной рукоятки находится поперечная перекладина к которой с обоих сторон привязывался заступ служивший к земляной так и к плотничной работе, 2-е, острие заступов не прямолинейно а дугообразно сила удара сосредотачивается в середине где помещается рукоятка, 3-е, другой вид заступов №№ 4 и 5 где ушко находится на середине и для укрепления топора совершенно не возможно. Представляю при сем на рассмотрение 23 № моей коллекции покорнейше прошу Археологическую Комиссию по миновании надобности мне оные возвратить с тем вместе уведомить меня так, и Губернское Начальство могу ли я продолжить дальнейшую раскопку курганов.

Статский Советник Александров

[На бланке, рукопись, оригинал. РА ИИМК. Ф.1, 1866, ед. хр. 35, л. 21-22].

Приложение № 2

Отчет о производимых мною раскопкам в 1867, 1868, 1869 и 1870 годах

Произведенные мною раскопки в 1867 году, близ Красноярска были совершенно неудачны, курганы были копаны прежде сверху колодцем, как я впоследствии узнал, по распоряжению бывшего Енисейского Губернатора Степанова; я же начал производить раскопку разрезом, нашел каменный обклад, а далее его, на сажень, сруб из толстых лиственных бревен в три ряда, сгнивший, но еще не обрушившийся, обошел его вокруг, чтобы лучше вынуть бревны; осталась одна средина кургана, при раскопке которой нашел прорубь аришина в два квадрата, заваленного мусором; по снятию же бревен видно было, что там находились прежде медные вещи, от которых осталось окись; человеческие кости разбросаны и разбиты.

В 1868 году я избрал другую местность в 12 верстах от Красноярска, близ деревни Коркиной, в одной версте от реки Енисея, на возвышенной местности, из числа 15 курганов, раскинутых друг от друга на версту и более. Что бы не подвергнуться таким же неудачам, как в первых раскопках, в 1 кургане я прежде снял дерн со всего кургана и нашел, что он расхищен был два раза: первое расхищение было произведено очень давно по средствам круглой ямы с Восточного боку кургана; вниз земля перемешена горелая с черноземом; дерн на этой раскопе вырос толщиной в 6 вершков; другая раскопка была произведена колодцем в середине; оставалась только часть нетронутая с Северо-Западу. Я решился приступить к работе разрезом, под дерном нашел иловой нанос такой крепости, что трудно было работать ломом и кайлом; такая была плотность наноса, что дошедши до сруба, выделилось очень много угольного газа; в местах, где была произведена прежняя раскопка нашел мерзлоту, а в нетронутом месте не было и признаков мерзлоты. При снятии верхнего слоя на сажень глубины встретили насланный пол из плитняка на сажень ширины вокруг всего кургана, далее

на $\frac{1}{2}$ аришина деревянный сгоревший сруб; угли верхушек были видны местами в боках кургана; обложка сруба была сделана из двух вместе лежащих брусьев, между которых были пропущены $2 \frac{1}{2}$ р. Верховые колы, заостренные в землю четвероугольно; высоту их определить невозможно, и на брусья положены круглые лиственничные бревна в виде пола, сгоревшие, но не изменившие в угле своей формы. Одно из бревен только на вершок вокруг обуглилось, и по снятии угля оказалось сохранившийся кусок лиственницы, который у меня теперь от воздуха рыхлеет и постоянно разрушается. Другая сторона сруба вся разрушена: уголь чернозем и горелая земля все смешаны вместе. По размеру от Востока на Запад сруб имел длину 3 сажени 2 аришина от Севера до Юга 4 сажени $1 \frac{1}{2}$ аришина вышины $2 \frac{1}{2}$ аришина ширина разреза $2 \frac{1}{2}$ аришина, длина с Севера до Юга 20 сажен $1 \frac{1}{2}$ аришина с Запада до Востока 18 сажен.

Под бревенчатым полом нашел плотно сжатую землю и работу производил ручную железными маленькими лопатками; по снятии на 6 вершков земли нашел черепа без скелета; черепа лежали на березовой коре, под которой были положены особо выдолбленные каменные подушки, совершенно сохранилась и ни один череп не был обожжен. От влияния воздуха, как черепа, так и горшки тотчас разрушались, так что я с трудом мог сохранить те, которые представил Археологической Комиссии; возле каждого черепа находился горшок, оружие – бронзовый нож, а при некоторых еще бронзовой молоток, бляха, и у двух бронзовые кинжалы. Почва кургана, на которой находились черепа, состояла из белой глины; черепа найдены в этом кургане под №№ 1, 2 и 4; горшок с № 7 по 16; кинжалы № 25 и 26; ножи с 29 по 33; бляхи с № 59 по 63; молотки с № 49 по 54; иглы № 72 и 73; каменное орудие растреснувшееся от жары на части № 81. Сверх того в углах Западном и Северном нашел по куску окремненного дерева видом отшлифованного и разрубленного полена с ясными (не разборчиво – А.В.) сердцевины и наружной корки.

Орудий, чем производилась рубка, теска и пилка дерева и обделка камня, нигде не нашлась, что привело меня к заключению, что рабочие орудия находились в Юго-Восточной стороне курганов и были похищены несколько столетий назад, потому что кроме этих курганов я смотрел; и все прочие курганы расхищения производились с этой же стороны.

2 курган, раскопанный в 1869 году, расстояние от первого в $1 \frac{1}{2}$ версты, расхищен точно так же, как и первый; производство работы точно тоже, ширина и длина сруба $6 \frac{1}{2}$ аришина, вышина $2 \frac{1}{2}$ аришина, Ширина разреза $2 \frac{1}{2}$ аришина длина от Севера к Востоку 12 сажен, от Запада к Югу $11 \frac{1}{2}$ сажен.

Так же два бруса и между них $2 \frac{1}{2}$ вершковые заостренные четырехугольные колы, но только каменного вокруг пола нет; на горелых бревнах, служивших полом, нашел человеческий перегорелый остаток; кости все разрушены и от находившегося при нем бронзового ножа окрасилась медною окисью, который с признаками наружного (не разборчиво – А.В.) я представляю по № 47; в Восточной стороны кургана нашел с горелыми признаками одежды № 78 и 79 и волосы № 80 по снятии на $\frac{1}{2}$ аришина бревен нашел череп на земле с подложкою березовой коры без каменных подушек при них

горшки[,] ножи[,] молотки и тут же нашел бронзовую вещь, похожую на гвоздь или иглу и клык животного.

Угли так много было в курганах, что деревенские кузницы приезжали с телегами забирать его. В этом кургане найдено черепа № 3, 5, 6, горшки с № 17 по 24, кинжалы № 27 и 28; ножи с № 34 и 41, бляхи с № 64 и 67, молотки с № 55 по 58, иглы № 74 и 75.

З курган находился от 2-го в 200 саженях, прогорелый весь до поверхности; при разрытии нашли в ариин глубины остатов сгорелого человека на 1 ½ сажени глубины лежали сожженные человеческие кости на ½ аришина толщины (но ни одной черепной) на берестовой коре, сохранившейся совершенно. Между костей находилось один кинжал № 48; бронзовые ножи с № 42 и 46, бляхи с № 68 по 70; большая часть перегорела, бронзовый обруч для головного украшения; № 76 удила № 77 и обломки ножей № 71.

Из произведенных мною раскопках можно полагать, что курганы не были устроены как места для погребения; но служила жильем оседлым жителям, а найденные черепа доказывают, что во избежание (не разборчиво – А.В.) в жилье они трупы сжигали кроме головы, что доказывается третьим курганом, где находятся кости всего остова без черепных; если они сжигались в кургане то березовая кора должна была сгореть.

При исследовании местностей Сибири, где каждый шаг показывает долгое – пребывание воды во всей местности Восточной и Западной Сибири, я пробывал раскапывать грунт на высоких местностях находил под 3 вершковым дерном иловой нанос сухой и чрезвычайно твердый; на 3-х и 4-х ариинах глубины очень часто находились кости Мамонта и из моих замечаний кости эти водою были разнесены в разные места. Так раскапывая одно место, я находил ножные кости, а сажен десять ребровые. На Барабе известные по (не разборчиво – А. В.) заранее болота, которые простираются вплоть до Ледовитого Океана и те показывают, что тут, когда то было богатая растительность. По плавающим целыми лесами сухих деревьев от 5 до 8 сажен вышины с оторванным грунтом. Все дороги в Сибири посыпаются круглой галькой, которой в некоторых местах до 7 сажен толщены. На горах вышиною противу уровня Енисея на 30 и более сажен сеют хлеб; чернозем перемешен с круглой галькою все говорит, что выработала ее вода. Надписи на отдельных скалах в 30 сажен вышины по Енисею могли быть сделаны не иначе когда вода в уровень со скалами, но это предстоит Геологическому и Археологическому исследованию в последствие.

Статский Советник Иван Александров
[Рукопись, оригинал. РА ИИМК. Ф.1, 1866, ед. хр. 35, л. 13-19].

Список литературы

Адрианов А.В. Курганография Сибири: (Обращение ко всем любителям старины и изучения края) // Приложение к «Сибирской Газете». Томск. 14 июля 1884 г.

Белова Н.А. Перечень материалов и исследований в фондах Императорской Археологической Комиссии Рукописного отдела научного архива Института истории ма-

териальной культуры РАН // Приложение: Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. – СПб, 2009.

Белова Н.А., Васильева Р.В. Материалы рукописного архива ЛОИА АН СССР как источник изучения музеиного строительства на территории Сибири // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. – Красноярск, 1992. Т. 1.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 177 с.

Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. – СПб, 2009.

Кызласов Л.Р. В Сибирио неведомою за письменами таинственными // Путешествие в древность. – М., 1983.

Мартынов А.И. Памятники и отдельные находки предметов скифо-сарматского времени в Томско-Енисейском лесостепном районе // ИЛАИ. 1973. Вып. VI.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. – М.; Л., 1937.

Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт, – Л., 1970.

Попов Н.И. Общий исторический обзор археологических изысканий в Сибири. // Изв. ВСОРГО, Т.II, Вып. I и 2, 1871.

Радлов В.В. Сибирские древности. – СПб., 1888. Т. 1, Вып. 1.

Степанов А.П. Енисейская губерния. – Красноярск, 1997.

Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. – М., 1961.

Ядринцев Н.М. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ // ЗРАО. – 1887. Т.III.

О.М. Сазонова
Музей археологии им. Е.С. Аннинского
п. Подгорный филиала МБУК МВЦ г. Железногорск.

РАБОТЫ НА ШАЛАБОЛИНСКОЙ ПИСАНИЦЕ ОТРЯДА КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПОД РУКОВОДСТВОМ Б.Н. ПЯТКИНА

Шалаболинская писаница – памятник древнего наскального творчества, расположенный в Курагинском районе Красноярского края. Первые сведения о Шалаболинских петроглифах появились в научной литературе еще во второй половине XIX в., с этого времени и начинается их изучение.

За весь период исследований на памятнике были произведены работы как эпизодического, так и более масштабного характера. Наиболее полно писаница была исследована в начале XX в. Александром Васильевичем Адриановым. В ходе работ 1907 и 1909 гг. им были выполнены 81 эстампаж и 23 фотографии. [Адрианов, 1908; Адрианов, 1910]. На довольно долгий период копии Адрианова, обработанные и опубликованные К. В. Вяткиной, стали наиболее полным источником по памятнику [Вяткина, 1949], к которому обращались многие крупные исследователи, в том числе и академик Алексей Павлович Окладников [Окладников, 1959. С. 103 – 104; Окладников, 1964. С. 81].

За несколько лет до начала работы отряда КемГУ Абаканским художником Владимиром Феофановичем Капелько была предложена новая методика контактного копирования наскальных изображений, через микалентную бумагу. Методика Капелько позволила копи-

ровать петроглифы наилучше достоверно и в большом объеме. Вот как сам исследователь описывает свойства микалентной бумаги. «Бумага прекрасно склеивается, прочна в употреблении, мягка, эластична, при намачивании становится прозрачной. Ее можно использовать при копировании полихромных рисунков, выполненных охрой, гравировок и выбивок, на ней получается четкий оттиск фактуры камня. Копии на такой бумаге получаются четкие, графические листы можно получить любой силы тона, отпечаток рельефа плоскости камня делает их более выразительными, придает им более сильный художественно – эстетический и научный смысл. Сохраняется как бы часть того микромира, в котором существовал этот рисунок петроглиф на протяжении тысячелетий» [Капелько, 1986. С. 107].

Открытие микалентного метода съемки петроглифов стало одной из причин организации Петрографического отряда Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского госуниверситета по исследованию писаниц Южной Сибири. Руководителем отряда был назначен Б.Н. Пяткин, а начальником экспедиции А.И. Мартынов [Советова, Миклашевич, 1999. С. 42.]. Перед участниками отряда была поставлена задача монографического исследования ряда

писаниц с применением новой методики. При этом на микалентную бумагу копировались не отдельные выборочные рисунки, а проводилось сплошное обследование плоскостей, которые в основном содержали разновременные рисунки. В период работы отряда исследователи планировали ответить на следующие важные для петроглифоведения вопросы – когда и зачем на скалы были нанесены рисунки? [Пяткин, 1987. С. 57 – 62].

Шалаболинская писаница стала первым пунктом, с которого начались исследования кемеровским отрядом. Работы на памятнике начались в 1977 г., и растянулись на 3 сезона, до 1980. К работе на писанице были привлечены группа скалолазов и художники из Красноярска и Абакана, среди которых был и В. Ф. Капелько. По воспоминаниям одного из художников, М. Бирюкова, В.Ф. Капелько работал на Шалаболинской писаницы постоянно, а бригада художников менялась. Работая на Шалаболинской писанице в составе отряда Кем-Гу, В.Ф. Капелько развил и усовершенствовал предложенную им методику съемки петроглифов на микалентную бумагу. Необходимо отметить, что снятие на микалентную бумагу было не единственным методом копирования наскальных изображений писаницы.

В задачи петроглифического отряда входила также графическая прорисовка и фотосъемка наскальных изображений. Причем графическая фиксация изображений проводилась перед их копированием. На миллиметровую бумагу с соблюдением масштаба наносилась последовательность скальных поверхностей, при этом указывался ярус, на кото-

ром располагалась та или иная плоскость, что дало возможность участникам отряда получить общую графическую схему всего скального массива. На следующем этапе на миллиметровку наносились отдельные участки с изображениями. Графические прорисовки скальных плоскостей вошли в альбом ситуационных планов выполненных в период работ на памятнике [Пяткин, альбом, 1977].

Одновременно с получением графических копий проводилось фотографирование скалы, вначале были отсняты панорамы всего скального массива, затем отдельные плоскости. Только лишь после проведения фото и графической фиксации участники петроглифического отряда приступали к копированию контактными способами. Материал для пересъемки копий выбирался в зависимости от сохранности и техники нанесения того или иного рисунка [Пяткин, 1982. С. 22 – 23].

Помимо указанной выше фиксации наскальных изображений на микалентную бумагу, проводилось снятие копий на полиэтилен и кальку. Следует отметить, что использование полиэтилена в качестве контактной основы при получении копий с петроглифов, тоже являлось сравнительно новым методом копирования. Впервые копирование наскальных изображений на полиэтилен было проведено Я.А. Шером в период его работы начальником Каменского отряда Красноярской экспедиции ЛОИА в зоне затопления Красноярского водохранилища [Шер, 1980. С. 68].

При выполнении копий участниками отрядами было отмечено, что ри-

сунки нанесены на скалу разными техническими приемами и способами: с применением охры, гравировка, выбивка по гравированному эскизу, прошлифовки. Также было отмечено сочетание разных методик, которые были использованы для нанесения изображений (например, выбивка и прошлифовка или выбивка и прокрашивание рисунка охрой) [Пяткин, 1982. С. 4].

Для удобства изучения и регистрации наскальных изображений Б.Н. Пяткин делит весь скальный массив на 3 яруса. Нижний ярус был расположен на высоте 3 – 4 метра от уреза воды. Несмотря на то, что многие изображения этого яруса постоянно затапливались, и часть их была уничтожена водой, на нем сохранились около 200 изображений. Самый многочисленный по своему наполнению стал второй ярус, на котором участниками экспедиции были зафиксированы 324 изображения. На третьем (верхнем) ярусе рисунки были обнаружены на высоте более 100 метров. Несмотря на малочисленность изображений третьего яруса (зафиксировано всего 7 рисунков), была отмечена наилучшая сохранность петроглифов [Пяткин, 1987. С. 7].

В ходе работ на писанице Б.Н. Пяткиным были сделаны следующие выводы:

- Наиболее многочисленны образом писаницы являются зооморфные изображения (лось, олень, медведь и кабан), тогда как антропоморфные изображения, встречаются на Шалаболинских скалах значительно реже. Рисунки встречаются как отдельно, так и в многочисленных часто разновременных

композициях, (это могут быть, сцены охоты, шествия зверей, солярные композиции включающие в себя рисунки зоо- и антропоморфных персонажей).

- все изображения писаницы были датированы от эпохи неолита до кыргызского времени [Пяткин, Капелько, 1977. С. 276].

В музее «археологии, этнографии и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета хранится множество фотографий запечатлевших в себе петроглифы, процесс работ на писанице, микалентные копии [Альбом фотографий, 1977 – 1980]. Благодаря фотографиям выполненным в 80-е гг. мы можем примерно установить время и протяженность скальных обвалов на различных участках писаницы (рис. 1) получить наиболее полную картину состояния скалы на тот период, узнать какие плоскости были повреждены, а также примерно датировать появление посетительских туристских надписей и рисунков.

Итоги работ Петрографического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ нашли отражение в ряде статей по наскальным изображениям среднеенисейского региона, в диссертационном исследовании Б.Н. Пяткина, [Пяткин, 1982] а также в монографии Б.Н. Пяткина и А.И. Мартынова [Пяткин, Мартынов, 1985].

Книга «Шалаболинские петроглифы» является актуальной и в наше время. Так А.Л. Заика, занимающийся изучением наскальных изображений Шалаболинской писаницы, постоянно обращается к данной монографии, подтверждая сведения о старых наскальных

изображениях и дополняя свою работу информацией о новых рисунках. [Заика, 2007. С. 24 - 38]. В вышедшей монографии отражены итоги трехлетней работы, проводимой на памятнике петроглифическим отрядом КемГУ. В монографии опубликованы в основном выбитые на скальные изображения, тогда как гравированные не вошли в публикацию. Б.Н. Пяткин, готовил к изданию вторую

книгу посвященную петроглифам Шалаболинской писаницы, в нее должны были войти таблицы гравированных изображений памятника, а также наскальные рисунки, расположенные в непосредственной близости от Шалаболинских петроглифах – Березовой горы. К сожалению, ранняя смерть Б.Н. Пяткина помешала ему осуществить намеченный план.

Рис. 1. Осыпь с 1-го участка Шалаболинской писаницы.

Фото экспедиции Б.Н. Пяткина, 1977 г.

Список литературы

Адрианов А.В. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. // Известие Русского комитета для изучения средней и восточной Азии – 1908. - № 8.

Адрианов А.В. Отчёт по обследованию писаниц Минусинского края. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. – СПб., 1910. - № 10 - С. 41-53.

Альбом фотографий Шалаболинской писаницы выполненный Кемеровским петроглифическим отрядом в 1977 – 80 гг. Архив КемГУ.

Вяткина К.В. Шалаболинские (Тесинские наскальные изображения). // Сборник МАЭ. М.-Л., 1949. - Т.12. - С. 417-484.

Заика А.Л. Петроглифы из под руин. Шалаболинская писаница // Енисейская провинция. Альманах.; КГПУ им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2007 г. – Вып. 3. – С. 24 - 38.

Капелько В. Ф. Эстампажный метод копирования петроглифов. // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1986. - С.105-111.

Окладников А.П. Шишкинские писаницы. Памятник древней культуры Прибайкалья. - Иркутск, 1959.- 210 с.

Окладников А.П. Олень Золотые рога. М.-Л., 1964. - 208 с.

Пяткин Б.Н. Альбом ситуационных планов - 1977.

Пяткин Б.Н. Капелько В. Ф. Шалаболинские писаницы, в книге Археологические открытия 1977 г. - М., 1978. - С. 276.

Пяткин Б.Н. Шалаболинская писаница. (вопросы методики и хронологии). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Кемерово, 1982 г. 275 с. // Архив КемГУ.

Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1985 г. – 192 с.

Пяткин Б.Н. Работы отряда по изучению наскальных изображений среднего Енисея // Исследование памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока, Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1987. - С. 57 – 62.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности Среднеенисейских петроглифов (по итогам работ Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. Сб.науч.трудов кафедры археологии КемГУ. – Кемерово, 1999. - С. 47-74.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980 - 321 с.

Е.В. Акимова, И.В. Стасюк, Е.А. Томилова, В.М. Харевич
Красноярский государственный педагогический
университет имени В. П. Астафьева

ИЗУЧЕНИЕ ПАЛЕОЛИТА ДЕРБИНСКОГО ЗАЛИВА (1993-2007 гг.): ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Залив Дербина, крупнейший из заливов Красноярского водохранилища долгое время в качестве перспективного археологического района не рассматривался. Это было связано как с удаленностью залива от магистральных путей археологических экспедиций, так и с общей труднодоступностью территории. В конце 1950-х гг. З.А. Абрамовой в устье Дербины была открыта неолитическая стоянка, однако, материалы эти так и остались неопубликованными. Немаловажную роль в отсутствии интереса к Дербинскому заливу сыграло и то, что в приустьевом его участке нет ландшафтов, характерных для известных районов сосредоточения позднепалеолитических памятников (Новоселовский, Куртакский и др.). Тем не менее, сообщения о находках в заливе скоплений плейстоценовой фауны периодически поступали от местных рыбаков.

В июне 1993 г. Е.В. Акимовой, В.П. Чеха и Н.Г. Усаниной в ходе однодневной поездки были обследованы, в основном, мысовые участки по левому берегу залива, где были открыты местонахождения, названные Дербина I, II и III, и отдельные участки вдоль правого берега Дербины и правого берега ее притока – Малтата. Название Дербина IV

получил отрезок береговой линии Дербины протяженностью около 2 км выше устья залива Малтат. Под Дербиной V тогда понимали участок непосредственно ниже устья Малтата. Именно здесь в береговом обнажении В.П. Чеха зафиксировал горизонт с колотыми костями и углами и датировал его каргинским временем [Акимова, Чеха, 1995]. С 1998 г. этот участок стал называться Малым Логом II, а Дербина V «была перенесена» в 200 м западнее, непосредственно в устье Малтата. Местонахождение Дербина VI располагалось значительно ниже по течению Дербины, на правом приустьевом участке залива Малый Малтат (р. Дербинец).

Независимо от нас, в 1993-1994 гг. берега залива были обследованы врачом, художником и краеведом из г. Дивногорска М.Ю. Тихомировым. Им было открыто около 20 пунктов, в числе которых локальные пятна экспонированного материала на участках от северо-западных Усть-Малтата II до Дербины IV и от Малтата до Дербины V, а также Дербина II (у Тихомирова – Снежный), Кижарт (4 пункта) и Дербина IX. Сам М. Ю. Тихомиров не давал названия открытым стоянкам, указывая только номера пунктов. Важно отметить, что в его

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ 13-11-24601 (Региональный конкурс "Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном" 2013 - Красноярский край).

коллекции одним из наиболее ярких элементов являлись многочисленные клинки-бифасы, полностью отсутствовавшие в наших сборах.

Первые представления об археологии Дербинского залива были сформированы на основе, главным образом, поиска хронологических различий между комплексами. Большинство местонахождений было предварительно датировано в диапазоне каргинского (Дербина IV-VI) – сартанского (Дербина II) времени, для Малтата и Дербины III предполагался финальносартанский или раннеголоценовый возраст.

В 1996 г. Е.В. Акимовой, И.В. Стасюком, Е.А. Томиловой и М.Ю. Тихомировым была проведена совместная археологическая разведка по правому берегу Дербинского залива, в районе залива Малтат, где сосредоточено наибольшее количество местонахождений. Разведка проводилась после резкого подъема уровня водохранилища в 1995 г. (242 м) и падения его до отметок 230 м летом 1996 г. На полностью обнажившихся отмелях проявилась вся картина локализации археологических памятников. К сожалению, воспользоваться столь благоприятной возможностью в полной мере тогда не удалось.

Стационарные исследования в Дербинском заливе были начаты только в 1998 г. отрядом КГПУ и ИАЭТ СО РАН [Акимова, Стасюк и др., 1998]. Основные работы были сосредоточены на наиболее перспективном участке – в заливе р. Малтат. Был обследован отрезок береговой линии Малтата и Дербины, где расположены местонахождения Дербина V, Малый Лог I, II, Усть-Малтат I, Ближний Лог, Малтат (правый берег и

приустьевой участок Малтата), Усть-Малтат II, Дербина IV (участок Дербины выше устья Малтата). Именно в это время создавалась опорная схема пикетов, закреплялись названия за безымянными логами и открываемыми местонахождениями.

Основное внимание в 1998 г. было уделено фиксации крупных скоплений подъемного материала на береговых отмелях. Опробована и дала хорошие результаты инструментальная разметка перспективных площадей (до 1,5-2,5 тыс. кв. м) на квадраты площадью 100 кв. м (при необходимости – до 25 и 5 кв. м) в сочетании с геодезической съемкой, маркировкой и фиксацией материала по квадратам и последующим созданием сводного плана местонахождений. Необходимость использования данной методики, ее ценность и одновременно ее недостатки были связаны исключительно с обилием материала (на Усть-Малтате I – более 6 тыс., на Дербина V – более 4 тыс. артефактов): студенты-практиканты не могли правильно занести на план все находки, нереальной оказалась маркировка тушью, а невозможность вывезти весь материал потребовала сортировки на месте и переноса битых галек и сколов за пределы зоны абразии. В дальнейшем «выбракованный» материал не раз пересматривался и добавлялся в состав соответствующей коллекции. Только в 1998 г. с обследованных местонахождений Дербинского залива было получено более 10 тысяч каменных артефактов.

На местонахождениях Дербина IV, V, Усть-Малтат I, II, Малтат были выполнены врезки с целью получить в

разрезе археологический материал *in situ*, идентичный обнаруженному на береговой отмели. На стоянке Ближний Лог были проведены раскопки на площади 24 кв. м.

Невосполнимой потерей, досадной неудачей 1998 г. являлась несогласованность действий археологов и палеонтологов. Фаунистические остатки фиксировались не по квадратной разметке и даже не по местонахождениям, а по берегам залива. Сегодня все материалы по палеонтологии Дербины 1998 г., наиболее результативного в плане исследования экспонированных комплексов залива, хранятся в фондах Красноярского краеведческого музея.

По итогам исследований был сделан вывод, что большинство местонахождений Дербинского залива относится ко времени каргинского межледникова. В разрезах местонахождений Усть-Малтат II, Дербина IV и V археологический материал *in situ* был зафиксирован именно в педоседименте, для которого, по аналогии с куртакским педокомплексом, предполагалась каргинская датировка. Этому не противоречили и результаты датирования образцов угля из разрезов по правому берегу Малтата: 29230 ± 940 (СОРАН-4200), 32430 ± 540 (СОРАН-4201) (Дербина V) и 31480 ± 1650 (СОРАН-4202) (Зеленый Лог, 1,5 км севернее Дербины V). Концом сартанского времени по условиям залегания культурного горизонта была датирована стоянка Ближний Лог. Было отмечено, что за исключением Ближнего Лога, все местонахождения залива Малтат демонстрируют развитие одной археологической культуры с двухплоща-

дочными монофронтальными нуклеусами, зарождением и развитием торцовой техники, пластинчатой индустрией и различными формами бифасов, в том числе – клинов-бифасов. Определенная близость дербинскому палеолиту просматривалась в подъемных комплексах Приморска и Каштанки IA, III-IV. Ближний Лог выпадал из данного круга и по своей стратиграфической позиции, и по специфике инвентаря, вызывавшего аналогии в материалах енисейских памятников так называемой «мелкопластинчатой индустрии» [Лисицын, 2000].

В 1999 г. были обследованы берега Дербинского залива и приустьевые участки притоков, осмотрены открытые в 1993-94 гг. Усть-Дербина, Дербина I-III, IX, Кижарт, открыты стоянки Дербина VII, VIII. Впервые начаты раскопки Дербины IV (25 кв. м) и Дербины V (9 кв. м), позволившие получить археологический материал в каргинском педоседименте [Акимова, Стасюк и др., 1999].

В 2000 г. в Дербинском заливе начали работать д. г.-м. н. С.А. Лаухин (Институт проблем освоения Севера СО РАН, гг. Тюмень-Москва) и д. г.-м. н. А.Ф. Санько (Институт геологических наук НАН Беларуси, г. Минск). Соответственно, основное внимание было уделено геологическому изучению памятников района, отбору образцов на спорово-пыльцевой, радиоуглеродный и макрофаунистический анализы [Лаухин, Санько и др., 2002].

Раскоп 1999 г. на Дербине V, расположенный в тыловой части береговой отмели, был расширен до 42 кв. м. В пляжных отложениях непосредственно на площади раскопа было обнаружено

около 200 фрагментов костей носорога, лошади, бизона, марала, лося и 427 каменных артефактов. Непосредственно в дербинском педоседименте было зафиксировано 50 артефактов [Акимова, Стасюк и др., 2002].

Работы 2000 г. позволили сделать заключение, что человек появился в Дербинском археологическом районе в конощельский период каргинского потепления и существовал там (видимо, с перерывами) до сартанского позднеледниковья включительно. Это подтверждалось, в частности, и результатами малакологического изучения, и радиоуглеродными датами образцов из береговых уступов. В то же время возникло противоречие с датами по углю, полученными из того же педоседимента, но в раскопе Дербины V на береговой отмели – 21100 ± 200 и 21320 ± 300 (СОАН-4346, 4346А), которые через год были подтверждены датами 20460 ± 465 (СОАН-4796), 21440 ± 450 (СОАН-4797) [Стасюк, Томилова и др., 2000]. Убедительного объяснения несогласованности датировок в то время сформулировано не было – визуальная «непрерывность» залегания педоседимента в толще берегового уступа и отмели позволяла предположить единственный вариант – омоложение датировок, полученных из культурного горизонта, локализованного на сезонно затапливаемом участке береговой отмели.

По итогам исследований были определены основные характеристики дербинской индустрии: бифасы клинковых и овальных форм, орудия на крупных удлиненных пластинах (концевые скребки, ножи), разнообразные формы

остроконечных орудий, однодвухплощадочные моно-бифронтальные уплощенные плоскостные и торцовые нуклеусы. При этом, в качестве рабочей гипотезы рассматривалось существование двух вариантов индустрии: усть-малтатского, наиболее показательным элементом которого являются острия и скребловидные орудия с узким рабочим краем на отщепах, немногочисленные бифасы, пластины с ретушью и дербинского, с концевыми скребками, остроконечниками, листовидными симметричными бифасами и разнообразными орудиями на пластинах.

Изучение четвертичных отложений Малтатского участка позволило С.А. Лаухину выделить не только дербинский педоседимент конощельского времени, но и усть-малтатскую почву казанцевского потепления, и покровскую почву зырянского межстадиала (или раннекаргинского потепления), имеющих межрегиональное распространение [Лаухин, Стасюк и др., 2002].

В 2001 г. из-за высокого (241 м) уровня воды пришлось отказаться от работ на правом берегу Малтата, ограничившись раскопками Дербины V на площади 33 кв. м. Основной материал (около 747 экз. изделий из камня и 300 фрагментов костей) был зафиксирован в пляжных отложениях.

Специфика расположения прирезки к раскопу – по направлению к логу – позволила проследить два уровня залегания археологических остатков: непосредственно в солифлюирированной погребенной почве и в перекрывающем ее сером суглинке. В разрезах 1998-2000 гг. он фиксировался в виде маломощного

горизонта и в качестве самостоятельного геологического слоя не рассматривался. Обнаружение в верхнем уровне *in situ* миндалевидного клинка-бифаса подтвердило раннюю датировку наиболее спорного элемента каменной индустрии дербинского палеолита [Акимова, Томилова и др., 2001]. Большая часть артефактов (34 экз.) и фрагментов костей (146 экз.) была обнаружена в нижнем уровне в переслоенной погребенной почве.

Основные работы были сосредоточены на отрезке от левого приустьевого участка Малтата до Дербины IX. Главное внимание уделялось изучению местонахождения Дербина IV, где были заложены прирезка к раскопу 1 (1999 г.), раскопы 2 и 3, общей площадью 43 кв. м. Культурный горизонт залегает в верхней части каргинского (как предполагалось тогда, конощельского) педоседимента, на глубине 3,5-4 м от дневной поверхности. Плотность находок, как правило, достаточно высока, но набор артефактов крайне невыразителен. Общее количество артефактов составляет 1802 экз. большинство из которых составляют мелкие чешуйки, отщепы и сколы – 1659 экз. Выделить стратиграфические горизонты подобно Дербине V на Дербине IV не удалось, хотя попытка была предпринята [Стасюк, Лаухин и др., 2001].

К этому времени сложилась основа периодизационной схемы дербинского палеолита. В ранней (каргинской) группе было выделено два основных этапа: 1) Дербина IV, V, Усть-Малтат I, II, Малый Лог I, II - местонахождения приустьевого участка залива Малтат; 2) Дербина II, VII – местонахождения, рас-

положенные за его пределами, в том числе по левому берегу залива. Проблематичной представлялась датировка местонахождения Малтат (сборы 1993 г.) с каргинской спецификой первичного расщепления, неясной стратиграфической позицией и явными финальнопалеолитическими включениями (1998 г.). Малтат и ряд местонахождений правого берега Малтатского залива были отнесены к сартанскому времени [Стасюк, Акимова и др., 2002]. Сегодня подобное расчленение памятников ранней группы кажется малообоснованным, слишком «интуитивным», хотя дальнейшие исследования, в основном, подтвердили правильность подобного заключения.

На Дербине V были определены некоторые закономерности распределения артефактов различных категорий на поверхности береговой отмели. Так именно в восточной части памятника были найдены концевые скребки и остроконечники на пластинах, в то время как в западной – округлые скребки и скошенные «тупики» – острия с узким скребковым краем, традиционно встречающиеся на Усть-Малтате I. Бифасы были найдены, как правило, в верхней части отмели, вблизи подножия берегового уступа. Это стало основанием предполагать наличие на Дербине V двух разновременных памятников [Стасюк, Акимова и др., 2002]. В последующие годы эта идея не получила развития, хотя данный факт опровергнут не был.

Возвращение воды в 2002 г. на уровень 1999 г. позволило организовать сборы подъемного археологического и фаунистического материала по обоим берегам залива, на 14 локальных место-

нахождениях и вдоль береговой отмели по берегам залива Малтат без выделения отдельных пунктов. Материал был получен, главным образом, из размываемых каргинских суглинков непосредственно на береговой отмели и, в меньшей степени, за счет разрушения лесовых толщ береговых уступов. Наибольший интерес представляют подъемные сборы местонахождений Малтат, Усть-Малтат I, II, Малый Лог I, II (Покровка I, II), Дербина II, IV-VII и Кижарт [Акимова, Стасюк и др., 2002]. По левому берегу Дербинского залива обнаружено новое палеолитическое местонахождение в урочище Сухая Скора.

На местонахождении Малый Лог II (с 2002 г. – Покровка II) в экспонированном состоянии обнаружен фрагмент лобной кости черепа *homo sapiens*. Условия залегания и сохранность позволяют датировать ее, как и материалы памятника, каргинским временем. Это была первая находка такого уровня на Красноярском водохранилище [Бужилова, Добровольская, Медникова, 2009].

Особое внимание предполагалось уделить раскопкам Дербины V. Был расконсервирован раскоп 2001 г., начата разборка культурного слоя. Однако в середине сезона раскоп был размыт ливнем (глубина образовавшегося водоема достигла 1 м), работы были прекращены и более не возобновлялись.

На стоянке Дербина IV были завершены разборка культурного горизонта в раскопе 3 (2001 г.), прирезке к раскопу 1 (1999, 2001 гг.), выполнена прирезка к раскопу 2 (2001 г.). В целом, в культурном горизонте, на площади 40 кв. м получено 556 артефактов. Среди

фаунистических остатков, в большей степени неопределенных, найден крупный фрагмент нижней челюсти пещерного льва.

Новый памятник был выявлен в районе Ближнего лога. Геоморфология участка позволяет считать, что на береговой отмели и в береговом обнажении был вскрыто одно поселение общей площадью не менее 4000 кв. м, западная граница которого фиксируется раскопом 1998 г. Двухслойный памятник был назван Конжулом по названию притока Малтата, для обозначения его отличия от однослоиной стоянки в береговом обнажении, раскопанной в 1998 г. (Ближний Лог) [Акимова, Горельченкова и др., 2002].

На площади 305 кв. м был собран подъемный археологический материал, относящийся к экспонированному культурному слою памятника – всего 2372 артефакта, включая многочисленные нуклеусы, разнообразные орудия на мелких пластинах с ретушью, долото-видные орудия, резцы.

В нижней части береговой отмели был зафиксирован участок не потревоженного культурного слоя. Здесь, на площади 30 кв. м. было получено 548 артефактов, включая две бусины из камня и крупную костяную иглу, и многочисленные фаунистические остатки: крупные обломки костей мамонта, пластинки бивня, лопатка и фрагмент нижней челюсти северного оленя.

По итогам 2002 г. был сделан вывод о наличии двух комплексов, принципиально различных по каменному сырью. Предполагалось, что слой *in situ* является более поздним и полностью

уничтожен водохранилищем в верхней части береговой отмели, а более древний слой мог быть размыт и экспонирован на береговую отмель последним (или одним из последних) подъемов уровня водохранилища. В этом случае сохранилась надежда проследить его на отмели, непосредственно ниже известного культурного слоя, который соответственно получал № 1. Уже работы следующего года показали, что большая часть подъемных сборов принадлежит культурному слою, разрушенному полностью и залегавшему стратиграфически выше слоя, раскопанного *in situ*.

По образцам кости мамонта из культурного слоя Конжула Л.А. Орловой получены две даты: 11980 ± 155 (СОАН-4953) и 12160 ± 175 (СОАН-4954). Это стало первым подтверждением финальнопалеолитического возраста для дербинских памятников, относимых к «индустрии мелких пластин» [Акимова, 2003].

В 2003 г. в работах на Дербине, помимо д. г.-м. н. С.А. Лаухина, впервые принял участие к. б. н., профессор Белорусского государственного университета А.Н. Мотузко.

В июле-августе повышение уровня водохранилища привело к повсеместному размыву береговой линии с концентрацией археологического и фаунистического материала в полосе размыва.

На береговых отмелях известных местонахождений, за исключением Усть-Малтата I, подъемные сборы были крайне малочисленны. Разведкой обследованы местонахождения Дербина I, II, IV, IVA, V, VIII, IX, Кижарт, Сухая Скора. По левому берегу залива открыто новое

местонахождение Подснежное. Основные работы были проведены на стоянках Усть-Малтат I, II, Покровка II, Малтат и Конжул [Акимова, Стасюк и др., 2003].

На стоянке Усть-Малтат II работы производились непосредственно в размываемом береговом уступе. На площади врезки (8 кв. м на глубину до 1,5 м), в дербинском педоседименте было найдено 259 артефактов, фрагменты костей лошади, кулана.

На стоянках Усть-Малтат I и Покровка II (Малый лог II) на абразионной поверхности береговой отмели были обнаружены выходы культурного слоя в дербинском педоседименте. Были заложены раскопы площадью, соответственно 14 и 60 кв. м, глубиной до 1-1,5 м. В раскопах на местонахождении Усть-Малтат I получено 129 артефактов, на местонахождении Покровка II – 201.

На Усть-Малтате I работы производились способом вертикальной расчистки вскрываемой толщи. Небольшая протяженность раскопа не позволила детально зафиксировать специфику разноса артефактов по склону, но наглядно показала единство комплекса, независимо от стратиграфического положения отдельных артефактов. Работы 2003 г. позволили сделать вывод об относительной одновременности всех местонахождений, привязанных к дербинскому педоседименту. Различия в стратиграфическом положении связаны с уклоном, дальностью и, вероятно, интенсивностью переноса артефактов и костных остатков. Максимальная степень переотложения прослеживается на Усть-Малтате I, Дербине IV и Покровке II, меньшая – на Дербине V, минимальная –

на Усть-Малтате II. По мере переотложения слоя археологический материал перемещается в верхнюю часть педоседимента вплоть до перекрывающего его горизонта. Малая степень переотложения отмечается по концентрации артефактов в нижней, наиболее гумусированной части педоседимента, и увеличению количества крупных тяжелых предметов. К тем же выводам позволил прийти отбор образов на микротериофауну: максимальное количество костей грызунов получено на Усть-Малтате II (до целых особей) и Дербине V, в то время как на Покровке II и Усть-Малтате I кости грызунов единичны.

Неожиданными оказались результаты датирования образца древесного угля из разреза Усть-Малтат I. Дата 12010 ± 140 (СОАН-5295) не соответствовала нашим представлениям ни о возрасте артефактов, ни о возрасте почвенного горизонта, вмещающего культурные остатки. По данным А.Н. Мотузко, немногочисленные костные остатки грызунов свидетельствовали о времени кокоревского потепления, что вполне соответствовало дате, но противоречило морфологии почвенного горизонта и археологическим материалам [Мотузко, рукопись].

Таким образом, выявился круг проблем абсолютной и относительной хронологии дербинского палеолита. Если ранее считалось, что все памятники ранневерхнепалеолитического облика связаны со временем формирования дербинского педоседимента конощельского времени, то микротериологические и малакологические данные позволили выявить более сложную картину. Процесс переотложения каргинских почв в

пределах Дербинского района отмечается и в течение сартанского времени. Это заставляет обратить внимание на тафономию ископаемых остатков фауны и археологического материала, на особенности различных вариантов (склон, лога) переотложения различных комплексов фауны и артефактов.

В 2003 г. были продолжены работы по изучению поздней группы памятников. На стоянке Малтат заложен первый раскоп площадью 9 кв.м. Здесь, на глубине 0,9-1,3 м был вскрыт культурный слой финальнопалеолитического времени. Общее количество артефактов составило 1223 экз. Ведущей формой орудий являются пластины и пластинчатые сколы длиной 2-5 см с мелкой краевой ретушью по обоим краям. Уникальной стала находка шести обломков каменных бусин, выточенных из серпентина (определение О.Ю. Перфиловой).

В июле 2004 г. произошел подъем уровня водохранилища до 243 м. Все местонахождения на береговой отмели были затоплены. Объектами, доступными для изучения, оставались только Малтат и Дербина IV, расположенные непосредственно в береговых обнажениях, на 4-8 м выше уреза воды.

Раскопки стоянки Дербина IV велись на площади 18 кв. м. В культурном горизонте найдено около 300 артефактов, в том числе 2 нуклеуса, отщепы с ретушью, кости кулана. По погодным условиям раскоп не был закончен и законсервирован на стадии разборки нижней части культурного горизонта.

Произведен отбор образцов микротериофауны под руководством А.Н. Мотузко с параллельным изучени-

ем геологических разрезов С.А. Лаухиным на местонахождениях Дербина V, Усть-Малтат II, Татарка. На Ближнем Логу, Малтате, Дербина IV отбор образцов производился непосредственно из стенок и культурного слоя раскопов.

Раскопки стоянки Малтат велись на площади 28 кв. м. Общая численность коллекции каменного инвентаря 2004 г. составляет 1918 экз., в составе которой орудия на пластинах и пластинчатых сколах длиной 2-6 см с мелкой чешуйчатой ретушью по обоим краям и фасам, одноплощадочные монофронтальные нуклеусы, резцы, скребки, остроконечники, долотовидные орудия и обломки каменных бусин [Акимова, Мотузко и др., 2004].

В 2003-2004 гг. выявились проблема датирования Малтата, до конца неразрешенная и по сей день. Образец по обломкам неопределимых костей дал дату 9475 ± 110 (СОАН-5521), что представляется нам неприемлемым с позиции археологического материала. Учитывая даты Конжула и различие в фаунистическом наборе обоих памятников, мы были склонны датировать Малтат самым финалом сартанского времени - норильской стадией. По мнению А.Н. Мотузко, геоморфологическое положение памятника, отсутствие в разрезе Малтата остатков моллюсков и, наконец, данные коллагенового анализа свидетельствуют о значительно более раннем возрасте Малтата по сравнению с Ближним Логом и Конжулом – вплоть до 15 т. л. н. [Мотузко, Соболь и др., 2004]. Более древний возраст Малтата казалось подтверждала и находка в слое фрагмента зуба молодого носорога. Различие в возрасте Конжула

и Малтата подчеркивалось различием в видовом наборе остатков фауны: северного оленя и мамонта на Конжуле, лошади и кулана – на Малтате.

Летом 2005 г. уровень водохранилища постепенно опустился до 237 м. Были обследованы все известные памятники Дербинского залива (Дербина I-IX, Усть-Малтат I, II, Малтат, Конжул, Кижарт, Татарка, Сухая Скора, Подснежная, Усть-Дербина, локальные пункты по правому берегу Малтата), найдены новые местонахождения Сырая Скора, Дербина X (Копылов ручей) [Акимова, Стасюк и др., 2005]. Благодаря постоянно отступающей линии береговой отмели, была выявлена определенная закономерность во времени и очередности появления экспонированных и размыываемых культурных горизонтов на ее поверхности.

На местонахождениях Дербина IV, IVA, V, Покровка I, II, Усть-Малтат I, II сбор подъемного материала производился по разметке с площадью квадрата 100 кв. м, на местонахождениях Конжул и Малтат – по секторам с нивелировочной привязкой, на остальных местонахождениях – с привязкой к топоплану. Общее количество артефактов превышает 5 тыс. экз.

На местонахождениях Дербина IV, Усть-Малтат I, II, Малтат произведен отбор образцов микротериофауны под руководством А.Н. Мотузко с параллельным изучением геологических разрезов С.А. Лаухиным. С этой целью выполнены серии разрезов и траншей общей площадью 42 кв. м на местонахождении Дербина V. При производстве земляных работ и промывке культурного

горизонта на Дербине V были получены артефакты и фаунистические остатки крупных млекопитающих *in situ* (нуклеус, долотовидное орудие, отщепы, метоподий лошади).

Работы 2005 г. позволили уточнить периодизацию палеолита Дербинского залива. К ранней группе отнесены местонахождения Дербина IV, V, Покровка I, II, Усть-Малтат I, II, а также, вероятно, Кижарт, Дербина II, VII, Татарка.

Была высказана гипотеза о том, что различия между памятниками ранней группы, связаны с возрастом памятников. По правому приустьевому участку Малтата тенденция к «деградации» пластинчатости увеличивается вверх по течению, достигая максимума в индустрии Усть-Малтата I. Близкая ситуация просматривается и на левом приустьевом участке Малтата, где подобная тенденция, но с некоторой сдвигкой во времени, проявляется вверх по течению Дербины, от Усть-Малтата II к Дербине IV и, вероятно, Дербине VII [Акимова, Стасюк и др., 2005]. Соответственно, даты, полученные из культурных горизонтов опорных памятников района - Дербина IV (22-21 т. л. н.), Дербина V (30-29 т. л. н., 22-21 т. л. н.), Усть-Малтат I (12 т. л. н.), свидетельствуют не о возрасте артефактов, а исключительно о времени их переотложения по склону. Это подтверждают как геоморфологическое положение самих памятников, так и устойчивое сочетание группировок дат, связанных с начальными этапами периодов похолоданий (конощельского, гыданского, послекокоревского).

Данная гипотеза может быть подтверждена или опровергнута только

дальнейшими исследованиями, получение комплекса новых дат с разных объектов, в первую очередь со стоянки Усть-Малтат I, занимающей явно обособленное положение в палеолите Дербины.

К поздней группе отнесены места нахождения Ближний Лог, Малтат, Конжул, Дербина IVA, VI и IX, серия пунктов вдоль правого берега Малтата. Новые материалы свидетельствуют, что эти памятники представляют не менее трех различных технических вариантов (локальных культур?). К позднему этапу «мелкопластинчатых индустрий» (типа Афанасьевой горы) отнесены Ближний Лог, Конжул, Малтат. Для Дербины IVA и IX характерны небольшие концевые скребки, долотовидные орудия (в массовом количестве), выемчатые орудия на пластинчатых сколах. Первичное расщепление представлено невыразительными формами небольших одноплощадочных монофронтальных нуклеусов. При определенном сходстве между ними и индустрией Конжула-Малтата на Дербинах IVA и IX полностью отсутствуют пластинки с ретушью по краю и концу. Местонахождение Дербина VI по характеру инвентаря тяготеет к кокоревским памятникам русла Енисея. Неясно положение Лысого Лога II с мелким инвентарем, пока не вызывающим аналогии ни в памятниках типа Малтата, ни в памятниках типа Дербины IVA и IX. Особняком располагаются Лысый Лог I и памятники левого берега Дербины: Дербина I, III, VIII, Сухая Скора, Сырая Скора, Подснежное.

Планы исследований на 2006 г. не реализовались в связи с очередным ката-

строфическим паводком: уровень Красноярского водохранилища подошел вплотную к критической отметке 243 м. Единственно возможными в этих условиях являлись раскопки местонахождений Дербина IV и Малтат. Впервые были проведены палеопедологические исследования на разрезах местонахождений Дербина IV и Дербина V (д. б. н. Губин С.В., г. Пущино, Лаухин С.А., г. Москва), продолжены работы по изучению геолого-геоморфологического строения малтатского участка (Вашков А.В., Еленский Ю.Н., г. Минск, Беларусь) [Губин, Лаухин и др., 2006].

На стоянке Малтат было вскрыто 20 кв. м культурного слоя, где найдено 1528 каменных артефактов (в промывке – 4094). В составе коллекции 2006 г. 9 нуклеусов, 60 пластин с ретушью, 10 скребков, 6 резцов, 7 долотовидных орудий, 2 целых каменных бусины и 11 обломков бусин. Впервые здесь был обнаружен очаг с приочажными ямками. На сегодняшний день Малтат является одним из наиболее информативных стратифицированных памятников «мелких пластинчатых индустрий» Среднего Енисея, класса Афанасьевской горы и 19 культурного слоя Лиственки [Акимова, Махлаева и др., 2006; Акимова, Дроздов и др., 2005]. Дискуссионность вопроса о возрасте Малтата обрела новую почву: по мнению А. Н. Мотузко геолого-геоморфологическая позиция Малтата позволяет датировать его 13,6 т. л. н. В то же время образец сажи из очага дал дату 10680 ± 170 (СОАН-6726).

На Дербина IV впервые выявлен нижний почвенный горизонт с псевдоморфозой по жильным льдам, подсти-

лающий культуросодержащий педоседимент, что подтверждает датировку памятника либо липовско-новоселовским временем, т. е. временем формирования почвы, либо началом гыданской стадии, т. е. временем ее переотложения в педоседимент.

Работы 2007 г. проводились в условиях медленного снижения уровня воды. Основные исследования велись на стоянке Дербина IV, в прирезках к раскопам 2 и 3 общей площадью 30 кв. м. В культурном слое на глубине 3,5-4 м при расчистке и промывке было получено более 500 артефактов, в том числе заготовка бифаса (?) на массивной пластине, сколы с нуклеусов, пластины, концевой скребок на сколе кварца.

Обследование береговой отмели позволило получить около 1 тысячи каменных артефактов и фаунистических остатков. Открыты два новых местонахождения по правому берегу залива: Денисовка и Труфаново. На участке между Усть-Малтатом II (пикет 7) и Дербиной IV (пикет 13) был выделено местонахождение Усть-Малтат III, к которому отнесены многочисленные сборы с пикетов 10-11.

Таким образом, наши исследования позволяют сделать заключение, что в Дербинском археологическом районе прослеживаются два разнохронологических и пока генетически неясно связанных периода: позднесартанский (Ближний Лог, Конжул, Малтат, Дербина IVA, VI и IX, вероятно, Дербина I, III, VIII и другие) и позднекаргинский – раннесартанский (?) (Дербина IV, V, Усть-Малтат I, II, Покровка I, II, Труфаново, вероятно, Дербина II, VII, Кижарт и Татарка).

Позднесартанский период представлен памятниками, позволяющими говорить о существовании в его рамках носителей разных культурных традиций. Очевидно, что типологическая карта позднего палеолита Енисея была значительно более пестрой, чем принято было считать совсем недавно. По материалам Дербинского залива можно выделить две группы финальносартанских местонахождений: малтатскую (Малтат, Ближний Лог и Конжул) и копыловскую (Дербина IVA, Дербина IX). Совершенно иной характер демонстрируют индустрии одиночных местонахождений правого (Дербина VI, Лысый Лог I, II, Зеленый Лог) и левого (Дербина I, III, VIII, Подснежная и др.) берегов залива Дербина.

Менее разнородно на фоне финальнопалеолитических индустрий выглядят комплексы «ранние». Однозначно можно утверждать, что в Дербинском заливе сосредоточена самая яркая и представительная серия памятников, относимых к раннему этапу формирования позднепалеолитических индустрий на Енисее. По совокупности геологических, палеонтологических данных, по характеру и особенностям археологического материала на сегодняшний день предполагается два хронологических эпизода в развитии одной пластинчатой индустрии каргинского времени.

Наиболее архаичный облик археологического материала в совокупности с залеганием культурного горизонта памятника в толще слабо переотложенного, по мнению А.Н. Мотузко, педоседимента (гидроморфной почвы?) демонстрирует Усть-Малтат II. Именно на данном памятнике наиболее ярко прояв-

ляются черты «архаичности» дербинских индустрий – леваллуазские традиции в технике первичного расщепления, массивность бифасов и практически полное отсутствие микрорасщепления. Вероятно, синхронной Усть-Малтату II является индустрия Кижарта, однако эти представления, по большей части, сформулированы на основании анализа техники первичного расщепления, т. к. орудийного материала на Кижарте явно недостаточно. Локализация памятника на мысовидном выступе древней террасы с обилием валунов андезита и трахита в русловом аллювии – основного сырья дербинской индустрии, может свидетельствовать о существовании здесь стоянки-мастерской, что могло оказать влияние на архаичность облика предметов расщепления. Более молодыми, по сравнению с данными комплексами выглядят Дербина IV, V, Усть-Малтат III с листовидными бифасами и Покровка I и II, где не зафиксированы бифасы клинковых форм. Особое положение занимает Усть-Малтат I, как в силу стратиграфического положения, так и особенностями морфологии инвентаря. В технике первичного расщепления эти особенности проявляются в более низкой степени пластинчатости, невысокой удлиненности пластинчатых заготовок, большей стандартизацией микрорасщепления. В орудийном наборе – значительной ролью отщеповых заготовок, выразительными сериями характерных именно для данного памятника острийных орудий, «неправильными» формами бифасов. Характер отличий индустрии Усть-Малтата I от других «ранних» дербинских памятников на сегодняшний день предполага-

ется либо как хронологический, связанный с деградацией пластинчатости, либо как локально-культурный, синхронный Дербине IV-V или Покровке I-II. Несомненно, однако, что данный комплекс архаичнее как «мелкопластинчатых» индустрий, так и «классических» афонтовской и кокоревской енисейских верхнепалеолитических культур.

В целом, говоря о предварительных итогах археологического изучения Дербинского залива, необходимо выделить следующее:

1. Оптимальной стратегией изучения археологического района в береговой зоне Красноярского водохранилища следует считать регулярное, планомерное, ежегодное обследование всей площади береговой отмели и прилегающих к ней береговых уступов. Непредсказуемое соотношение «случайности» и «прогнозируемости» в появлении локальных скоплений археологического материала, связанное с неостановимым процессом разрушения отложений, вмещающих археологические комплексы, заставляет считать это единственно возможным вариантом.

2. На сегодняшний день очевидно, что поиски археологических памятников по принципу «подходящего места» не соответствуют реальной картине. «Неудобных» для заселения в позднем палеолите участков практически не существует, что, соответственно, не позволяет выявлять палеолитические местонахождения только на основании анализа современного рельефа и ландшафтных особенностей.

3. Строение толщи четвертичных отложений в Дербинском заливе

представляется нам сегодня более сложным, нежели в первые годы исследований. Стало очевидно, что в условиях отрогов Восточного Саяна, большая расчлененность микрорельефа приводит к тому, что при внешнем однообразии в соотношении литологических горизонтов, их мощностей и последовательности, геологическое строение на отдельных участках обусловлено различными факторами, в том числе такими, как деятельность коренных и частных склонов, логов, аллюзных озер и т.д.

4. Работы в Дербинском заливе позволили сформулировать вывод, что общая картина развития позднепалеолитических индустрий на Енисее также оказалась более сложной, чем это представлялось ранее. Изучение ранних комплексов Дербины показало, что Средний Енисей наряду с Горным Алтаем, Забайкальем и Прибайкальем был территорией, где происходило становление верхнепалеолитических индустрий «ориньякского» облика. Поздние же комплексы Дербины свидетельствуют о том, что развитие верхнепалеолитических индустрий в финале плейстоцена не имело столь выраженного стадиального содержания, но может рассматриваться в достаточно ярко выраженным локально-культурном аспекте. Анализ всей совокупности материалов по так называемой «средней стадии», позволил авторам выделить таачихскую археологическую культуру, к позднему этапу которой относятся дербинские стоянки Малтат, Конжул, Ближний Лог и два пункта в логу Волчиха (Волчиха I, II), расположенных в 5 км выше устья залива Дербина [Акимова, 2006].

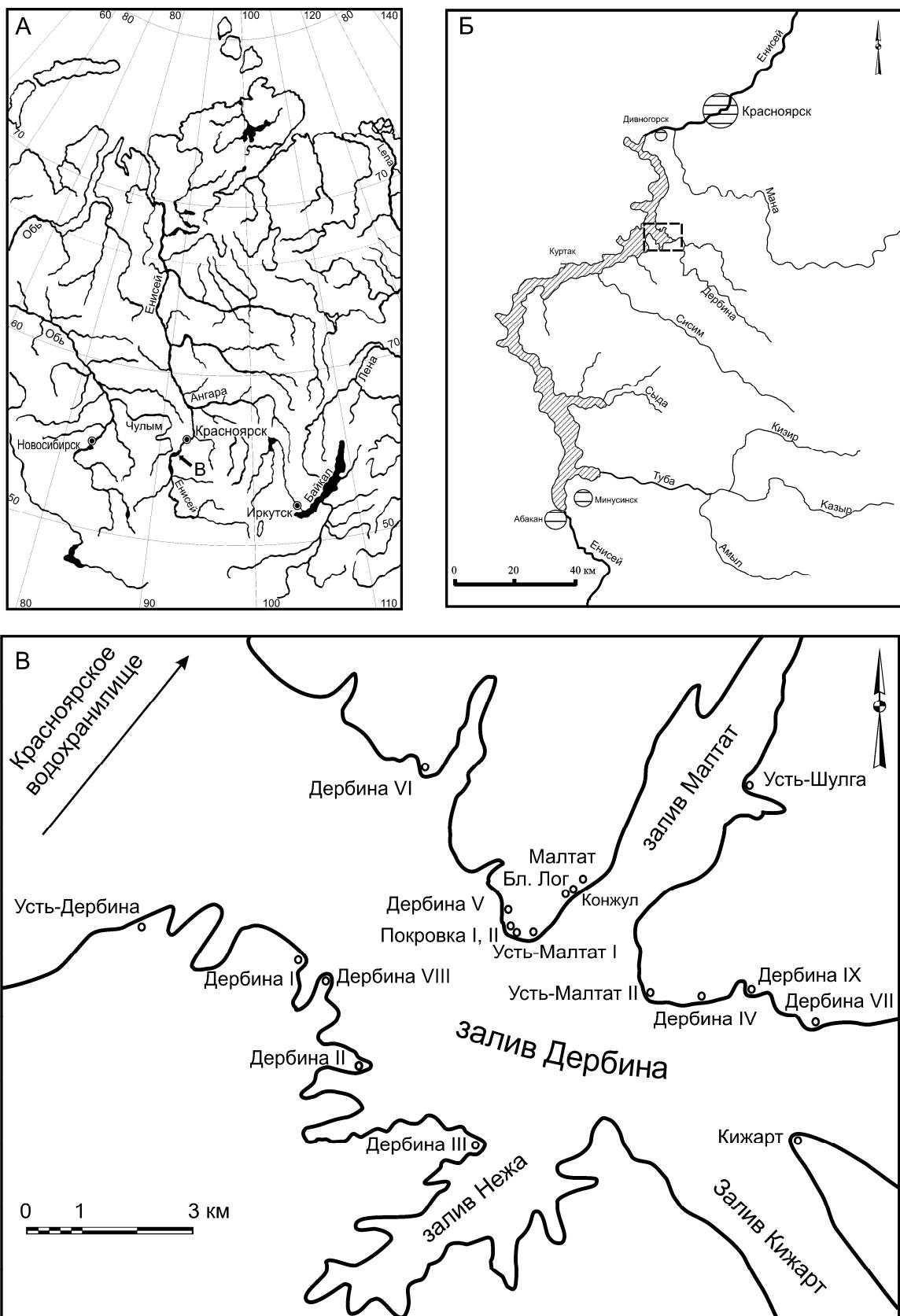

Рис. 1. Дербинский археологический район.

А – местоположение в Северной Азии; Б – на Красноярском водохранилище;

В – схема расположения основных памятников

Перспективы дальнейших исследований Дербинского района зависят от целого ряда факторов и обстоятельств. Безусловно, что работы в районе далеки от завершения. Циклические колебания уровня водохранилища неизбежно приведут к пополнению коллекций экспонированного материала на уже известных памятниках, что, кроме самого факта получения новых коллекций, позволит уточнить границы памятников, выявить археологические и палеофаунистические материалы *in situ*, открыть новые место-

нахождения (в идеале – не затронутые разрушительным воздействием водохранилища). Не может считаться законченной и работа по геологическому, палео-экологическому и палеогеографическому изучению района и его локальных участков, основным желаемым итогом которой следует считать создание полной и подробной местной хроностратиграфии, коррелируемой с геохронологией Средней Сибири и сопредельных территорий.

Список литературы

Акимова Е.В. «Средний этап» позднего палеолита в Приенисейской Сибири // Современные проблемы археологии России. Материалы всероссийского археологического съезда. – Новосибирск, 2006. – С. 94-96.

Акимова Е.В. Финальный палеолит Дербинского археологического района // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г., посвященной 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т.IX., часть I – С. 8–14.

Акимова Е.В., Горельченкова О.А., Стасюк И.В., Лаухин С.А. Позднепалеолитическая стоянка Конжул в Дербинском заливе Красноярского водохранилища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. VIII – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – С. 11–16.

Акимова Е.В., Дроздов Н.И., Чеха В.П., Лаухин С.А., Орлова Л.А., Санько А.Ф., Шпакова Е.А. Палеолит Енисея. Лиственка – Красноярск – Новосибирск, «Универс»-«Наука», 2005. – 180 с.

Акимова Е.В., Махлаева Ю.М., Стасюк И.В. Раскопки позднепалеолитической стоянки Малтат в Дербинском заливе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XII, часть I – С. 4–8.

Акимова Е.В., Мотузко А.Н., Кравченко Е.Н. Позднепалеолитическое местонахождение Малтат: проблемы стратиграфического и археологического изучения. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Т. X., часть I – С. 11–16.

Акимова Е.В., Стасюк И.В. Бифасы Дербинского залива // Современные проблемы евразийского палеолитоведения - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 14–18.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Горельченкова О.А., Мотузко А.Н., Лаухин С.А. Изучение палеолита Дербинского залива (Красноярское водохранилище) в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. IX., часть I – С. 14–18.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Лаухин С.А., Махлаева Ю.М., Орешников И.А., Назаров Д.В., Гуляев А.А. Изучение палеолита Дербинского залива в 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. VIII– Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – С. 17–21.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Махлаева Ю.М., Харевич В.М., Кукса Е.Н., Лаухин С.А., Мотузко А.Н. Итоги археологических исследований в Дербинском заливе в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI., часть I – С. 6–11.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Мотузко А.Н., Лаухин С.А., Махлаева Ю.М., Санько А.Ф., Кравченко Е.Н. Финальнопалеолитические местонахождения залива Малтат (Дербинский археологический район) // Древности Приенисейской Сибири. – Вып. 4 – Красноярск, 2005. – С. 3–22

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А. Археологическое изучение Дербинского залива (Красноярское водохранилище) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Том. IV. – С. 6–11.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Лаухин С.А. Новые данные по археологии позднепалеолитического местонахождения Дербина V // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Том. VI. – С. 24–27.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Тихомиров М.Ю. Изучение палеолита Дербинского залива // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1999. – С. 11–16.

Акимова Е.В., Томилова Е.А., Стасюк И.В., Лаухин С.А., Гуляев А.А. Археологическое изучение позднепалеолитического местонахождения Дербина V // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2001. – Том. VII. – С. 6–10.

Акимова Е.В., Чеха В.П. Залив Дербина – новый археологический район на Красноярском водохранилище // Обозрение. 1993 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1995. – С. 129–133.

Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б. Лобная кость *homo* из верхнепалеолитического местонахождения Покровка II в Сибири // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 3. 2009. С. 4–13.

Губин С.В., Лаухин С.А., Стасюк И.В., Акимова Е.В. Результаты первых палеопедологических исследований в Дербинском археологическом районе. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XII, часть I – С. 60–64.

Лаухин С.А., Санько А.Ф., Еловичева Я.К., Мотузко А.Н., Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А. Дербина V - опорный разрез Дербинского археологического района (юго-запад Восточного Саяна) / "Литосфера", №1 (16), 2002. – С. 49–57.

Лаухин С.А., Стасюк И.В., Волгина В.А., Санько А.Ф., Акимова Е.В., Томилова Е.А. К геологии Малтатского участка Дербинского археологического района // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2001. – Том. VII. – С.166-170.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. Труды ИИМК РАН, том II – С-Пб, 2000. – 230 с.

Мотузко А.Н., Соболь О.В., Ходырева М.М., Акимова Е.В. Возможности использования коллагенового метода для определения геологического возраста отложений и местонахождений артефактов на территории Дербинского археологического района // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Т.Х., часть II – С.227–231.

Стасюк И.В., Акимова Е.В., Томилова Е.А., Лаухин С.А., Санько А.Ф., Тихомиров М.Ю., Махлаева Ю.М. Палеолитические местонахождения Дербинского археологического района (Красноярское водохранилище) // Вестник археологии, антропологии и этнографии – вып.4 – Тюмень, 2002 – №4 – С. 3–16.

Стасюк И.В., Акимова Е.В., Томилова Е.А. Поздний палеолит Дербинского археологического района: первые итоги и перспективы исследований // Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий - Красноярск: Изд-во КГПУ, 2000. – С. 127–128.

Стасюк И.В., Акимова Е.В., Томилова Е.А., Санько А.Ф., Лаухин С.А. Позднепалеолитическое местонахождение Дербина V на Красноярском водохранилище // Вестник археологии, антропологии и этнографии – Вып. 4 – Тюмень, 2002. – № 4 – С. 17–24.

Стасюк И.В., Лаухин С.А., Томилова Е.А., Акимова Е.В. Археология и геология позднепалеолитического местонахождения Дербина IV // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2001. – Том.VII. – С. 210–214.

Е.В. Акимова, О.А. Горельченкова,
И.В. Стасюк, Е.А. Томилова
Красноярский государственный педагогический
университет имени В.П. Астафьева

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ В ЛОГУ ВОЛЧИХА (КРАСНОЯРСКОЕ ВОДОХРАНИЛИЩЕ)¹

Заполнение ложа Красноярского водохранилища и десятилетиями непрекращающийся процесс абразии его берегов привели к уничтожению тысяч памятников археологии разных эпох. Мы не можем сегодня сколько-либо точно оценить масштаб потерь, но археологические работы вдоль береговой линии водохранилища свидетельствуют не просто о плотном заселении этой территории в древности, но и о значительном научном потенциале многих погибших объектов.

Летом 1991 г. дивногорский врач М.Ю. Тихомиров посетил лог с местным названием Волчиха, ставший небольшим заливом Красноярского водохранилища. По рассказам директора Дивногорского лесотехникума Я.Я. Лукстиньша, весной 1990 г. при низкой воде по левому берегу залива располагалась некая конструкция из черепов (фрагментов черепов) мамонтов «в виде полукруга» с большим количеством «камней» внутри. Однако уже через год никаких следов скоплений костей мамонта отмечено не было. Посещение Волчихи в 1991 г. позволило только установить факт наличия трех разрушающихся стоянок с обилием каменных артефактов и костей мамонта, лошади, бизона, северного оленя. Ос-

новной массив материала располагался по правому берегу залива. В 1993 г. М.Ю. Тихомиров проводил сборы по трем пунктам: Волчиха I и III по правому берегу и Волчиха II – по левому берегу залива [Тихомиров, Акимова, 1996].

В 1996, 1997, 2002-2005 гг. разведочные работы на Волчихе проводились Дербинским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН [Акимова, Стасюк и др., 1997].

Комплекс местонахождений Волчиха I-III располагается в 70 км выше створа Красноярской ГЭС, по правому берегу Красноярского водохранилища, в 5 км выше устья Дербинского залива по обоим берегам залива в пади Тигульда (рис. 1). Борта этого мощного (ширина между коренными берегами до 300 м в современном устье), протяженного (4,4 км от верховий до ныне затопленной I надпойменной террасы Енисея) лога сложены зеленовато-серыми песчаниками каменноугольного периода и доломитами нижнего кембрия, плащеобразно перекрыты комплексом четвертичных отложений и прорезаны как молодыми, так и унаследованными древним, логами. При максимальном подъеме воды падь превращается в залив с обрывистыми осыпными берегами, при спуске воды

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержки гранта РГНФ 13-11-24601.

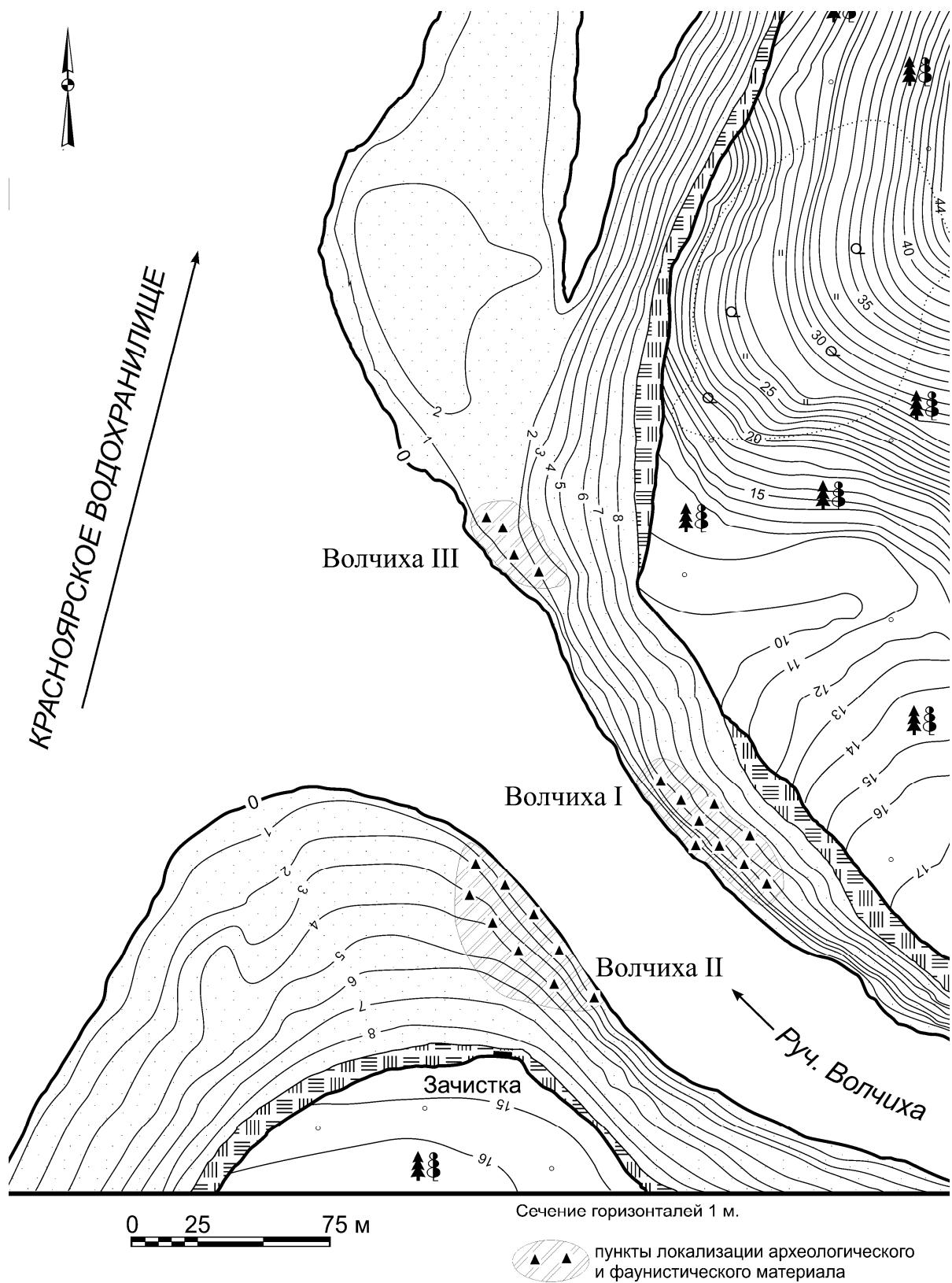

Рис. 1. Комплекс местонахождений в логу Волчиха

– в болотистый, разорванный оврагами каньон глубиной более 30 м, на дне которого протекает ручей. Разнообразие пород галечника, зафиксированного среди продуктов разрушения коренных берегов, дают основания предполагать, что на гипсометрическом уровне, соответствующем современному пляжу (243-220 м) была развита поверхность одной из енисейских террас высокого яруса (80 м?), на плоской пологой поверхности которой в устье лога в различных геоморфологических позициях и расположены памятники.

ВОЛЧИХА I

Местонахождение располагается в глубине залива, по его правому берегу (координаты $55^{\circ}18'20,6''$ с. ш.; $92^{\circ}18'3,2''$ в. д.). Памятник приурочен к террасовидному мысу, отделенному логом от коренного склона пади. В настоящее время возвышенность, гипсометрические отметки которой совпадали с максимальным подпорным уровнем водохранилища, нивелирована пляжем. Зона концентрации археологического материала расположена в пределах вымытого водохранилищем тальвега и разрушенного к настоящему времени левого борта лога. Основные сборы здесь были сделаны в 1991-93 гг., до максимального подъема водохранилища 1995 г., очевидно, уничтожившего памятник. В последующие годы в структуре береговой отмели уже отсутствуют зоны накопления продуктов волноприбойной деятельности, ближайшая к береговому уступу часть отмели пред-

ставляет собой осыпь коренных пород с внедрением линз тяжелой красноватой глины.

Сборы 1991, 1993 гг. производились выборочно, в последующие годы – практически полностью. В коллекции каменного инвентаря только 209 предметов.

Нуклеусы (6 экз.). Следы разнохарактерного расщепления прослеживаются на большинстве колотых галек, собранных на береговой отмели, и являющихся традиционной особенностью всех енисейских позднепалеолитических памятников. В большинстве случаев подобные артефакты расцениваются как неудачные заготовки нуклеусов или галечных орудий. К собственно нуклеусам нами отнесена небольшая группа изделий, позволяющая говорить об устойчивой системе расщепления. Три нуклеуса представляют собой явно сработанные формы одноплощадочных монофронтов (рис. 2 – 6, 8, 10). Коррекция угла расщепления производилась исключительно путем подтески проксимального сегмента фронта. В одном случае по контру фронту сработанного нуклеуса прослеживаются встречные снятия, нанесенные с обеих латералей нуклеуса (рис. 2 – 10). Два экземпляра нуклеусов были выбракованы, вероятно, на начальной стадии сработанности. В одном случае кварцитовая галька расщеплялась с двух противолежащих площадок, в другом – с двух смежных, что придало фронту веерообразную выпуклую форму (рис. 2 – 9). Единственным является нуклеус копытovидной формы, с фронтом замкнутым по периметру гладкой ударной площадки (рис. 2 – 12). Возможно вторичное использование в качестве скребка.

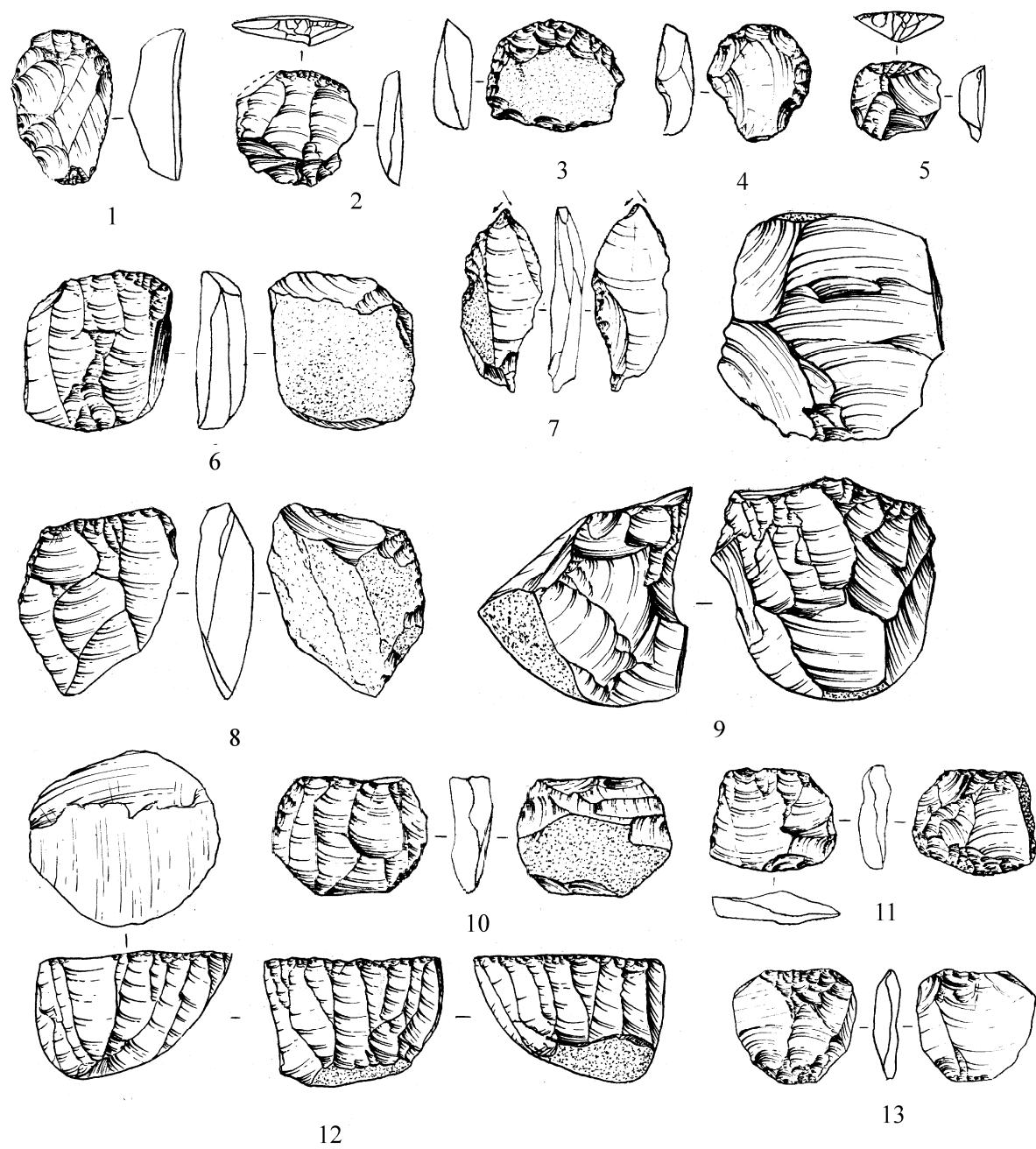

Рис. 2. Местонахождение Волчиха I. Подъемные сборы.

1-5 – скребки, 7 – резец, 6, 8, 9, 10, 12 – нуклеусы, 11, 13 – долотовидные орудия

Скребки (11 экз.) изготовлены на отщепах (рис. 2 – 1-5, 3 – 14-16), реже пластинах (рис. 3 – 13, 18) и, как исключение, на сколе с нуклеуса. Преобладающий концевой рабочий край широкий, выпуклый, как правило, со смещением ретуши на край заготовки (рис. 2 – 5, 3 – 14, 18). Один скребок, изготовленный на массивном овальном отщепе, имеет разнохарактерную ретушь по периметру, формирующую два противолежащих концевых рабочих края (рис. 2 – 1).

Вероятно, к скребловидным может быть отнесено орудие на массивном крупном первичном сколе с выпуклым зубчатым рабочим краем.

Единственный срединный **резец** изготовлен на пластинчатом сколе. Короткий резцовый скол перекрывает ретушированный край заготовки (рис. 2 – 7).

Долотовидные орудия (3 экз.) изготовлены на некрупных кремневых отщепах трапециевидной формы. Обе поверхности обработаны встречными уплощающими снятиями. Противолежащие рабочие края имеют характерную сработанность (рис. 2 – 11, 13, 3 – 9).

Пластины с ретушью, выемчатые орудия (28 экз.). Мелкая чешуйчатая ретушь дислоцируется в разных вариантах по обоим краям и фасам. Характерны пластины с ретушью по естественному или усеченному концу заготовки (рис. 3 – 2-4, 12, 19), с ретушью, образующей четко очерченные выемки по одному или обоим краям пластины (рис. 3 – 1, 6, 7, 10, 11).

Галечные орудия (8 экз.), как правило, представляют собой традиционные для Енисея чопперовидные битые гальки, по крутизне рабочего края отно-

симые как к собственно чопперам, так и к стругам. В большинстве случаев на плоских поверхностях присутствуют следы забитостей. Одно изделие имеет двустороннюю обивку рабочего края (рис. 3 – 17).

ВОЛЧИХА II

Местонахождение расположено по левому приустьевому участку залива ($55^{\circ}18'17,5''\text{СШ}$, $92^{\circ}17'53,0''\text{ВД}$). Высота обнажений здесь достигает 10 м с последующим (по енисейскому берегу) увеличением мощности.

Археологический материал сосредоточен на поверхности береговой отмели, непосредственно вдоль размываемого прибоем берегового уступа. Береговая отмель, в зависимости от разрушения водохранилищем различных геологических слоев, сложена песчаными, глинистыми отложениями и продуктами переотложения коренных пород и аллювия одной из енисейских террас верхнего яруса долины. Здесь, на площади около 200 кв. м, собрано 1,3 тыс. артефактов из кремня, яшмы, кварцита и роговика.

Нуклеусы (17 экз.). Основной формой нуклеусов являлись одноплощадочные монофронты овальной и овально-подтреугольной формы с тенденцией к уплощению (8 экз.). Оформление площадки производилось один, реже, несколькими сколами, без подправки рабочего сегмента (рис. 4 – 2, 8, 10, 11). К данной группе условно может относиться микронуклеус с переносом (расширением?) плоскости склывания на латерали и контрфронт (рис. 4 – 7). В качестве ударной площадки использовалась плоскость расслоения породы.

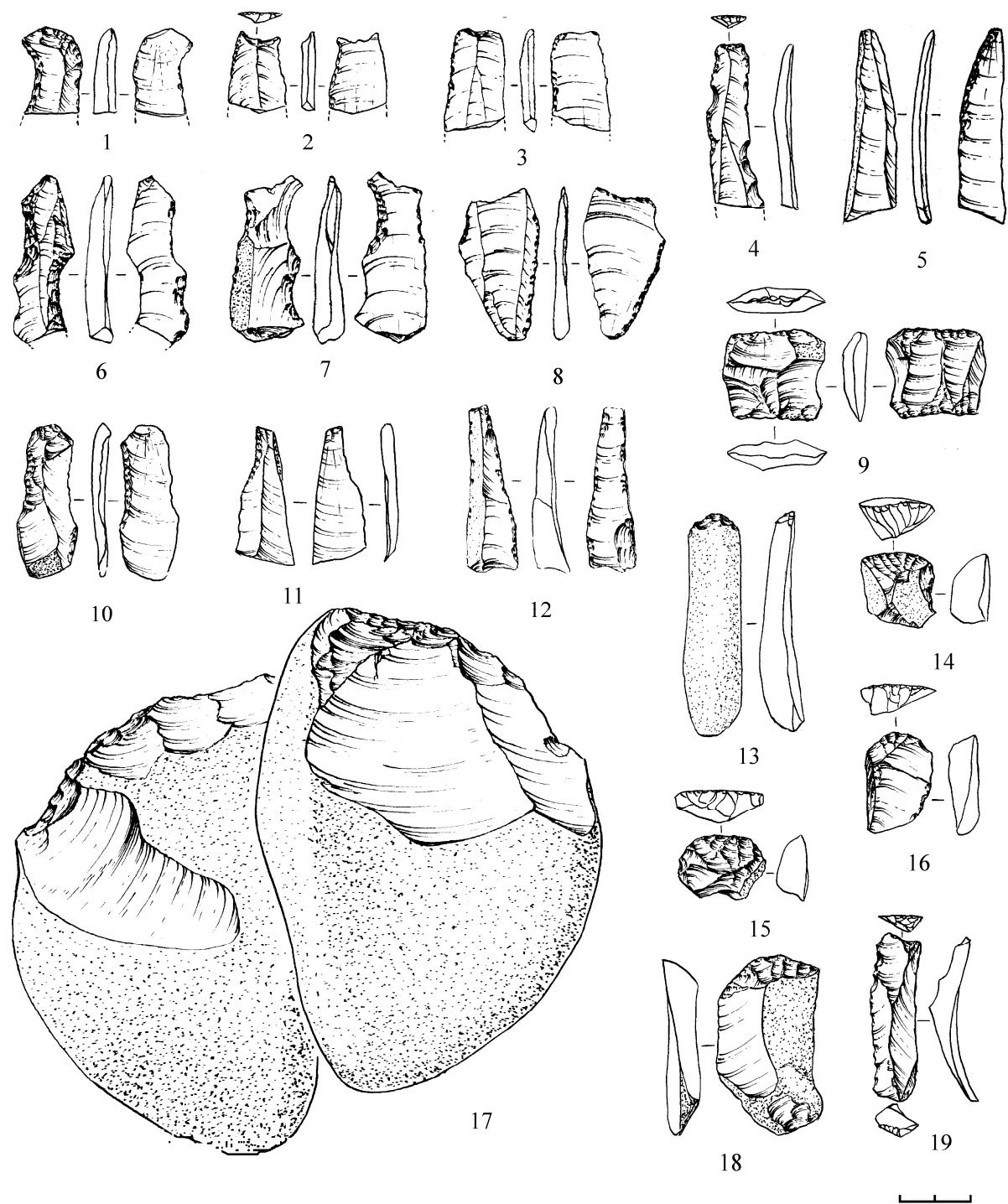

Рис. 3. Местонахождение Волчиха I. Подъемные сборы.
 1-8, 10-12, 19 – пластины с ретушью, 9 – долотовидное орудие,
 13-16, 18 – скребки, 17 – галечное орудие

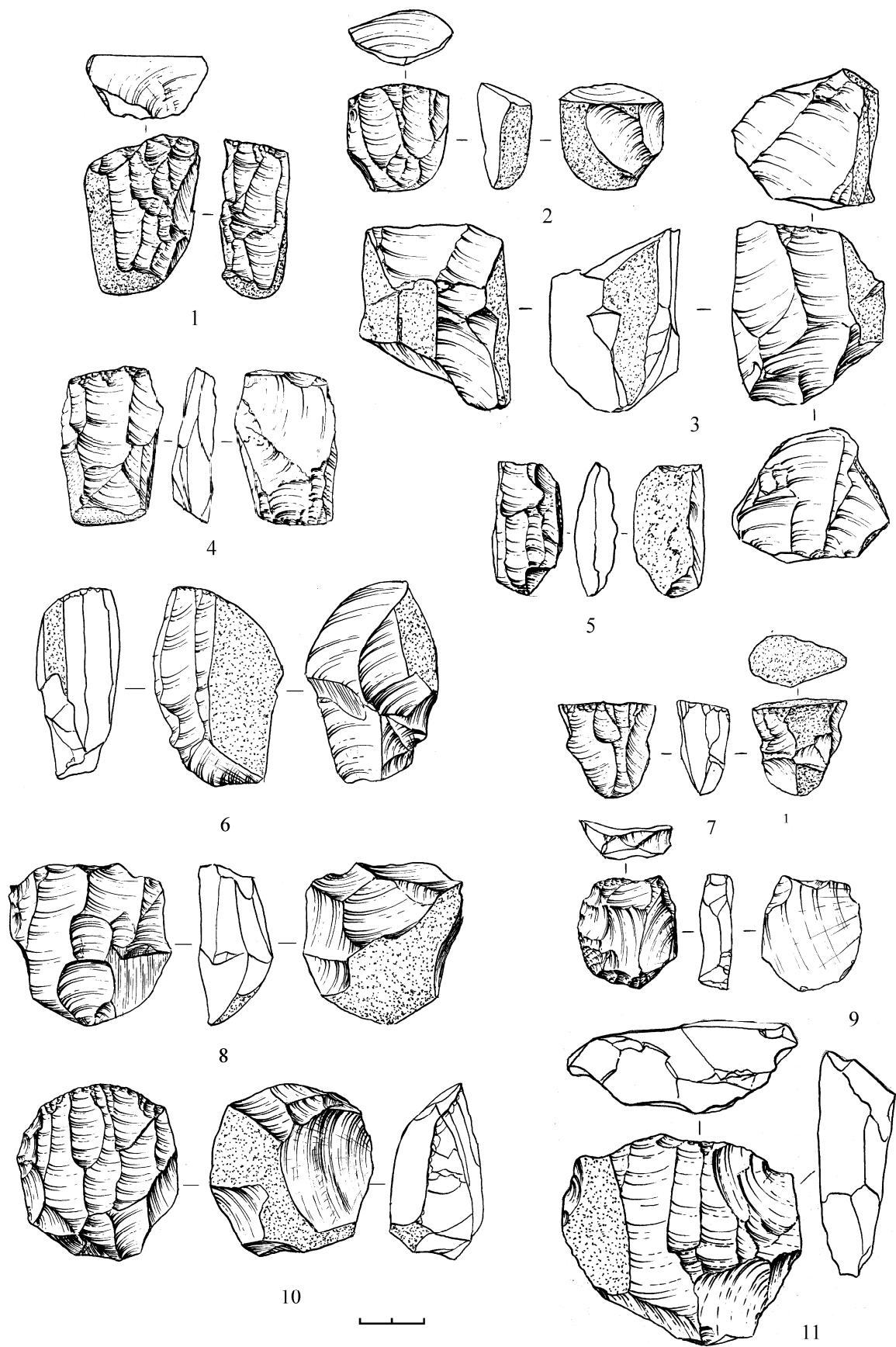

Рис. 4. Местонахождение Волчиха II. Подъемные сборы.

1-11 – нуклеусы

Вероятно, самостоятельную группу составляют нуклеусы (3 экз.), где снятия производились одновременно с широкой плоскости и торца (рис. 4 – 1).

На единственном торцовом нуклеусе со скошенным на плоскость фронтом, отмечена попытка снятий по контрафронту со второй площадки, расположенной на дистальном конце (рис. 4 – 6).

У небольшой группы нуклеусов (4 экз.) прослеживается перенос фронта (или параллельное использование двух фронтов) в процессе эксплуатации. В двух случаях вторая площадка оформлялась на дистальном конце исходной формы, при этом угол пересечения фронтов составлял 100-150°, в двух – снятия производились с противоположно лежащих, перекрестно направленных фронтов (рис. 4 – 3).

Из комплекса выпадает изделие, которое можно интерпретировать как заготовку клиновидного микронуклеуса со скребковым рабочим краем (рис. 4 – 9). Близкие формы известны в подъемных сборах Приморска и культурном слое 15А Лиственки [Акимова, Анненский, 2005; Акимова, Дроздов и др., 2005].

Скребки (11 экз.) на пластинах и пластинчатых сколах (рис. 5 – 3, 6–8), коротких массивных сколах с параллельной огранкой (рис. 5 – 5), в единичных случаях – на сколе с проксимальной части фронта нуклеуса (рис. 5 – 9), широком и коротком отщепе с рабочим краем на овальном выступе (рис. 5 – 1). Собственно на округлых отщепах изготовлены два скребка (рис. 5 – 2, 4). Независимо от формы заготовки преобладает концевое расположение рабочего края. Никакой стандартизации не прослежива-

ется: оформление рабочего края индивидуально как по форме (прямой, выпуклый, веерообразный, суженный), так и по углу нанесения и удлиненности ретуши (от короткий пологой до длинной крутой). В половине случаев на дорсале присутствует галечная корка.

Особое место занимает скребок (?) (рис. 5 – 10), возможно, изготовленный на сработанном нуклеусе. Высокий рабочий край оформлен на овальном выступе на дистальном конце исходной формы.

Боковым скребком (маленьким скреблом) является орудие на овальной отщеповой заготовке (рис. 5 – 13).

В качестве скребков могли использоваться некоторые пластины с ретушью по широкому дистальному концу.

Скребло (1 экз.). К скребловидным орудиям может быть отнесено изделие с бифасиальной обработкой поверхностей, центральной пологой ретушью по обоим краям и долотовидной подтеской обоих концов без следов соответствующей сработанности (рис. 5 – 11).

Ножевидное орудие (1 экз.). Крупный экземпляр типа *ulu* на крупном отщепе с широким выпуклым дистальным концом (рис. 5 – 14).

Долотовидное орудие (1 экз.) на небольшом отщепе. Два противолежащих рабочих края имеют подтеску и характерные забитости.

Резцы (10 экз.). Серия резцов представлена орудиями, находящимися на разных стадиях оформления и эксплуатации. На 7 экз. прослеживается общая закономерность: нанесение продольного или диагонального скола и

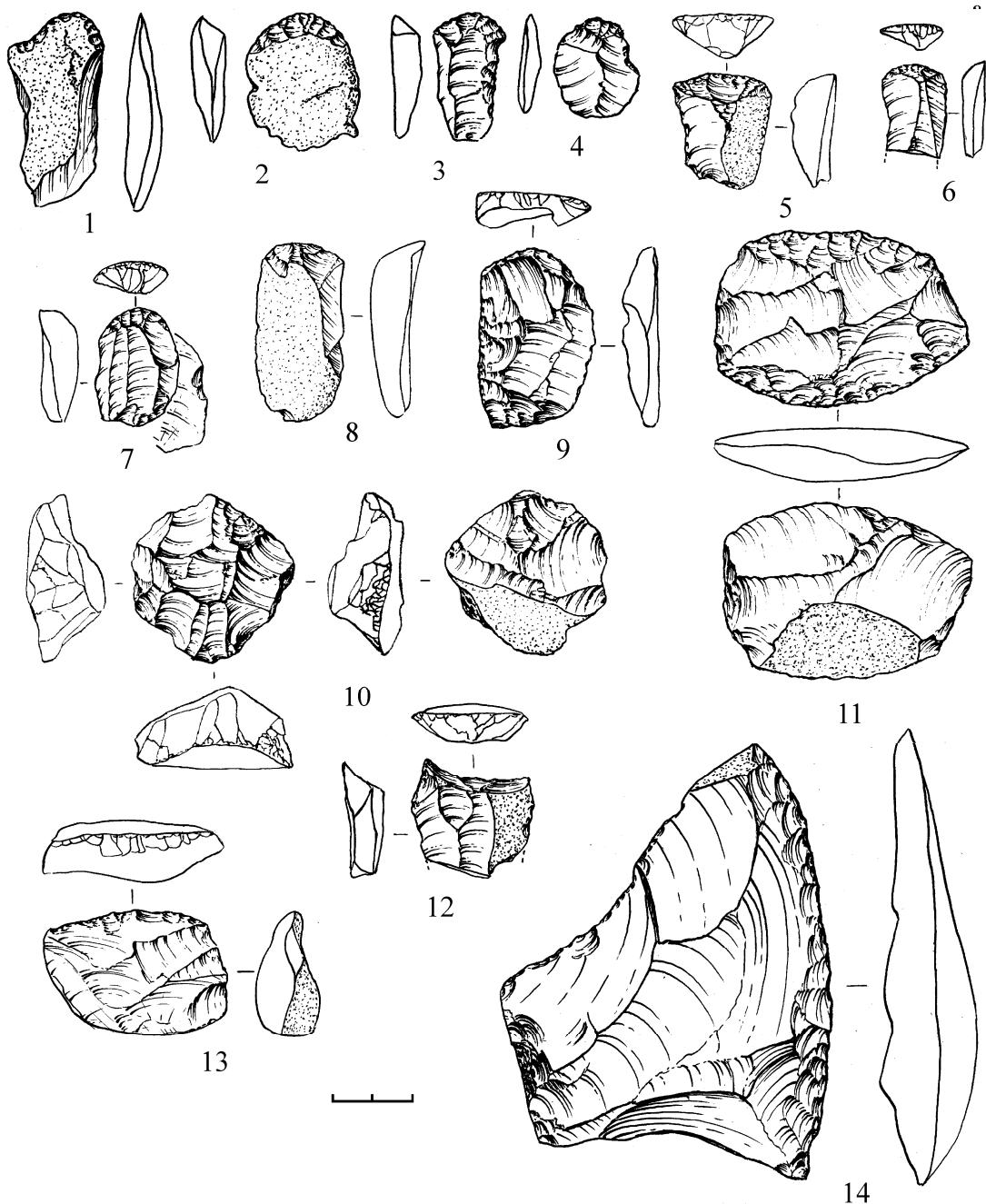

Рис. 5. Волчиха II. Подъемные сборы. Каменный инвентарь:
 1-9, 13 – скребки, 10 – нуклеус-скребок, 11 – скребло-бифас
 14 – ножевидное орудие

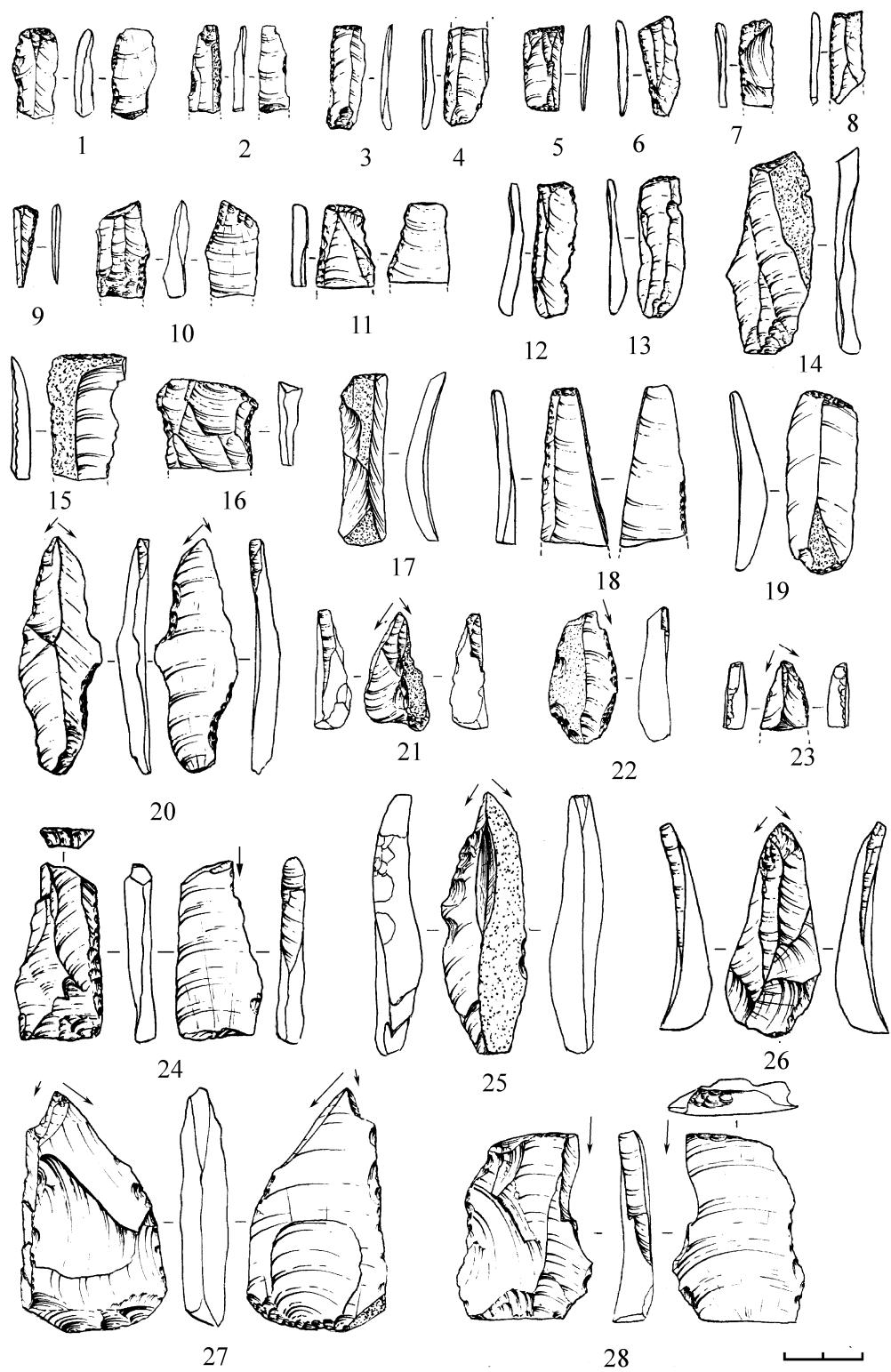

Рис. 6. Местонахождение Волчиха II. Подъемные сборы.
1-19 – пластины с ретушью, 20-28 - резцы

оформление рабочего участка одним или серией тонких пластинчатых сколов под углом от 90 до 45°, как правило, по предварительно ретушированному краю (рис. 6 – 20, 21, 23, 25– 27). Ширина рабочей кромки составляет от 2,5 до 5 мм.

Проколка (1 экз.). Изготовлена на отщепе или фрагменте некрупной пластины. Треугольное жальце смещено на край заготовки (рис. 5 – 12).

Пластины с ретушью (67 экз.). Набор пластин более разнообразен. Кроме пластин с ретушью по одному или обоим краям, одному концу заготовки (рис. 6 – 13-15, 17, 19), присутствуют пластины с ретушью по краю и концу с углом пересечения около 90 и 110° (рис. 6 – 3, 6, 8, 9, 12), по обоим концам и краю с комбинацией углов 90-90° и 90-110°, по обоим концам (рис. 6 – 5), по обоим краям и поперечному или скошенному концу, выемчатые орудия с ретушью по одному и обоим фасам (рис. 6 – 16).

В составе коллекций Волчихи I и II присутствуют чопперовидные орудия на гальках эфузивов со следами забитостей по рабочему краю и плоскостям, отщепы с крутой ретушью, фрагменты пластин, в том числе с рабочей ретушью

ВОЛЧИХА III

Местонахождение располагается на правом приустьевом участке залива, где прослеживаются остатки размытой террасовидной площадки, до затопления отделенной от коренного склона логом. Материал зафиксирован непосредственно вдоль волноприбойной полосы, на площади менее 100 кв. м. Отдельные крупные артефакты и фаунистические

остатки найдены на поверхности песчаной косы, тянувшейся вдоль берега залива на протяжении около 300 м.

Здесь наряду с крупными одноплощадочными монофронтальными и пирамidalным нуклеусами найдены клиновидные микронуклеусы (рис. 7 - 7). В составе орудийной коллекции скребки концевые на пластинах и овальные на отщепах (рис. 7 – 1, 5), продольные скребла на сколах с крупной ступенчатой ретушью (рис. 7 – 2, 10), долотовидное орудие типа *piece escaille*, боковой резец на пластине, остроконечники на пластинах (рис. 7 – 3, 4, 9), проколка на отщепе с четко выделенными ретушированными плечиками, крупные пластины и фрагменты пластин с ретушью по одному или обоим краям (рис. 7 – 6). Здесь же найдены немногочисленные пластины небольших размеров с ретушью по краю и усеченному концу, характерные для Волчихи I и II.

Вместе с каменными артефактами по берегам залива были найдены многочисленные кости мамонта, лошади, бизона, северного и благородного оленей, барана (?), кулана, лося, носорога, росомахи, пещерного льва (определение А.А. Гуляева, А. Н. Мотузко).

Все пункты Волчихи объединяет сочетание мелких форм орудий, выполненных на зеленовато-серых кремневых гальках, отдельностях ярко-коричневого кремня и яшмы и традиционные для палеолита Енисея чопперы из крупных галек низкокачественного роговика. При этом, на Волчихе III вместе с характерными, хотя и малочисленными пластинаами с ретушью, присутствуют изделия более традици-

онные для енисейского позднего палеолита (остроконечники, крупные од-

ноплощадочные монофронтальные нуклеусы, скребловидные орудия).

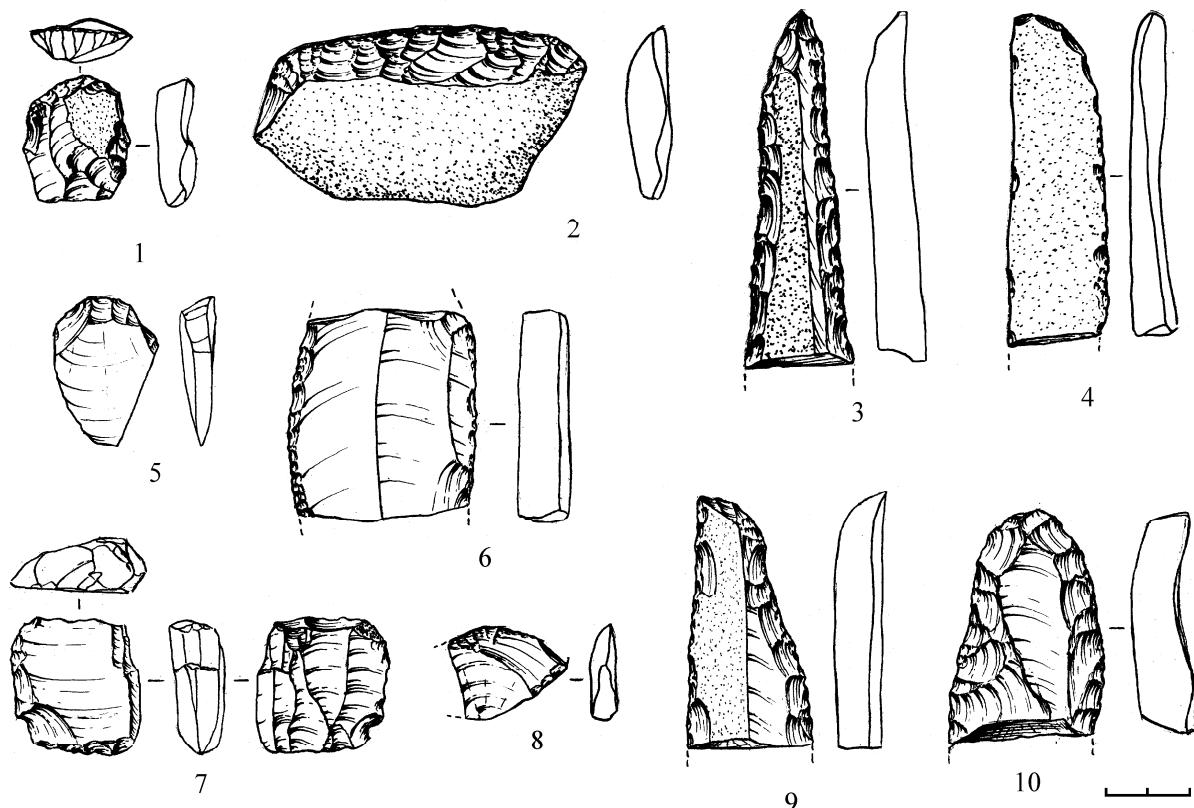

Рис. 7. Местонахождение Волчиха III. Подъемные сборы.

1-5 – скребки, 2, 10 – скребла, 3, 4, 9 – остроконечники, 6 – орудие на пластине, 7 – микронуклеус, 8 – фрагмент орудия на отщепе

Сегодня не ясны как палеоландшафт местности, так мощность водотока, прорезавшего лог. Не решен вопрос и о возрасте местонахождений. Если Волчиха III может быть достаточно уверенно отнесена к памятникам кокоревской культуры и датирована второй половиной сартанского времени, то хронологический допуск для Волчихи I и II является более широким. Обе эти стоянки отнесены к группе памятников так называемой «индустрии мелких пластин» [Лисицын, 2000] вместе с Афанасьевой горой, Тарачихой, Малтатом, Конжулом, 19 к. с. Лиственки и др. [Акимова, 2010,

2011]. Культура мелких пластин, названная тарачихской [Акимова, 2006, 2008, 20011], прослеживается на Среднем Енисее на двух хронологических отрезках – 22-16 т. л. н. и около 13-10 т. л. н. с разрывом, связанным, вероятно, с уничтожением водохранилищем уровня II-III надпойменных террас, поселения на которых могли возникать в периоды инстадиалов. Стоянки Волчихи отнесены нами к афанасьевской линии этой культуры, характеризующейся одноплощадочными монофронтальными нуклеусами, небольшими пластинками с ретушью по одному продольному и обоим

поперечным краям и некоторой спецификой орудийного набора [Акимова, 2008]. Судя по обилию долотовидных

орудий, можно предположить, что стоянки Волчиха I и II относятся к позднему этапу тарачихской культуры.

Список литературы

Акимова Е.В. «Средний этап» позднего палеолита в Приенисейской Сибири // Современные проблемы археологии России. Материалы всероссийского археологического съезда. – Новосибирск, 2006. – С. 94–96.

Акимова Е.В. Раннесартанская индустрия мелких пластин в финале позднего палеолита Среднего Енисея: к проблеме формирования археологических рефугиумов // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Т.1. Археология. Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырьё и приёмы обработки. Санкт-Петербург, "Наука" 2008. – С. 37–47.

Акимова Е.В. Поздний палеолит Красноярского водохранилища / Вестник НГУ, серия: история, филология, Т. 10, Вып. 7. 2011. – С. 111–118.

Акимова Е.В., Аннинский Е.С. Новые данные по археологии позднепалеолитической стоянки Приморской (Красноярской водохранилище) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сборник докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию С.В. Киселева – Минусинск, 2005. – С. 18–21.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Тихомиров М.Ю. Комплекс позднепалеолитических местонахождений в логу Волчиха // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – С. 14–18.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. Труды ИИМК РАН, том II – С-Пб, 2000. – 230 с.

Акимова Е.В., Дроздов Н.И., Чеха В.П., Лаухин С.А., Орлова Л.А., Санько А.Ф., Шпакова Е.А. Палеолит Енисея. Лиственка – Красноярск – Новосибирск, «Универс» – «Наука», 2005. – 180 с.

Тихомиров М.Ю., Акимова Е.В. Позднепалеолитическое местонахождение Волчиха на Красноярском водохранилище // Археология палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока (тезисы РАСК) – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1996. – Часть 1. – С. 66–69.

ПОСЕЛЕНИЕ КАМЕНКА НА ЕНИСЕЕ

В 2002 г. совместной экспедицией Красноярского госуниверситета и Красноярского краевого краеведческого музея в составе П. В. Мандрыки, А. С. Терехова, И. А. Лысенко и автора статьи был открыт комплекс археологических памятников у д. Каменск Енисейского района Красноярского края. На одном из памятников комплекса, обозначенном, как поселение Каменка, фиксировались котлованы жилищ [Мандрыка и др., 2002]. Разведочным шурфом 2003 г. было изучено позднесредневековое погребение и выявлен поселенческий слой раннего железного века [Мандрыка, 2006]. С 2010 г. совместной экспедицией музея СФУ и Енисейского педагогического колледжа под руководством автора статьи было начато стационарное исследование памятника. За два года работ (2010 и 2012 гг.) вскрыто 133 кв. м площади, на которой изучены котлованы жилищ № 1 и № 2. Результатам этих работ на памятнике и посвящена данная статья.

Поселение Каменка расположено на террасе высотой 23 – 27 м правого берега р. Енисей в 800 м южнее деревни. Западная граница памятника ограничена осыпающимся обнажившимся склоном, который подрезан дорогой. Северная – логом, по которому протекает безымянный ручей и проходит проселочная дорога, идущая на сельское кладбище. Восточная и южная границы памятника точно не определены (рис. 1). На поселении визуально читаются четы-

ре котлована жилищ раннего железного века. Кроме того, здесь было изучено позднесредневековое погребение, а также найдены отдельные предметы русского времени, средних веков и неолитического облика.

Фрагменты гончарной керамики и железный плоский наконечник стрелы (рис. 3 – 4) обнаружены в осыпях террасы. Железные наконечник стрелы, проколка и крюк (рис. 3 – 2,3,8) залегали под дерном на глубине 5-10 см, на границе серой и нижележащей светло-коричневой супеси. С этого же верхнего уровня культурного слоя было впущено средневековое погребение, изученное в 2003 г. Остальные находки залегали на нижнем уровне слоя, на глубине 10-30 см и приурочены к кровле слоя светло-коричневой супеси. Из этого же уровня слоя были впущены котлованы жилищ.

Конструкция жилищ. Четыре котлована жилищ расположены в линию в направлении северо-запад – юго-восток и имеют прямоугольную форму (рис.1). Северо-западная часть котлована жилища № 1 была разрушена осыпью, образовавшейся после строительства дороги. Кроме того, часть оставшейся площади была перекрыта строительным отвалом, вследствие чего невозможно было точно установить контуры котлована. На дне котлована № 1 около очага выявлены железные предметы, фрагменты бронзолитейных льячек, бронзолитейные всплески и каменные артефакты.

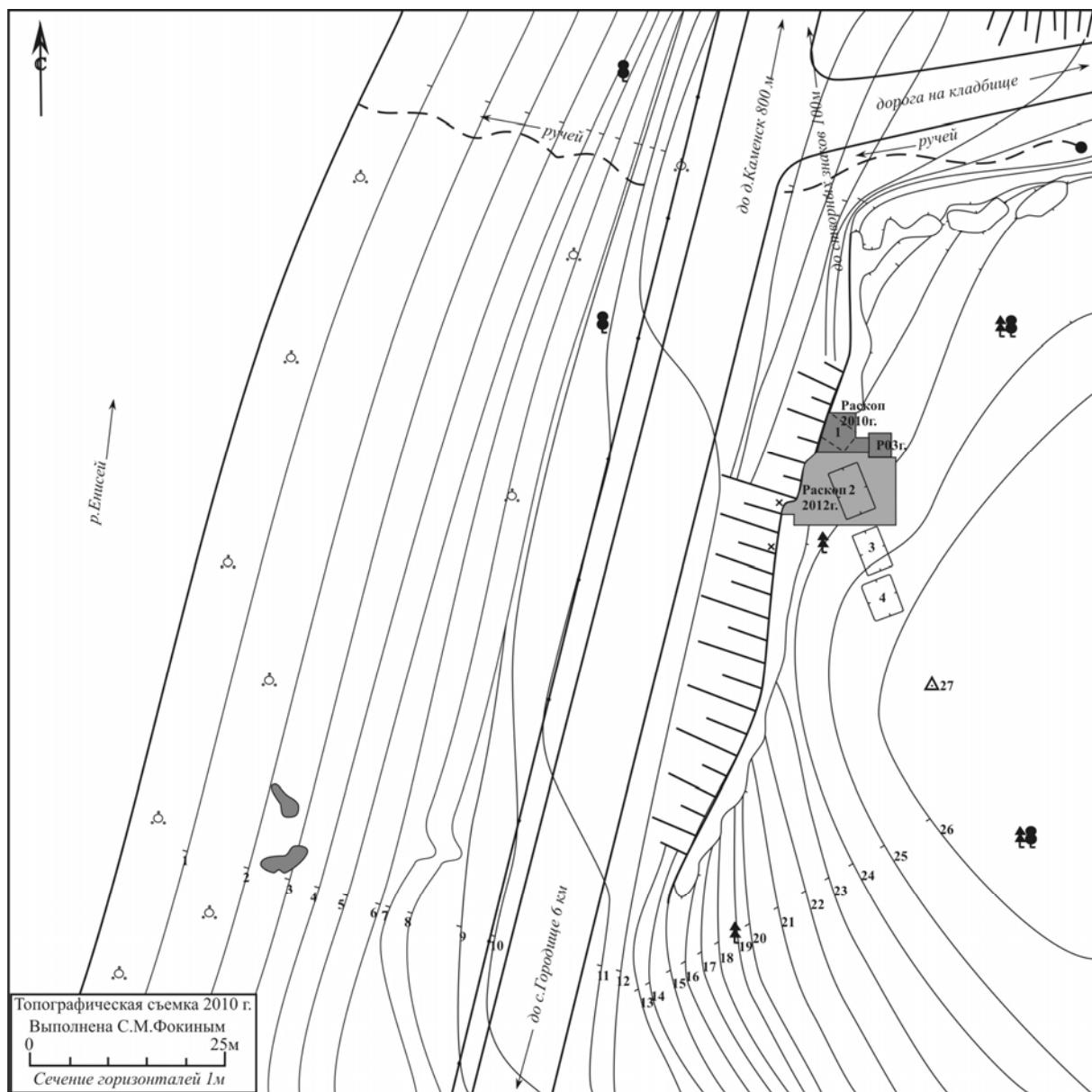
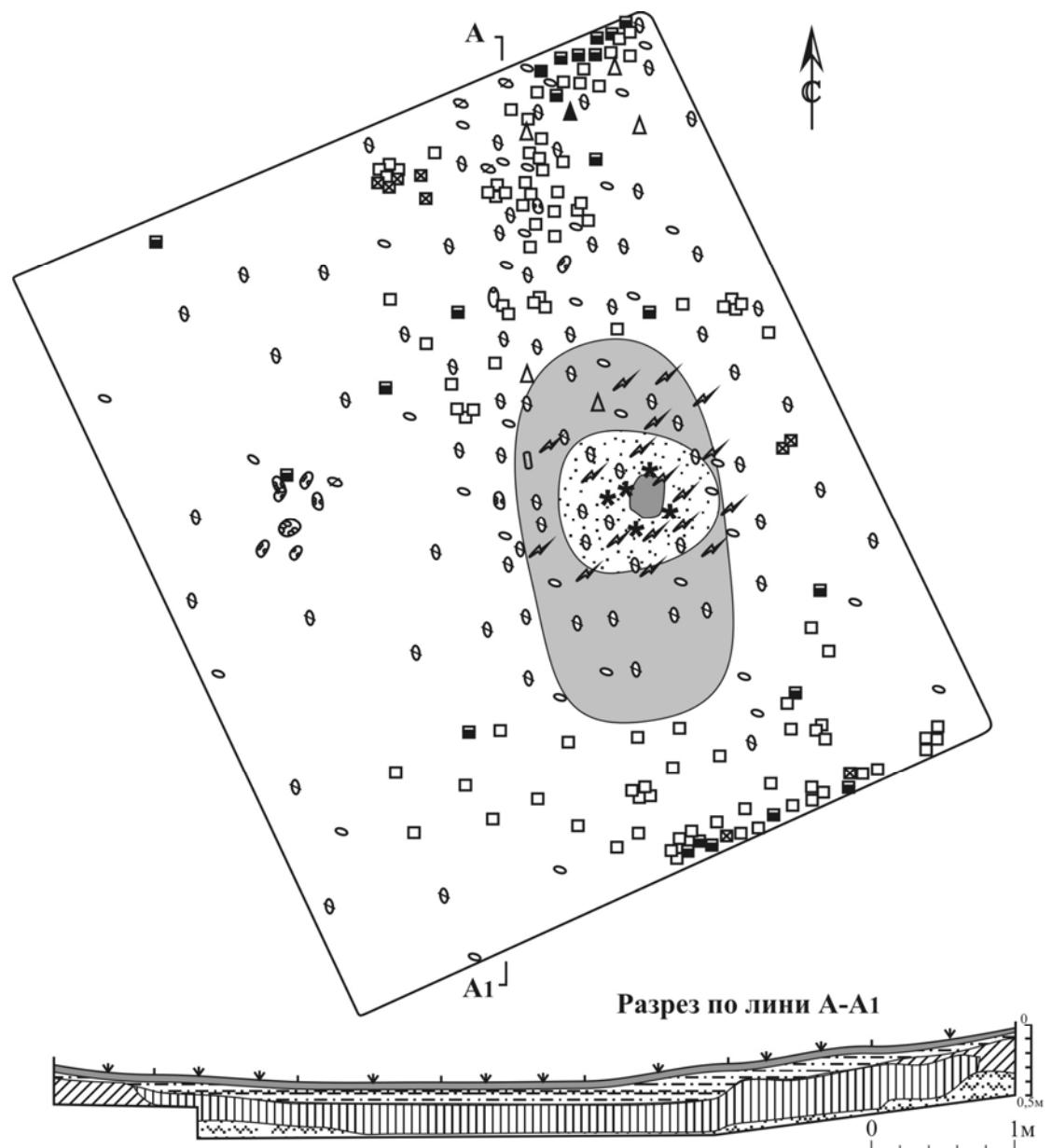

Рис.1. Топографический план поселения Каменка

Котлован № 2 изучен полностью (рис. 2). После расчистки он имел прямоугольную форму размерами 5,8x4,6 м. Стени котлована наклонные, их высота 20-30 см. Дно ровное понижается к реке. Наземный очаг смещен к востоку от центра котлована. В разрезе он представлял собой линзовидное пятно прокаленного слоя с углем и мелкими обломками жженых костей. Размеры очага 100x110 см, мощность 3

см. Глубина прокаленной почвы под очагом 15 см. В центре очага лежал плоский камень размерами 30x25x10 см. Здесь же найдены мелкие куски бронзовых всплесков. Вокруг очага фиксировалось овальное темно-коричневое пятно размерами 270x130 см с включением мелких обломков жженых костей и угля. Пятно вытянуто в направлении север – юг, имеет мощность 1-2 см.

Условные обозначения:

[■■] - керамика: фрагменты орнаментированного и неорнаментированного венчика сосуда	[*] - бронзовые всплески	[○] - камень
[□] - керамика: фрагменты неорнаментированной и орнаментированной стенки сосуда	[○] - каменное грузило	[○] - колотый камень
[■] - керамика: фрагмент дна сосуда	[○] - каменное орудие	[■] - обломки костей животных
[■■] - дерн, гумус	[■] - точильный камень	[○] - камень со сколами
[■■■] - серая супесь	[■■■■] - темно-коричневая почва	[...] - зона прокаленной почвы
	[■■■■■] - серо-коричневая супесь	[■■■■■] - бурый суглинок
	[■■■■■■] - светло-коричневая супесь	

Рис.2. Поселение Каменка. План жилища №2 и его стратиграфический профиль по контрольной бровке

На дне котлована № 2 обнаружены бронзолитейные всплески и каменные артефакты.

В обоих жилищах также найдены фрагменты керамических сосудов с налепными рассечеными жгутиковыми валиками. Такие же сосуды зафиксированы и в слое, за пределами площади котлованов.

Археологический материал из раскопанной части поселенческого слоя представлен металлическими изделиями, керамикой и каменными артефактами.

Заслуживает внимание наличие предметов бронзолитейного производства. В осыпи террасы в районе жилища № 1 и в набросах дорожных строительных отвалов были обнаружены фрагменты двух бронзолитейных лячек, одна из которых была полностью реставрирована. Еще две лячки, одна из которых целая, были обнаружены в заполнении и на дне котлована жилища № 1 (рис. 3 – 9, 10). В обоих жилищах встречены бронзовые всплески. Всплески металла также были найдены в слое, вдоль обрыва и залегали в скоплениях, среди обломков жженых костей, термически расколотых камней и мелких фрагментов керамики.

Металлические изделия представлены бронзовым коленчатым ножом с фигурным окончанием рукояти (рис. 3 – 1) и тремя обломками железных стержней неизвестного назначения. Последние выявлены на дне котлована жилища № 1 (рис. 3 – 5-7), нож зафиксирован в слое.

Керамика включает в себя, кроме указанных выше бронзолитейных лячек, фрагменты от 48 сосудов и двух обломанных налепных ушек. Частично

реставрировано 12 сосудов. По форме сосудов и их орнаментации выделяется несколько разновидностей.

Наиболее многочисленны (33 экземпляров) сосуды горшковидной формы, украшенные под венчиком налепными жгутиковыми валиками, рассеченными либо пальцевыми защипами, ногтевыми вдавлениями, ногтево-пальцевыми защипами, либо иным орнаментом. Иногда налепным валиком оформлен и венчик. Под краем сосуда, кроме одного случая, проходит пояс ямок (рис. 4 – 1-12). Большинство из этих сосудов выявлено либо в заполнении, либо на дне котлованов жилищ. Два сосуда украшены отступающими оттисками. Эти сосуды имеют относительно прямую и высокую шейку и значительно расширяющееся тулово. На одном из экземпляров отмечены следы крепления налепного ушка. Орнаментированы сосуды в зоне венчика, шейки и плечиков тремя горизонтальными линиями отступающего орнаментира с прямым окончанием. На одном из сосудов орнамент дополнен одиночными наколами. Развал первого сосуда обнаружен на дне котлована жилища № 1 (рис. 4 – 13), фрагмент второго – в осыпи террасы (рис. 4 – 14).

Три сосуда имеют баночную форму, украшены различными оттисками. Один из них орнаментирован двумя рядами пальцевых вдавлений под венчиком. Его фрагменты найдены на полу жилища № 2 (рис. 4 – 15). Другой сосуд имеет утолщение края налепной лентой, орнаментированной пальцевыми вдавлениями в нижней части (рис. 4 – 16). Третий сосуд украшен двумя горизонтальными налеп-

ными заглаженными жгутиковыми валиками, поверх которых нанесены заостренные вертикальные наколы и ногтепальцевые вдавления (рис.4 – 17).

Два сосуда имеют слабопрофилированный край, налепной жгутиковый заглаженный валик, пояс ямок и ряды зубчатых или приостренных отступающих наколов (рис.4 – 18, 19).

В слое так же обнаружены фрагменты двух налепных трубчатых ушек (рис.4 – 20, 21), а также мелкие фрагменты венчиков сосудов, два из которых не имеют орнамента. В керамической коллекции слоя встречены фрагменты окружного дна, по крайней мере, от четырех сосудов. Плоских донышек не обнаружено.

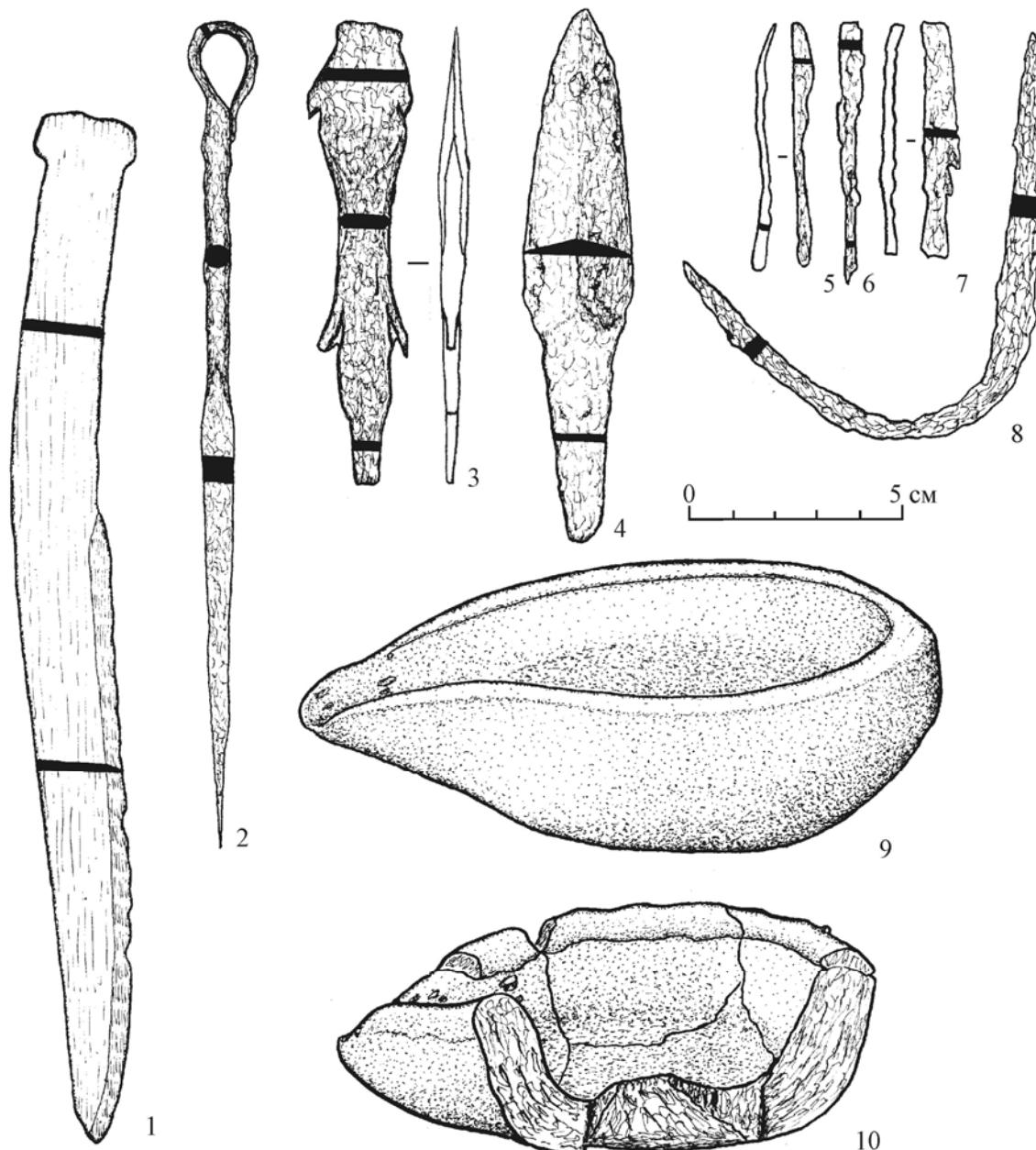

Рис.3. Поселение Каменка. Бронзовые (1), железные (2-8) и керамические (9, 10) изделия

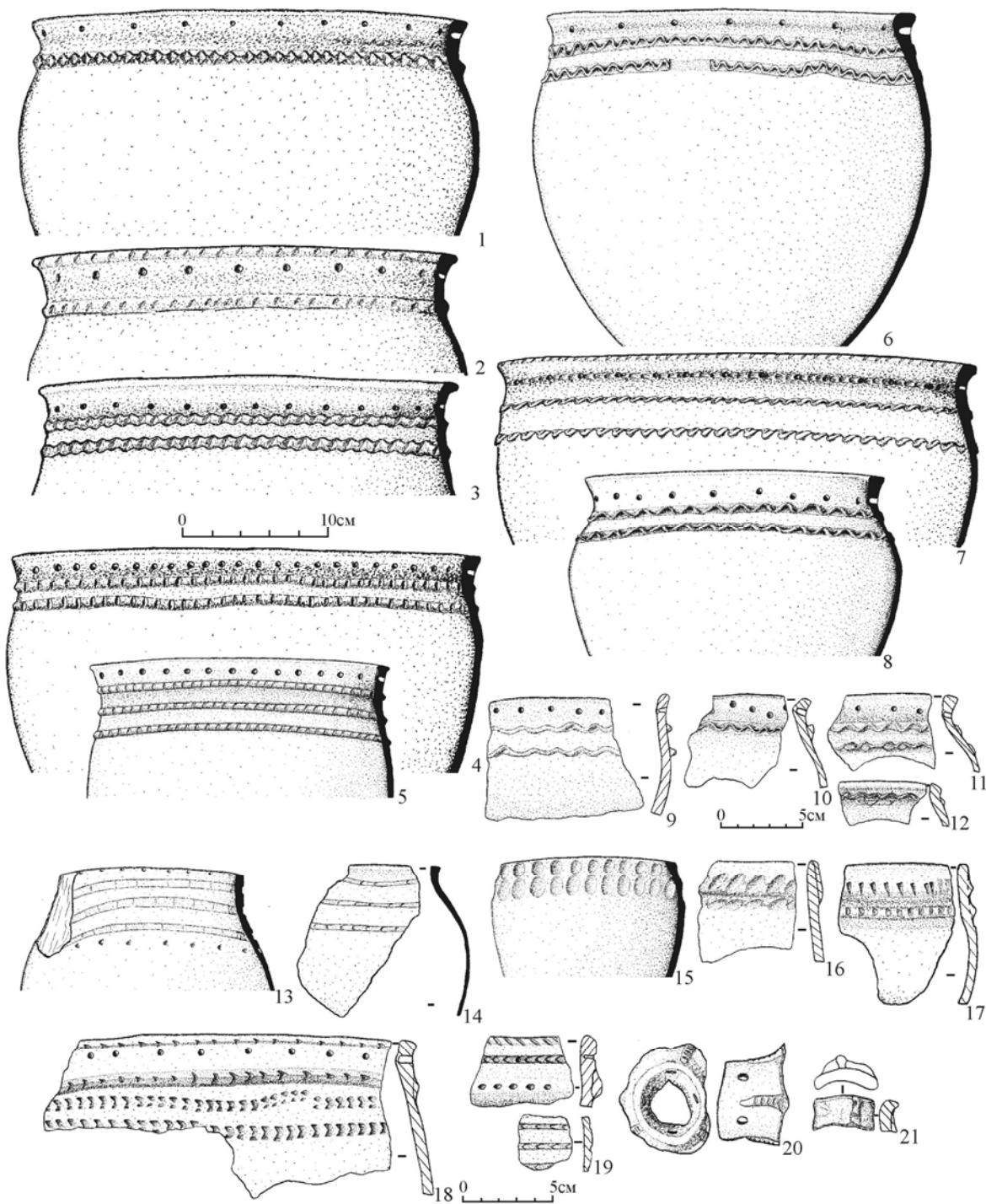

Рис.4. Поселение Каменка. Керамика поселенческого слоя.

Помимо этого при сборах с осьпи террасы найдены часть стенки сосуда с выколоткой и фрагмент красноглиняного толстостенного сосуда, украшенный ямочными вдавлениями.

Каменные изделия. Значительное число предметов этой категории происходят из осипей террасы. Это скребок, грузило, шесть камней со следами сколов, точильный камень, обломки молота(?) и терочника(?) В слое выявлены

два грузила, многочисленные колотые камни, иногда со следами термического воздействия и крупный камень. На дне котлована жилища № 1 обнаружены два скребка. На дне котлована жилища № 2 найдены два лощила, два грузила, предположительно пест и точильный камень, отбойник, четыре терочника(?) и обломки колотых камней.

Металлические изделия, залегающие в верхнем уровне культурного слоя, относятся к разным хронологическим эпохам. Железный «шипастый» наконечники стрел датируется поздним средневековьем. На это указывает нахождение одного из них на том же уровне культурного слоя, из которого было впущено погребение, выполненное по обряду трупосожжения на стороне и датируемое XIII-XVI вв. [Мандрыка, 2006]. Сложнее продатировать шило и крюк. Не исключено, что эти предметы могут относиться к русскому времени, тем более что на памятнике встречена и русская керамика.

Материал из нижнего уровня слоя, а также изученные жилища относятся к раннему железному веку. Бронзовый нож за счет коленчатого изгиба можно отнести к ранним стадиям тагарской культуры. В степных районах Южной Сибири доживают они и до V в. до н. э. [Членова, 1967, с.170-171]. На горо-

дище Усть-Шилка в таежной зоне Среднего Енисея похожий ножи с коленчатым переходом между рукояткой и клинком встречены в жилище VI в. до н.э. [Мандрыка, 2008а, с. 75, рис. 4-1]. Валиковая керамика из Каменки находит аналогии на многих памятниках таежной зоны Среднего и Нижнего Енисея, встречается в Северном Приангарье. Она относится к шилкинской культуре, датируемой VI – I вв. до н. э. [Мандрыка, 2003, 2008а, с.75; 2008б, с.163-164]. Сосуды, украшенные жгутиковыми заглаженными валиками и поясом ямок, а также рядами зубчатых или приостренных наколов, находят аналогии в памятниках нижнепороженской культуры, датируемой VII-VI – V-III вв. до н.э. [Мандрыка, 2008б, с. 162]. В рамках раннего железного века датируются и баночные сосуды и горшки с высокой шейкой, украшенные линиями отступающего орнаментира, культурную принадлежность которых предстоит еще выяснить.

Таким образом, имеющиеся материалы из поселения Каменка содержат разновременные материалы от неолита(?) до русского времени. Оставленные на поселении углубленные жилища могут относиться к VI – I вв. до н. э. Продолжение раскопок позволит уточнить, предложенные выводы.

Список литературы

Мандрыка П. В. Датировка и периодизация памятников тагаро-таштыкского времени подтайги Среднего Енисея // Степи Евразии в древности и средневековье. С.-Пб. Кн.2. 2003. –С. 89-93.

Мандрыка П. В. Позднесредневековое погребение по обряду трупосожжения на стороне в енисейской тайге // Енисейская провинция. Альманах. Вып. 2. Красноярск: Красноярский пед. университет, 2006. С. 150-158.

Мандрыка П. В. Новая археологическая культура раннего железного века в южно-таежной зоне Средней Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008а. № 3 (35). С. 68 – 76.

Мандрыка П.В. Комплексы раннего железного века Енисейского Приангарья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. - М.: ИА РАН, 2008б. - С. 162-164.

Мандрыка П. В., Фокин С. М., Терехов А. С. Исследования в долине Среднего течения реки Енисей // Археологические открытия 2002 года. М., 2003. С.389 – 391.

Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967.

С.Н. Леонтьев¹, П.В. Герман²

¹ Институт экологии человека СО РАН

² Музей-заповедник «Томская Писаница»

КЕРАМИКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СТОЯНКИ СЕРГУШКИН 1

Остров Сергушкин расположен на реке Ангаре, в 50 км выше по течению от с. Кежмы – бывшего административного центра Кежемского района Красноярского края. На его южном и западном берегах в 70-е гг. XX в. В.И. Привалихином было открыто четыре археологических памятника – Сергушкин 1-3 и Взвоз, представляющие собой достаточно обширные группы разновременных стоянок с находящимися на их территории могильниками и одиночными погребениями [Привалихин, 1987, 2009, 2011а, 2011в].

Многослойная стоянка и могильник Сергушкин 1 дислоцированы в верхней оконечности левого (южного) берега острова. Местонахождение археологического материала стоянки приурочено к двум высотным уровням – 5 метровой пойме (пункт «А») и надпойменной 10 – 12 метровой аллювиальной террасе (пункт «Б»). Памятник был открыт В.И. Привалихином в 1974 г. и позднее неоднократно им же исследовался (1981, 1987, 1989, 1991, 1995, 2008 гг.). За эти годы с относительно небольшой вскрытой части памятника (170 кв. м.) был получен значительный поселенческий материал каменного, бронзового, железного веков и эпохи средневековья, а также выявлено три погребения и клад каменных изделий серовского времени [Привалихин, 1995; 2011а]. В начале XXI в., в связи с предстоящим

заполнением ложа Богучанской ГЭС, на территории памятника Сергушкин 1 были предприняты масштабные охранно-спасательные работы. Они проводились отрядами ИАЭТ СО РАН под руководством В.И. Привалихина (2008 г.), С.И. Рудковского (2010 г.), П.В. Германа (2011 г.) и Е.П. Рыбина (2012 г.). За четыре полевых сезона здесь было вскрыто 1781 кв. м. площади (1084 кв. м. – пункт «А», 697 кв. м. – пункт «Б»). В результате был выявлен целый ряд древних объектов – металлургических горнов, хозяйственных ям, «кладов», разновременных погребений и т.д., а также получено несколько десятков тысяч единиц археологического материала поселенческого происхождения эпохи неолита, бронзы, раннего железного века и средневековья [Герман, Леонтьев, 2010; 2011; Рудковский, 2010; Славинский и др., 2012].

В настоящей статье рассматривается лишь одна категория находок – фрагменты глиняной посуды относимой к цэпаньской культуре раннего железного века [Привалихин, 1993, С. 19, 20; 2011б, С. 165, 166, рис. 7-12] или кара-бульскому типу [Баташев, Макаров, 2000; Макаров, Быкова, 2011]. В общей массе керамического материала памятника Сергушкин 1 они четко идентифицируются благодаря целому комплексу специфических черт в своей морфологии и орнаментации. Согласно нашим под-

счетам, остатки рассматриваемой посуды составляют чуть менее 4 % от всего комплекса керамики в пункте «А» и немногим более 5 % - в пункте «Б» (большая часть фрагментов сосудов относится к усть-бельскому типу). В обоих случаях уровень их нахождения был приурочен к верхней и средней части литологических отложений, в которых они залегали как разрозненно, так и образуя небольшие скопления.

Основное количество найденных фрагментов невыразительно. Крупные репрезентативные обломки стенок и венчных частей характеризуют лишь около 40 сосудов разной емкости с внешним диаметром венчика от 15-17 до 40 см (рис. 1-3). Все они были изготовлены из жирного или средней пластичности теста с визуально прослеживаемой примесью окатанного мелкозернистого песка или дресвы аллювия. Способ формовки неясен. Наиболее вероятно, что корпус сосудов моделировался отдельно. После изготовления он подвергался формообразующей выбивке, полностью уничтожавшей все спаи возможных глиняных лоскутов (лент). Об использовании данного технического приема свидетельствуют как крайне незначительная толщина стенок (0,3 – 0,4 см в не зависимости от объема сосуда), так и многочисленные мелкие округлые углубления на их внутренней стороне (отпечатки наковаленки?). Подвенечная же часть моделировалась кольцевым подлепом относительно широкой глиняной ленты, также подвергавшейся последующей выбивке.

Стенки сосудов тщательно затирались как изнутри, так и снаружи твердым орудием с ровной гладкой поверх-

ностью. Не смотря на это, на многих фрагментах сохранились следы разрозненных отпечатков узких стеблей травы. Вероятно, пучок стеблей выступал в качестве прокладки между рукой мастера и поверхностью еще полусырого горшка во избежание налипания глины на ладонь и пальцы гончара.

Цвет сосудов – серовато-коричневый разных оттенков – указывает на обжиг в неравномерно-окислительной среде открытого кострища.

Морфология посуды достаточно однородна. Судя по сохранившимся крупным фрагментам, это были сосуды закрытой параболоидной или овалоидной формы, с округлым днищем и расположенным на середине или в верхней трети высоты корпуса экватором, заметно превышающим диаметр венчика. Плечики горшков покатые, шейки относительно высокие, вогнутые или, реже, прямые. Венчики слабо отогнуты наружу и имеют округлый, приостренный или плоскосрезанный бортик.

Характерной чертой рассматриваемой керамики является преднамеренно утолщенная внешняя сторона приустьевой зоны, что достигалось путем наложения поверх уже смоделированных шейки и венчика дополнительного глиняного жгута или ленты. В результате шейка и венчик горшка образовывали своеобразный «воротничок», имеющий в два - три раза большую толщину, чем стенки туловища. Разнообразие вариантов профиля приустьевой зоны определялось первоначальной формой шейки, шириной и толщиной наложенной ленты, а также характером операций по ее расформовке.

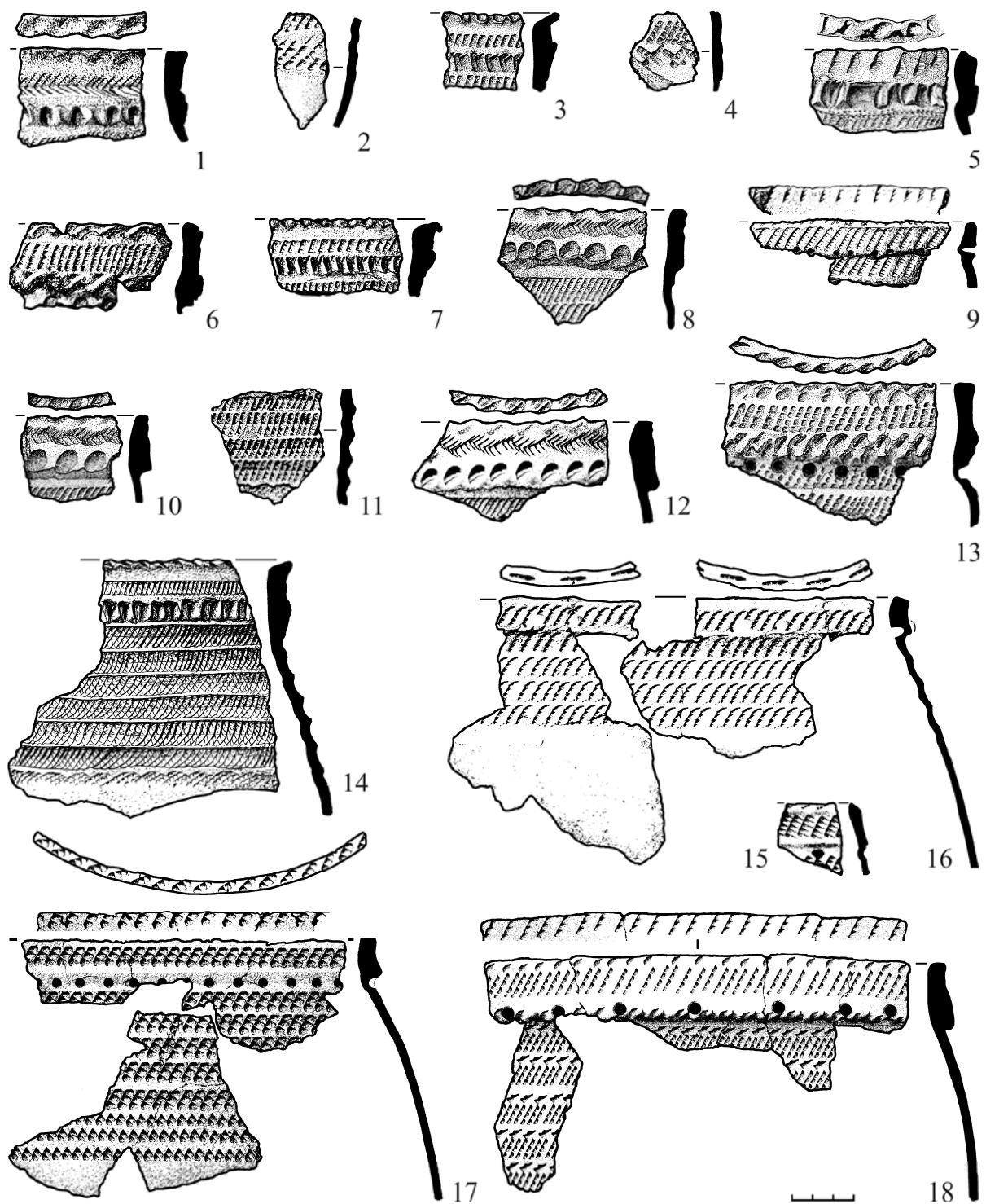

Рис. 1. Сергикин 1. Керамика раннего железного века, группа 1

По форме «воротничка» и способу его моделирования рассматриваемая керамика разделяется на три группы.

Первая группа – самая многочисленная. Она включает остатки не менее

25 сосудов, у которых «воротничок» моделировался наложением кольцевой ленты с удлиненно-овальным сечением, ширина которой совпадала с высотой шейки и венчика, а толщина превышала

толщину стенки в 2 – 3 раза. Она соединялась с поверхностью сосуда простым придавливанием, благодаря чему венчик приобретал слегка отогнутый наружу профиль, а «воротничок» сохранял четкий контур с акцентированным нижним ребром, выступающим над верхней частью плечика сосуда (рис. 1. 1-18).

Вторая группа включает остатки не менее восьми сосудов, приустьевой «воротничок» которых также был смоделирован наложением широкой кольцевой ленты. При скреплении с поверхностью горшка ее нижний край тщательно примазывался к основанию шейки, благодаря чему нижнее ребро «воротничка» полностью нивелировалось (рис. 2. 1-7).

Третья группа включает остатки семи сосудов, у которых «воротничок» был смоделирован толстым жгутом, наложенным только на внешнюю поверхность венчика. Нижний край жгута тщательно примазан к внешней поверхности стенки, а его верхний край расформован перегонкой на него слоя глины с внутренней части венчика. Благодаря этому венчик приобрел сильно отогнутый наружу профиль в форме нависающего над вогнутой шейкой низкого козырька (рис. 3. 1-7).

Посуда первой и второй группы орнаментирована одинаково. Декор покрывает лишь верхнюю половину или треть сосуда и разделяется на две зоны. Первая – приустьевая – охватывает венчик и шейку. Бортик венчика украшался оттисками прямо- или косопоставленной зубчатой лопатки, ребра палочки, пальцевыми вдавлениями или защипами (рис. 1. 1, 5, 13, 16, 17; рис. 2. 1-3, 5, 7). В последнем случае край венчика приобре-

тал слабо выраженный волнистый рельеф. У отдельных сосудов оттисками косопоставленной отступающей зубчатой лопатки орнаментировался не только торец венчика, но и/или его внутренняя сторона (рис. 1. 9, 17-18; рис. 2. 2, 6-7). Шейка украшалась полосой частых правонаклонных оттисков отступающей фигурной или зубчатой лопатки. В единичных случаях вдавления наносились уголком орнаментира и группировались в горизонтальный зигзаг (рис. 1. 12). У многих сосудов нижний край ленты «воротничка» дополнительно украшался пальцевыми вдавлениями или защипами. В последнем случае у сосудов первой группы нижнее ребро «воротничка» приобретало выраженный волнистый рельеф (рис. 1. 6, 8, 10, 13, 18). Дополнительным элементом декора основания шейки являлась цепочка глубоких круглых ямочных вдавлений (рис. 1. 9, 13, 15, 18; рис. 2. 2, 5, 7) или выдавленных изнутри полусферических «жемчужин» с низким рельефом (рис. 1. 16; рис. 2. 1, 3). Они выполнялись в месте перехода плечика в шейку и служили для усиления сцепления стенки горшка с лентой приустьевого «воротничка».

Корпус сосудов первой и второй группы декорировался лишь в верхней его части, в большинстве случаев – только в области плечика. Основным орнаментальным мотивом выступали частые горизонтальные ряды правонаклонных оттисков отступающей зубчатой или фигурной лопатки – той же, что применялась и в декорировании приустьевой зоны. На большинстве горшков вдавления орнаментира выполнены столь часто и интенсивно, что их ряды с внешней сто-

роны черепков образуют глубокие желобки, а с внутренней - рельефные валики. В некоторых случаях нижнюю часть декора плечиков дополнял поясок зигзага, образованный встречно направленными оттисками лопаточки (рис. 1. 4, 14), или ряд ее вдавлений, объединенных в небольшие группы, отстоящие на рав-

ные промежутки (рис. 2. 1, 4). У одного сосуда орнамент корпуса состоял из двух горизонтальных рядов оттисков отступающей зубчатой лопаточки, ниже которых вдавления того же орнаментира были сгруппированы в частые горизонтальные ломаные линии, образующие вертикальную «елочку» (рис. 2. 7).

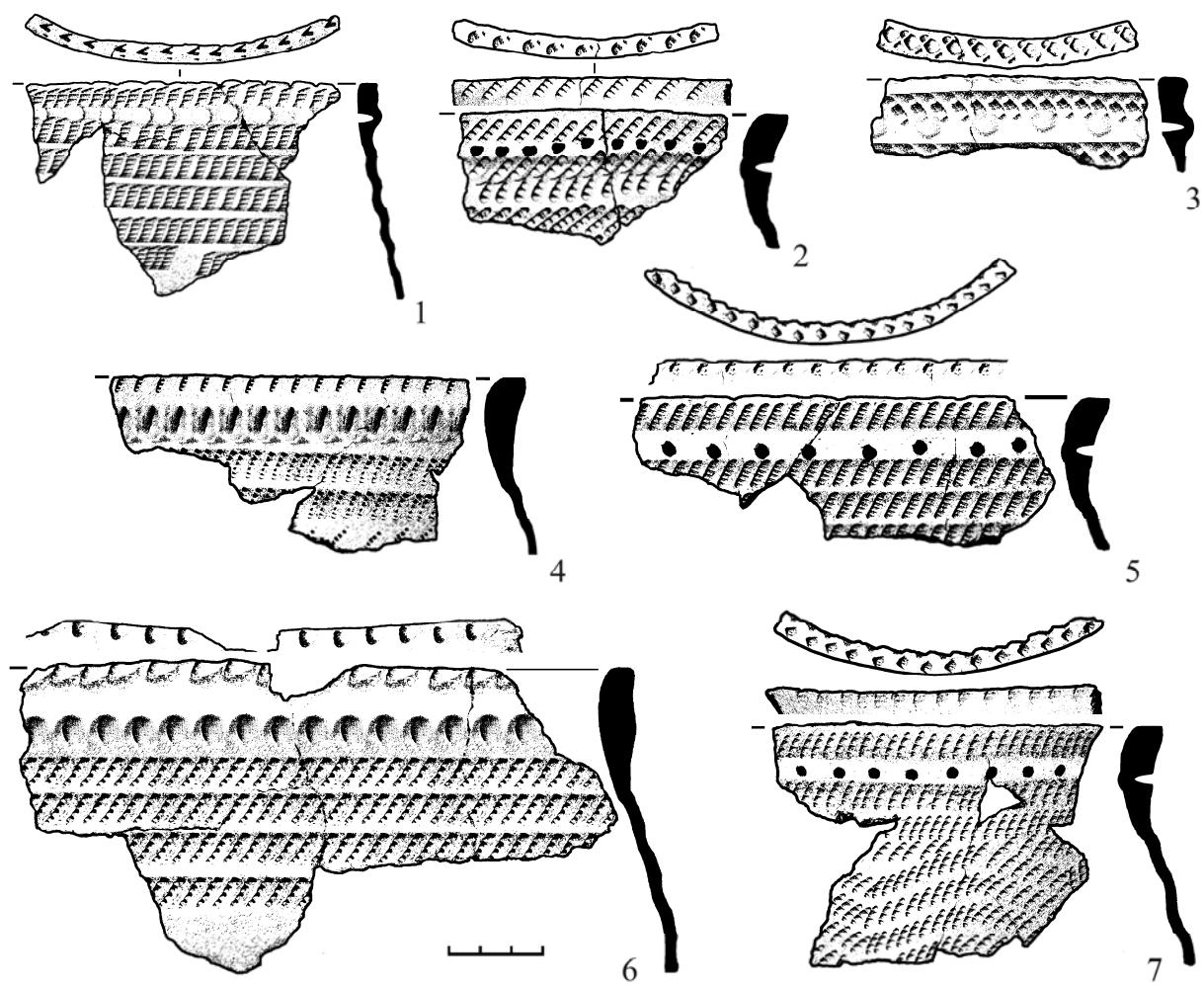

Рис. 2. Сергушкин 1. Керамика раннего железного века, группа 2

Посуда, отнесенная нами к третьей группе, декорирована несколько иначе. Венчик этих сосудов по бортику и/или внешнему краю украшен глубокими пальцевыми вдавлениями или защипами, благодаря чему внешний край

венчика имеет выраженный волнистый рельеф (рис. 3). Тонкая вогнутая шейка не орнаментирована. Плечико сосудов украшено фризом из трех – пяти горизонтальных рядов правонаклонных оттисков отступающей зубчатой лопаточки

или ее уголка. У двух сосудов этой группы нижний ряд был орнаментально выделен меньшей частотой оттисков (рис. 3. 4), у одного вдавления орнаментира были объединены в небольшие группы, разделенные равными промежутками. Еще у одного сосуда нижний ряд оттисков был выполнен уголком лопатки, в то время как остальные ряды – ее ребром (рис. 3. 6).

Вся рассматриваемая посуда использовалась для приготовления пищи, на что указывает наличие нагара разной степени интенсивности на внутренней стороне большинства черепков. Следует также отметить, что некоторые фрагменты сохранили следы починки в виде черного органического вара, которым были замазаны трещины сосудов в области их устья.

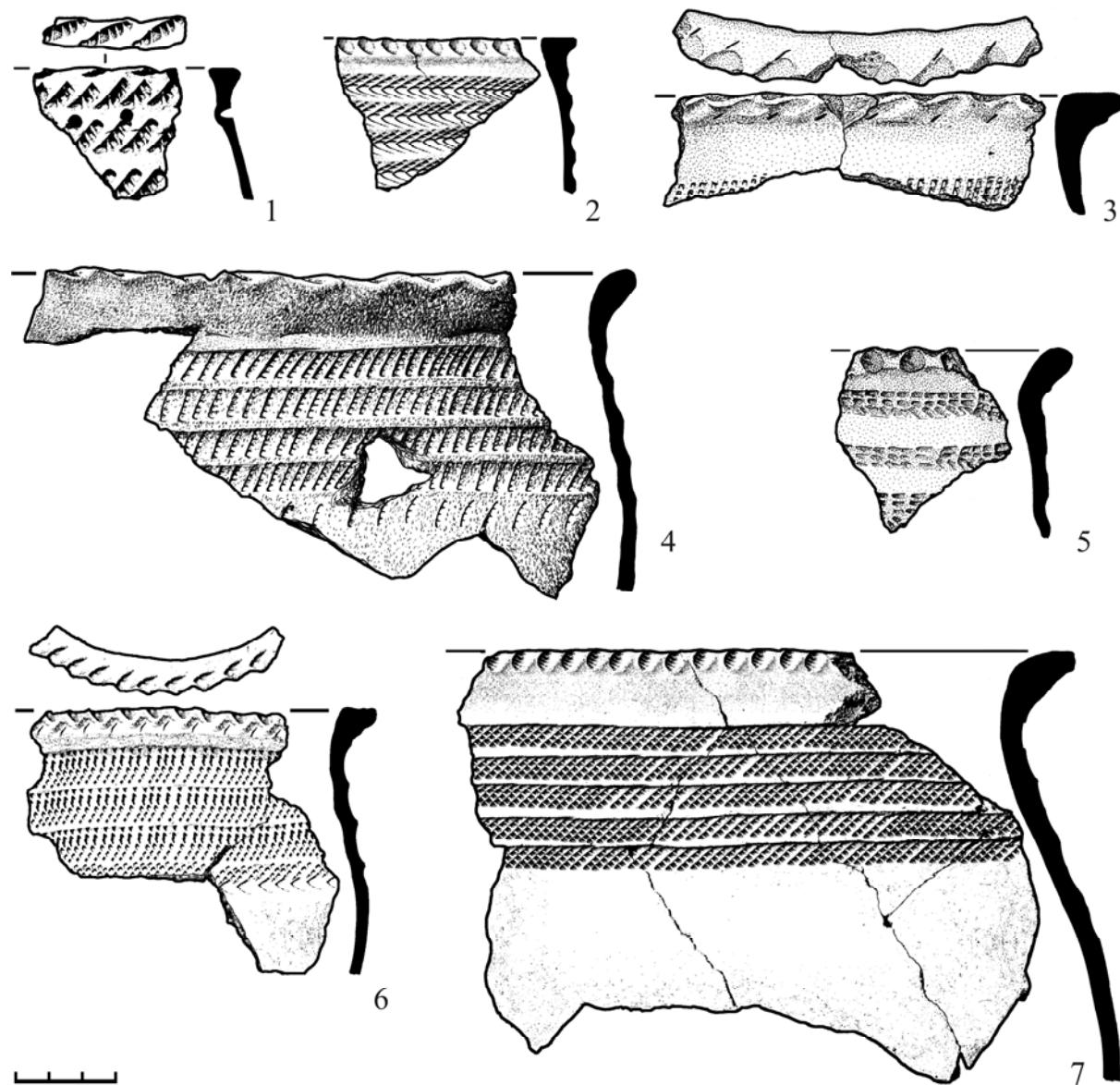

Рис. 3. Сергикин 1. Керамика раннего железного века, группа 3

При сопоставлении выделенных выше трех групп посуды, становиться очевидным, что керамика первой и второй группы представляет собой единый комплекс. Разница в форме и способе моделирования приустьевого «воротничка» может быть связана как с индивидуальными особенностями мастеров, так и с принадлежностью последних к разным коллективам, проживавшим в один и тот же хронологический период. К специфическим чертам данного комплекса, не носящим принципиальный характер, можно отнести активное использование такого элемента орнаментации, как «жемчужины», некоторую упрощенность декора приустьевой зоны, а также единичный случай построения орнамента на корпусе сосуда в схеме вертикальной «елочки». В целом же посуда обеих групп полностью соответствует «классическому» облику цэпаньской керамики по В. И. Привалихину [Привалихин, 2011б. Рис. 7-9, 11-12].

Посуду третьей группы с двумя предшествующими сближает не только внешнее сходство, обусловленное единством рецептуры формовочных масс, особенностями моделирования емкости сосудов и обработки их поверхности, но и родство орнаментальной традиции, выраженное в сходном оформлении венчика и использовании тождественных орнаментиров (отступающая зубчатая лопатка, пальцевые вдавления и защипы). Очевидно, именно поэтому фрагменты аналогичной посуды, ранее найденные в культурном слое памятника Сергушкин 1, уже были отнесены В.И.

Привалихиным к керамике цэпаньской культуры [Там же. Рис. 10. 3-4, 6]. Вместе с тем, оформление приустьевой зоны сосудов третьей группы выглядит принципиально иным, нежели в предыдущих группах. Утолщение горловины горшка осуществлялось здесь так, чтобы достигнуть максимального С-образного изгиба венчика и шейки. При этом сам венчик образовывал выступающий приостренный или округлый внешний козырек, а шейка же не только оставлялась утонченной, но и приобретала дополнительный внутренний изгиб. К тому же, у керамики первой и второй группы основной акцент орнаментации приходится именно на шейку и венчик, в то время, как у сосудов третьей группы декор венчика минимализирован, а шейка не орнаментирована вообще. Указанные отличительные черты не могут быть объяснены, например, возможной территориальной изолированностью создателей посуды третьей группы от других. Поэтому представляется наиболее вероятным, что данная ярко выраженная тенденция к редукции в оформлении подвенчной зоны сосудов вплоть до полного отсутствия орнаментации и накладной ленты «воротничка», отражает угасание изначальной керамической традиции и, соответственно, носит хронологический характер.

В связи с этим необходимо отметить, что на дислоцируемом в 1 км севернее памятнике Взвоз практически вся найденная посуда цэпаньского (карабульского) облика (около ста фрагментированных горшков) по способу оформления приустьевого «воротничка» относится к выделенной нами второй

группе. При этом орнаментация приусտевой зоны этих сосудов либо крайне минимизирована, либо отсутствует вообще (рис. 4. 2), что позволяет рассматривать их как вероятный промежуточный вариант между посудой второй и третьей групп памятника Сергушкин 1.

ривать их как вероятный промежуточный вариант между посудой второй и третьей групп памятника Сергушкин 1.

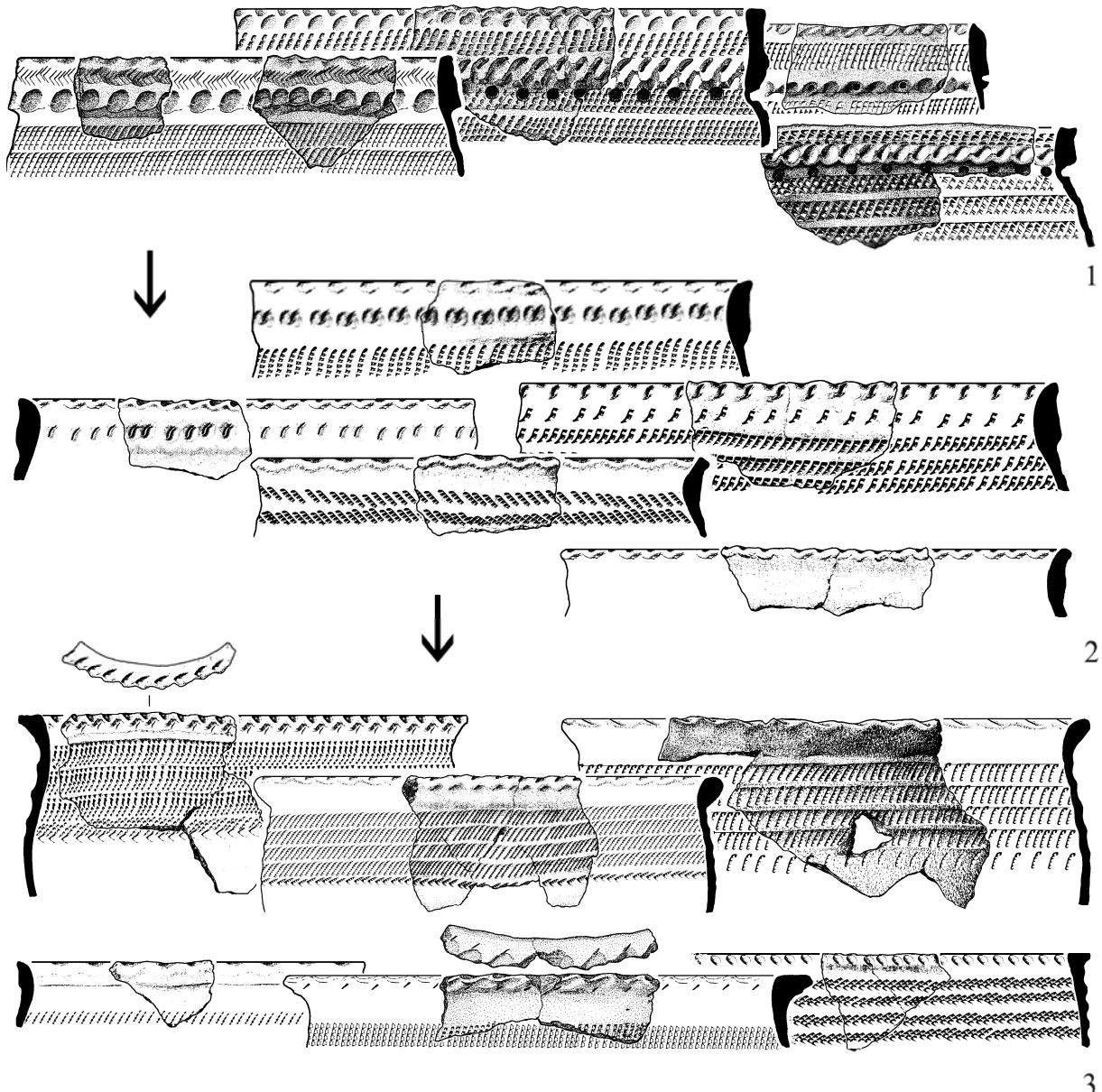

Рис. 4. Хронологические группы керамики раннего железного века о-ва Сергушкин (1 – Сергушкин 1, 2 – Взвоз, 3 – Сергушкин 1 и Взвоз)

Таким образом, рассматриваемые материалы памятника Сергушкин 1 маркируют собой два этапа в развитии керамической традиции раннего железного века. Первый представлен сосудами

«классического» облика с четко обозначенным нижним ребром приустьевого «воротничка» и выразительной орнаментацией шейки и венчика (посуда первой группы – рис. 4.1). Ко второму этапу от-

носятся горшки, демонстрирующие тенденцию к редукции оформления подвенечной зоны, выраженную в отсутствии здесь орнаментации и накладной ленты «воротничка» (посуда третьей группы –

рис. 4.3). Часть материалов (посуда второй группы, а также керамика памятника Взвоз – рис. 4.2) занимает промежуточное положение между двумя этапами, подчеркивая их эволюционный характер.

Список литературы

Баташев М.С., Макаров Н.П. Культурогенез таежных народов Нижнего Енисея. - Красноярск: ООО "Красторгтрей "LTD", 2000. - 36 с.

Герман П.В., Леонтьев С.Н. Результаты полевых исследований на памятниках Сергушкин 3 и Взвоз в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2010 г. – Т. XVI. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – С. 500-505.

Герман П.В., Леонтьев С.Н. Работы на острове Сергушкин в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Т. XVII. – С. 381-385.

Макаров Н.П., Быкова М.В. Керамика карабульского типа // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф.- Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. - 576 с.

Привалихин В.И. Комплекс материалов скифского времени стоянки Сергушкин – 3 // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1987. – С. 90 - 95.

Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. – 24 с.

Привалихин В.И. Искусство таежных племен Северного Приангарья в неолите // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 146-149.

Привалихин В.И. Погребения бронзового века стоянки и могильника Сергушкин-3 на Нижней Ангаре (зона затопления Богучанской ГЭС) // Енисейская провинция. Выпуск 4. – Красноярск: Красноярский краевый краеведческий музей, 2009. – С. 300-310.

Привалихин В.И. Клад каменных артефактов эпохи неолита стоянки и могильника Сергушкин – 1, пункта «А» // Второй век подвижничества. Сборник научных статей. – Красноярск: Красноярский краевый краеведческий музей, 2011а. – С. 150-160.

Привалихин В.И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век под-

вижничества: Сборник научных статей. – Красноярский краевой краеведческий музей, 2011б. – С. 161-183.

Привалихин В.И. Исследование погребений раннего бронзового века стоянки и могильника Сергушкин – 2 в Северном Приангарье // Второй век подвижничества: Сборник научных статей. – Красноярский краевой краеведческий музей, 2011в. – С. 184-202.

Рудковский С.И. Работы в зоне затопления Богучанской ГЭС на островах Сергушкин и Соколовский // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2010 г. – Т. XVI. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – С. 573-574.

Славинский В.С., Герман П. В., Леонтьев С. Н., Рыбин Е. П. Материалы неолитического времени стоянки Сергушкин-1, пункт «А» (раскопки 2012 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итог. сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Т. 18. – С. 486-491.

Я.Д. Гуненко, П.О. Сенотрусова
Сибирский федеральный университет

**НАБОР БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ № 50
МОГИЛЬНИКА ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА-IV
НА НИЖНЕЙ АНГАРЕ**

В ходе изучения могильника Пропспихинская Шивера-IV, были получены материалы, появление которых на территории Северного Приангарья может свидетельствовать о разнообразных культурных связях средневекового населения региона. К данной группе относятся набор бронзовых украшений из погребения № 50 обозначенного могильника, расположенного на реке Ангаре в 1,1-1,2 км выше устья р. Коды. На некрополе было зафиксировано 88 погребений, датируемых в пределах конца XI-XIV вв.

В погребении № 50, выполненном по обряду трупосожжения на стороне, в яме, в перемешку с фрагментами кальцинированных костей человека и четырьмя железными скобами были найдены бронзовые накладки сердцевидной формы (27 экз.) (рис. 1 – 1-27), четырехлепестковые нашивки (12 экз.) (рис. 1 – 28-40.), 4 наконечника ремней с растительным и геометрическим орнаментом (рис. 2 – 41-45), кольцевидная и две округлые подвески (рис. 2 – 46-49), а также парная застежка с тулом ромбической формы (рис. 2 – 50).

В полученной коллекции бронзовых изделий выделяются две группы предметов. К первой группе относятся четырехлепестковые нашивки, подвески и парная застежка. Вторая группа представлена однотипными сердцевидными накладками и наконечниками на ремень.

Ранее нами уже отмечалась неоднородность представленной коллекции, ставился вопрос о том, можно ли интерпретировать ее в качестве деталей от одного поясного набора [Гуненко, 2012. С. 196].

Для получения более точной характеристики состава сплава представленных предметов был проведен рентгенофлюресцентный анализ (РФА) всех находок по апробированной методике [Тишкун, Хаврин, 2006; Горбунова и др., 2006]. Работы проводились на кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета под руководством д.и.н. А.А. Тишкунова с использованием портативного рентгенофлюресцентного спектрометра ALPA SERIES Альфа-2000. В ходе работ были получены следующие результаты.

Наиболее массовая группа предметов – это сердцевидные накладки с растительным орнаментом, все они выполнены из многокомпонентной латуни с практически одинаковым содержанием олова и свинца (Cu – 56,67-76,95 %, Sn – 3,25-18,46 %, Pb – 6,67-17,37 %, Zn – 3,83-9,99 %, Fe – 0,49-7,42 %). Среднее количество олова в сплаве 10 %, свинца – 11 %, цинка – 6,6 %. Из близкой по составу многокомпонентной латуни выполнены наконечники ремней (Cu – 71,72-81,55 %, Sn – 3,92-9,44 %, Pb – 6,94-8,32 %, Zn – 5,87-10,33 %, Fe – 0,41-1,1 %), в металлическом сплаве которых

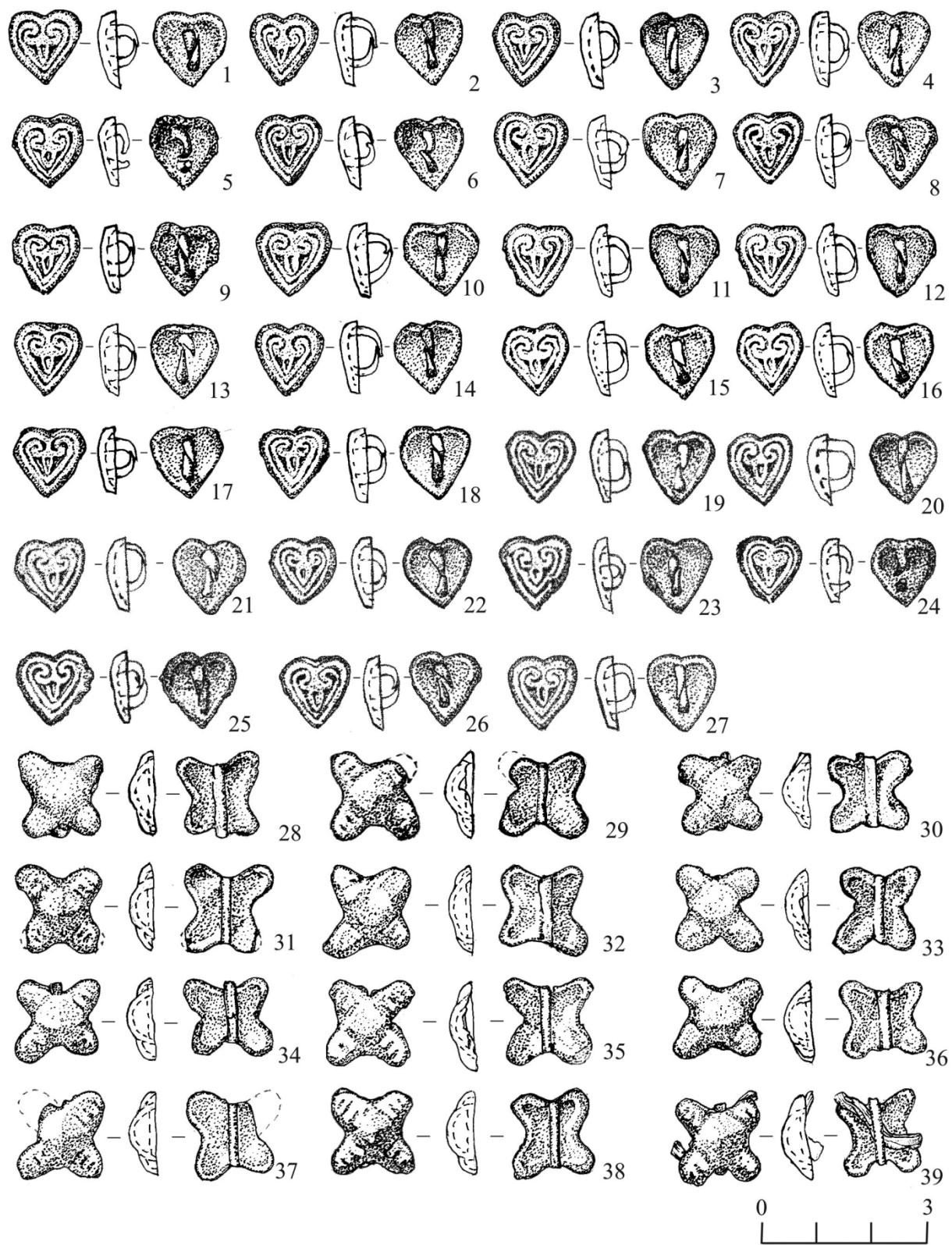

Рис. 1. Найдены из погребения № 50 могильника Проспектинская Шивера-IV.
1-27 – накладки; 28-39 – нашивки. 1-39 – бронза.

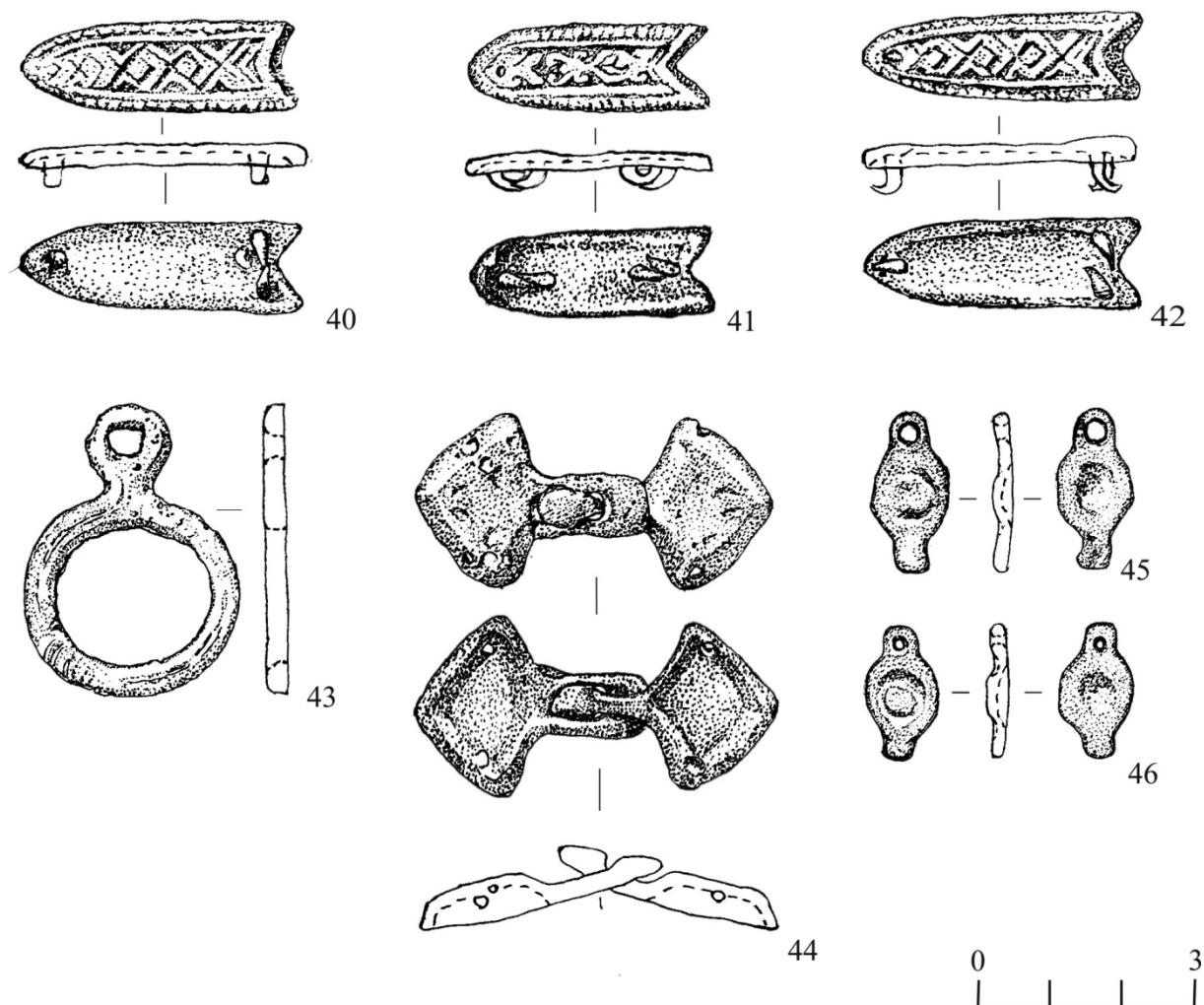

Рис. 2. Найдки из погребения № 50 могильника Просстихинская Шивера-IV.
1-3 – ременные наконечники; 4, 6, 7 – подвески; 5 – застежка. 1-7 – бронза.

среднее количество олова – 8 %, свинца – 8 %, цинка – 9 %. Все сердцевидные накладки идентичны по декору и по составу сплава, видимо, они были изготовлены в одном ремесленном центре. Незначительная вариабельность количества легирующих добавок может быть связана с очередностью проводившихся плавок.

Четырехлепестковые нашивки были изготовлены из трех различных сплавов. Одна нашивка была выполненная из так называемого «грязного» серебра (Cu – 36,55 %, Ag – 29,08 %, Pb –

20,47 %, Sn – 8,49 %, Fe – 4,77 %). Еще пять нашивок изготовлены из олово-свинцового сплава с примерно одинаковым количеством легирующих элементов и незначительной примесью серебра (Cu – 42,46-70,60 %, Sn – 9,79-24,28 %, Pb – 10,23-26,78 %, Ag – 0,76-4,34 %, Fe – 1,88-6,77 %, Zn – 0,71-3,37 %). Среднее количество олова в сплаве составляет 19 %, свинца – 17 %, серебра – 5 %. Остальные шесть нашивок выполнены из оловянной бронзы с примесью свинца и небольшого количества цинка (Cu – 56,69-71,58 %, Sn – 16,64-31,23 %, Pb –

4,93-7,78 %, Fe – 1,88-4,41 %, Zn – 1,09-3,62 %). Следовательно, среднее количество олова в сплаве 24 %, свинца – 6 %, цинка – 1,7 %. Следует отметить, что данные нашивки не отличаются высоким качеством, на многих из них фиксируется следы брака, не убраны литейные швы. При этом даже изделия, выполненные из одного сплава, отлиты в различных формах и отличаются деталями оформления. Имеются свидетельства, что подобные нашивки отливались на севере Западной Сибири в утрачиваемых формах [Хлобыстин, Овсянникова, 1973. С. 250]. Отсутствие данных о составе сплавов западносибирских украшений, существенно затрудняет их корреляцию с ангарскими материалами.

Из различных сплавов изготовлены подвески: из оловянной бронзы выполнена кольцевидная подвеска (Cu – 66,75 %, Sn – 24,21 %, Pb – 4,71 %, Zn – 2,59 %, Fe – 1,74 %). Две небольшие подвески круглой формы отлиты из свинцово-оловянной бронзы (Cu – 59,91-62,29 %, Pb – 22,82-24,20 %, Sn – 10,32-15,28 %, Fe – 1,23-1,84 %, Zn – 0,62-0,69 %). Из весьма близкой по составу свинцово-оловянной бронзы изготовлена двусоставная застежка с ромбическим тулом (Cu – 61,31-65,63 %, Pb – 21,36-23,03 %, Sn – 11,75-14,02 %, Fe – 0,56-0,97 %, Zn – 0,68-0,69 %).

В составе сплава нашивок, подвесок и застежки фиксируется примесь железа и цинка, но она представлена очень незначительным количеством, что не позволяет рассматривать эти металлы в качестве легирующих добавок. Их наличие в сплаве может свидетельствовать как о рудных примесях, так и об изготовлении

данных предметов из бронзового лома. Тем не менее, не смотря на разницу в составе используемых сплавов, все эти украшения отлиты из «белой» бронзы, по всей видимости, именно цвет был определяющей характеристикой при их изготовлении.

Таким образом, результаты анализа сплава украшений подтверждают выделение двух групп предметов. К первой группе относятся четырехлепестковые нашивки, подвески и застежка, отлитые из различных сплавов «белой» бронзы, ко второй – сердцевидные накладки и наконечники ремней изготовленные из многокомпонентной латуни.

Для изделий первой группы характерна разнородность используемых сплавов, что затрудняет решение вопроса о месте их возможного изготовления. Тем не менее, имеющиеся аналогии указывают на возможность их поступление на Ангару из таежных территорий Западносибирской равнины. Так, четырехлепестковые нашивки получили очень широкое распространение в таежной зоне Северо-западной Сибири на протяжении XI-XIV вв. [Федорова, 1998. С. 66]. Ближайшие аналогии двусоставным застежкам с ромбическим тулом происходят с территории Среднего Причулымья, где они были зафиксированы в кургане № 21 Калмакского могильника, датируемого серединой X-XI вв. Следует отметить, что в погребении застежка располагалась рядом с деталями поясного набора, и, возможно, использовалась для ремня [Беликова, 1996. С. 92]. Такие же аналогичные застежки были отмечены в таежном Прииртышье в погребении № 2 кургана № 12 могильника Кипы III.

Данный курган датируется XI-XII вв. [Коников, 1993. С. 153]. Работа по поиску аналогий другим предметам из первой группы требует продолжения.

Отсутствие сведений о составе сплавов бронзовых украшений таежной зоны Западной Сибири существенно затрудняет сравнение ангарских и западносибирских украшений. Тем не менее, результаты изучения Тазовской ювелирной мастерской свидетельствуют об изготовлении на севере Западной Сибири украшений преимущественно из «белой» бронзы, в том числе и с включением серебра [Хлобыстин, Овсянникова, 1973. С. 253]. Учитывая, что в Северном Приангарье не зафиксированы факты, свидетельствующие о местном бронзолитейном производстве в средние века, можно предполагать, что поступали эти предметы с территории таежной зоны Западной Сибири.

Украшения второй группы из 50 погребения могильника Проспихинская Шивера-IV могут относиться к одному наборному поясу, изготовление которого было возможного только в развитом ремесленном центре, поскольку изготовление латуней сложный технологический процесс, обусловленный высокой летучестью цинка. Изделия данной группы выполнены из многокомпонентной латуни, которая характеризуется невысоким процентным содержанием цинка и различием примесей отдельных элементов. Это может свидетельствовать о том, что детали наборного пояса изготавливались из латунного лома, что отмечается для цветной металлургии Волжской Болгарии [Зайцева, 2010. С. 120]. Качество отливки накладок позволяет заключить,

что они относятся к «третьему уровню качества изделий», и обеспечивали удовлетворение массового спроса на предметы торевтики в средневековой Евразии [Конькова, Король, 2012. С. 127].

Рассматривая вопрос о месте возможного изготовления этих деталей поясной гарнитуры, следует обратиться к материалам Поволжья. Ювелирное дело Волжской Болгарии было достаточно развитым, местные ремесленники использовали различные по своим свойствам сплавы. Согласно проведенным естественнонаучным исследованиям булгарских бронз было установлено, в период X - начала XII вв., общая доля много-компонентных латуней несколько снизилась, но они все также занимают ведущее место в цветной металлообработке [Зайцева, 2010. С. 122]. Сердцевидные накладки и ременные наконечники аналогичные проспихинскошиверским были широко распространены на территории Волжской Болгарии и по Камскому торговому пути. Известно, что уже во второй половине X-XI в. Волжская Болгария ведет активную торговлю с уграми и другими соседними народами, при этом разнообразные бронзовые изделия выступали одной из основных категорий экспорта [Казаков, 2010, С. 60]. По мнению, А.М. Белавина, география распространения болгарских украшений, как и других изделий болгар, доходит до Приобья и Северного Предуралья [Белавин, 2000. С. 71]. Изделия аналогичные указанным ангарским находкам были известны в Пермском Предуралье в материалах практических всех памятников IX-XIII вв. [Там же. С. 105].

На территории Сибири ближайшими аналогиями этим вещам могут служить предметы, найденные в могильниках Юганского Приобья XI-XIII вв., где изделия булгарского происхождения получили достаточно широкое распространение с конца I тыс. н.э. [Семенова, 2001. С. 136, 176]. Отдельно стоит отметить, пояс, набор накладок которого аналогичен найденному на Ангаре. Он был зафиксирован в погребении № 1 кургана № 7 могильника Кипы III, расположенного в таежном Прииртышье. В кургане, располагавшемся в центральной части могильника, содержалось два погребения. Одно находилось в восточной части могилы, умерший был уложен на спину в вытянутом положении, головой на северо-запад. На его тазовых костях в развернутом положении лежал кожаный пояс с 14 бронзовыми сердцевидными накладками. Возле левой бедренной кос-

ти помещалось пять костяных наконечников стрел, а возле таза – два железных плоских наконечника стрел. Автор раскопок датирует данный комплекс XI в. [Коников, 1993. С. 36].

Исходя из изложенного можно предположить, что изделия второй группы могли быть изготовлены в Волжской Болгарии и попасть на территорию Северного Приангарья в качестве предметов импорта из таежных (возможно, Нижнего Приобья) районов Западной Сибири не ранее XI в.

В заключение следует отметить, что, наличие в погребении № 50 могильника Проспихинская Шивера-IV бронзовых украшений поступивших из различных территорий Евразии, может указывать на тесные культурные контакты ангарского населения с таежными соседями Западной Сибири и Волжской Болгарии. Характер этих контактов еще предстоит выяснить в дальнейшем.

Список литературы

- Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000 – 200 с.
- Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X-XIII вв. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – 272 с.
- Горбунова Т.Г., Тишкун А.А., Хаврин С.В. Технико-морфологический и спектральный анализ украшений конского снаряжения из средневековых памятников Алтая // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. II. – С. 346–348.
- Гуненко Я.Д. Набор бронзовых украшений из погребения № 50 могильника Проспихинская Шивера-IV // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 196-197.
- Зайцева И.Е. Цветной металл Волжской Болгарии // Русь и Восток в IX-XVI вв.: новые археологические исследования. – М.: Наука, 2010. – 265с.

Казаков Е.П. Поясные накладки волжских болгар из Танкеевского могильника и Измерского селища // Русь и Восток в IX-XVI вв.: новые археологические исследования. – М.: Наука, 2010. – С. 53-61

Коников Б.А. Таёжное Прииртышье в X-XIII вв. н. э. – Омск: ОГПИ, 1993. – 176 с.

Конькова Л.В., Король Г. Г. Коллекция первой трети XIX в. из Эрмитажа: средневековая торевтика малых форм с Алтая // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – 288 с.

Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 296 с.

Тишкин А.А., Хаврин С.В. Использование рентгенофлюресцентного анализа в археологических исследованиях // Теория и практика археологических исследований. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – Вып. 2. – С. 74-85.

Федорова Н.В. "Ушедшие в холмы". Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. – Екатеринбург: 1998. - 132 с.

Хлобыстин Л.П., Овсянникова О.В. Древняя ювелирная мастерская в западносибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 248-257.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТОНКОВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЯ ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА-IV

При раскопках поселенческих комплексов Северного Приангарья найдено большое количество черепков керамических сосудов, украшенный тонкими валиками. Эта керамика для данной территории датируется в широком хронологическом диапазоне железного века [Бурилов, Березин, 1987. С. 118; Леонтьев. 1999, С. 11], а отдельные ее варианты эпохой средневековья [Рыбин, Славинский и др., 2012. С. 473; Мандрыка, Бирюлева, 2012. С. 58]. Стратиграфические и планиграфические наблюдения на ангарских памятниках не позволяют разделить «валиковую» посуду по времени. В этой ситуации допустимо использовать типологический метод.

Большую подборку сосудов с тонкими валиками дает керамическая коллекция второго культурного слоя многослойного памятника Проспихинская Шивера-IV. Памятник расположен в Кежемском районе Красноярского края в 1 км выше устья р. Ангары. На нем в течение трех лет Проспихинским отрядом Богучанской АЭ ИАиЭТ СО РАН проводились спасательные работы. Было вскрыто около 7 тысяч кв. м и изучено три культурных слоя. Второй культурный слой содержал не разделяющиеся стратиграфически материалы раннего железного века и раннего средневековья.

В слое были найдены обломки керамических сосудов, украшенные раз-

личными орнаментами, в том числе и тонкими валиками. Тонковаликовая керамическая коллекция включает в себя 9100 фрагментов, по венчикам было определено 189 сосудов. Анализ проведен для 126 горшков, так как фрагменты венчиков от 63 сосудов имеют маленькие размеры (менее 3x3 см) и не дают представление ни о форме сосудов, ни об орнаментальной композиции на них.

Для описания и определения форм посуды использовалась методика и терминология, предложенная В.Ф. Генингом. Сосуд разделяется на составные части: венчик (верхний обрез, край сосуда), шейку (верхнюю часть сосуда, отличающуюся особой формой), основание шейки (место перехода от шейки к тулову сосуда), плечико (верхнюю часть туловы от основания шейки до наиболее широкой части туловы), туло (основную емкость сосуда), придонную часть (нижнюю часть сосуда, от его наибольшего диаметра по тулову до дна) [Генинг, 1973. С. 115].

Целых форм сосудов, орнаментированных валиками, в коллекции поселения Проспихинская Шивера-IV нет. В 8 случаях реконструируются блоки с шейкой, плечиками и придонной частью, в 1 случае – с плечиками и придонной частью. В 38 случаях на склеенных фрагментах читается верхняя часть сосудов с включением зоны плечиков. В 79 случаях по небольшим фрагментам венчиков не-

возможно установить профилировку, поэтому для определения формы горловины использовалось 47 сосудов, у которых восстанавливается верхняя часть.

Для обработки керамики по программе, предложенной В.Ф. Генингом необходимы сосуды, у которых как минимум можно измерить диаметр венчика, шейки и наибольший диаметр по тулову, а также высотные параметры шейки и плечика [Там же. С. 125]. В керамической коллекции Проспихинской Шиверы-IV сосудов, у которых можно измерить все эти параметры 9 экземпляров. Из них у 4 шейка выделяется профилировкой, а у 5 шейка отсутствует, т. е. они относятся к разным группам [Там же. С. 118]. Для получения объективных данных по форме сосудов всей коллекции валиковой керамики такая выборка слишком мала. Тем не менее, используя соотношение параметров шейки и плечиков по фрагментарному материалу можно выделить несколько форм валиковой керамики (рис. 1):

1 - Горшки с профилированной отогнутой шейкой и плавно расширяющимися плечиками. Диаметр сосудов устанавливается от 12 до 36 см.

2 - Горшки с прямой шейкой и плавно расширяющимися плечиками. Диаметр сосудов от 16 до 30 см.

3 - Сосуды баночной формы без шейки с плавно расширяющимися плечиками. Диаметр сосудов от 24 до 36 см.

4 - Горшки с прямой шейкой и резко (под углом) расширяющимися плечиками. Диаметр сосудов от 20 до 30 см.

Прежде чем приступить к описанию орнаментальных композиций,

необходимо определиться с различием валиков, наносимых на керамику. Различать валики на посуде предлагал П.В. Мандрыка в статье «Приемы описания керамики валикового типа». Понятие «валик» он определяет как «удлиненный выпуклый рубец формовочной массы, обязательно возвышающийся над поверхностью стенки» [Мандрыка, 1995. С. 114]. По технологии нанесения он разделил их на налепные (наносятся путем накладывания на стенку сосуда дополнительной глиняной массы) и выдавленные (изготавливаются путем вытягивания из стенки палочкой либо пальцами рук). Налепные валики, в свою очередь, были разделены на жгутиковые и обмазочные. Жгутиковые валики получались путем накладывания на стенку глины тестообразной консистенции, обмазочные – более жидкой сметанообразной массы [Там же. С. 114]. Экспериментальные работы позволили предположить наиболее удобный способ нанесения обмазки через погружение сосуда в раствор жидкой глины [Мандрыка, 1997. С. 211].

В более поздних публикациях автор различает 2 вида жгутиковых валиков:

- более объемные (0,4 – 0,7 см.), прикрепляемые с помощью примазывания продольными движениями и, чаще всего орнаментированные защипами или наколами для лучшего закрепления
- менее объемные (0,3 см), прикрепляемые втиранием и пальцевыми прищипами, что придавало им волнистую или арочную форму [Мандрыка, 2011. С. 122].

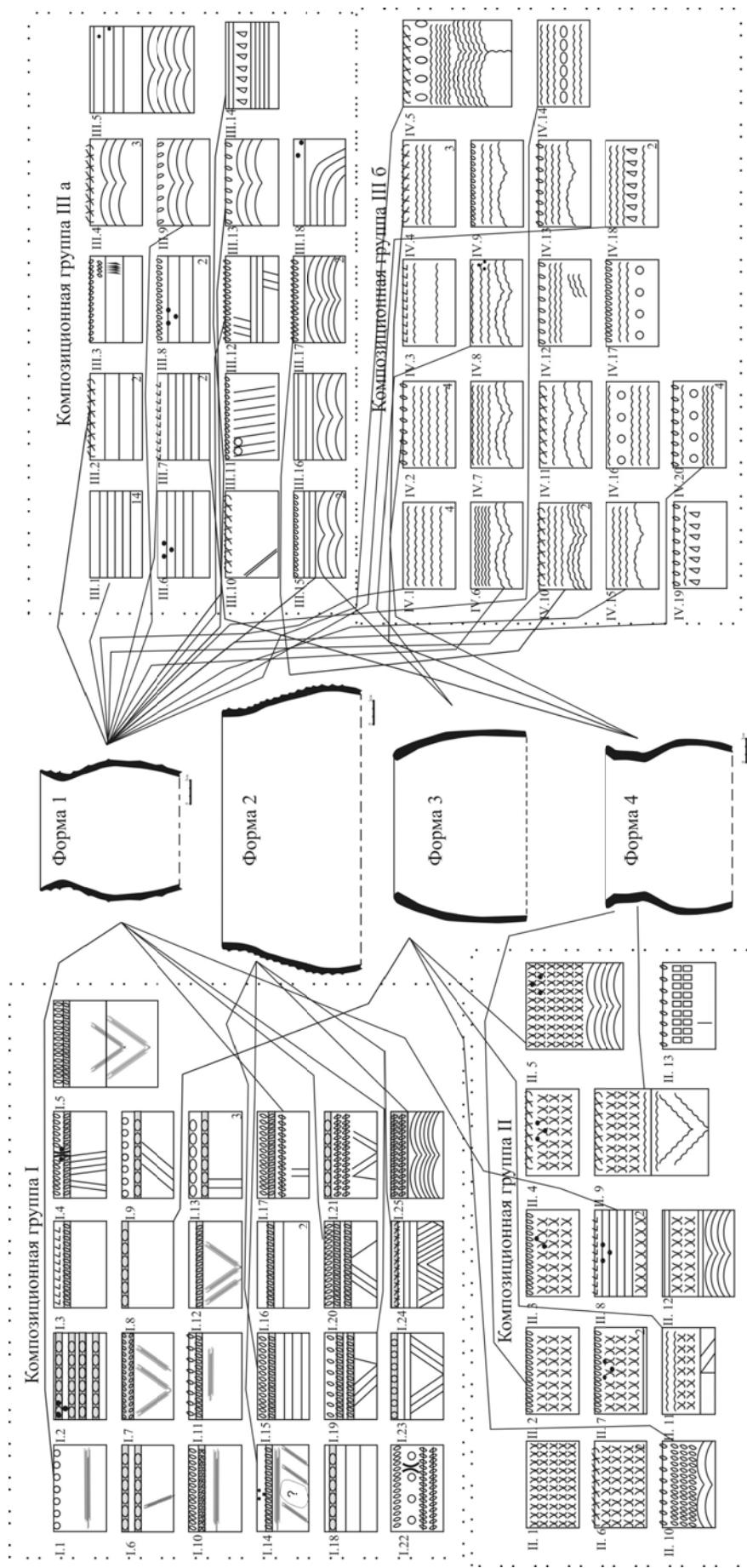

Рис. 1. Корреляционная схема между формами сосудов и орнаментальными композициями на керамике поселения Простокшинская Шчепа-IV

Таблица 1. Виды налепных валиков

<i>Вид налепного валика</i>	<i>Высота валика</i>	<i>Консистенция глиняного теста</i>	<i>Способ создания валика</i>
Жгутиковые объемные валики	0,4-0,7 см и более	тестообразная	Примазывание жгута продольными движениями [Мандрыка, 2011, С. 122]
Жгутиковые тонкие валики	Около 0,3 см	тестообразная	Примазывание жгута пальцевыми прищипами или втиранием [Мандрыка, 2011, С. 122]
Обмазочные валики	Менее 0,3 см	сметанообразная	Протаскивание по нанесенному ранее слою жидкой глины либо тычково-защипным способом (при нанесении валиков пальцами рук) [Мандрыка, 1995, С. 114, 116]

Таким образом, по технике нанесения можно разделять налепные валики на 3 вида (табл. 1).

Однако для морфологического анализа такая классификация не всегда работает. На керамике невозможно определить консистенцию теста, из которого формировался валик для тех случаев, когда валик был создан при помощи пальцев рук, т. к. не выработана четкая система признаков для определения состояния наносимой формовочной массы, из которой строился валик. Из таблицы видно, что тонкие жгутиковые валики могли создаваться пальцевыми прищипами или втиранием. Обмазочные валики – протаскиванием, либо тычково-защипным способом. Если принять как факт, что втирание/примазывание валиков и протаскивание – это одно и то же действие, а прищипывание и тычково-защипный способ также аналогичны, то, как для тонких жгутиковых валиков, так

и для обмазочных характерны две различные техники нанесения:

- либо защипыванием (прищипыванием, тычково-защипным способом), когда валик читается непрерывным выпуклым рубцом с выделяющимися «арками», был оформлен с помощью отдельных оттисков. В этом случае обмазочный валик имеет характерную арочную форму, и можно проследить каждый оттиск пальца. Нередко возле валика фиксируются ногтевые отпечатки.
- либо протягиванием (примазыванием, протаскиванием). В этом случае валик также формировался с помощью смыкающихся пальцев, только при этом гончар не разводил пальцы для нового защипа, а проводил сомкнутыми пальцами по поверхности сосуда. Такие валики могли наноситься и орнаментиром с вогнутым краем. В результате образовывался непрерывный прямой рубец.

В связи с этим, по нашему мнению, для анализа более рационально использовать деление валиков по способу оформления – прямые или арочные, так как оно имеет четкие морфологические различия. Можно отметить, что на одном горшке обе техники не встречаются. Поэтому не исключено, что форма валика может являться критерием для типологического разделения.

Кроме того, на рассматриваемой группе сосудов из поселения Проспихинская Шивера-IV использовались и другие элементы орнамента – штампы и наколы (чаще всего округлые), овальные насечки, обмазка, пальцевой защип – вместе с валиками всего 13 элементов. Различные сочетания элементов на сосудах дали 77 орнаментальных композиций (рис. 1), которые условно можно разделить на 3 больших блока.

1. Орнаментальные композиции с использованием одного или нескольких объемных жгутиковых валиков. На 30 горшках выделено 25 композиций. Жгутиковые валики располагаются в верхней части горшков, и практически всегда рассечены округлыми оттисками (насечками, штампами, оттисками пальца). Тонкие валики, выполненные техникой протягивания, наносились на плечики и тулоно сосуда, располагались горизонтально, шевронами, арками. Если использовались валики горизонтальные и строящиеся в мотив «шеврон», то первые всегда находились над вторыми. В одном случае отмечается только арочный мотив. Нередко вместо валиков на сосудах этой группы использовалась обмазка, которая также могла строиться горизонтальными рядами либо шевро-

нами. На сосудах этой орнаментальной группы иногда также встречается горизонтальный ряд насечек, располагающийся в верхней части сосуда над жгутиковыми валиками. Кроме того, встречаются «личины», располагающиеся также в верхней части сосудов и выполненные двумя способами. Одни строились из трех «ямок», изображающих глаза и рот, другие – вертикальным налепом, изображающим выраженную часть лица (нос/клюв), по обеим сторонам которого ставились две ямки, изображающие глаза. У личин второй формы рот не обозначался.

2. Орнаментальные композиции с использованием пальцевых защипов, украшавших зону шейки/плечиков сосуда. На 16 горшках встречено 13 композиций. В двух случаях вместо защипов могли наноситься ряды округлых наколов или квадратных штампов. Валики могли располагаться как над рядами защипов, так и под ними. Они располагались горизонтально, шевронами и арками. Кроме того, на двух сосудах этой орнаментальной группы, в отличие от первой, встречаются валики, сформированные защипами. Взаимосвязи между мотивами орнамента и техникой нанесения валиков нет. На сосудах этой группы также присутствуют личины, выполненные «ямками».

3. Орнаментальные композиции, состоящие преимущественно только из тонких гладких валиков. На 75 горшках из коллекции выделено 39 композиций. Для всех горшков этой группы характерно построение валиков в горизонтальном или арочном мотивах. Иногда встречаются личины, выполненные «ямками».

Внутри этой композиционной группы было проведено сравнение применения двух вариантов валиков, нанесенных разными способами - протаскиванием/протягиванием и защипыванием. Для каждого варианта был собран набор композиций, который при сравнении оказался близким. В обоих вариантах отмечались композиции с несколькими горизонтальными валиками и композиции с сочетанием горизонтальных валиков и валиков, расположенных арками. Из этого был сделано заключение, что разделение горшков по технике нанесения валиков не обосновано для данной композиционной группы.

У всех трех представленных композиционных групп есть как общие признаки (зональное расположение орнамента, использование тонких гладких горизонтальных валиков, наличие личин, выполненных «ямками» и т.д.), так и некоторые различия (преобладающее использование шевронов для 1 группы, и арок для 2 и 3 групп, использование обмазки вместо валиков, а также рельефных личин в 1 группе и т.д.). Однако встречаются композиции, которые можно назвать переходными от одной группы в другую. Прежде всего, это композиция II.9, в которой используются шевроны характерные для 1 группы, образованные защипыванием, характерным для группы 3б, вместе с рядами защипов на стенках, характерными для 2 группы. Это доказывает существование всех композиционных групп в рамках одной керамической традиции.

Корреляция форм сосудов и композиций дала следующие результаты:

Для первой композиционной группы характерна форма сосудов 2, 3,

4, для группы 2 – формы 1, 3, 4, для группы 3а – форм 1, 2, 3, для группы 3б – форм 1, 3, 4.

В результате корреляции форм и орнаментальных композиций было выделено три типа керамики с тонкими валиками:

Керамика 1 типа – сосуды закрытой формы с отогнутой, прямой шейкой либо без шейки, украшенные в верхней части сосуда объемным жгутиковым валиком. Используемые мотивы – горизонтальный, «шевроны», «арки» (рис. 2).

Керамика 2 типа – сосуды закрытой формы с отогнутой, шейкой и гладко расширяющимися плечиками, а также сосуды с прямой шейкой и резко расширяющимися плечиками, либо без шейки, украшенные в зоне шейки и плечиков рядами пальцевых защипов. Используемые мотивы – горизонтальный, вертикальный, «шевроны», «арки» (рис. 3).

Керамика 3 типа – сосуды закрытой формы с отогнутой, прямой шейкой и гладко расширяющимися плечиками, а также сосуды с прямой шейкой и резко расширяющимися плечиками, либо без шейки, украшенные только тонкими гладкими валиками. Используемые мотивы – горизонтальный, вертикальный, диагональный, «арки» (рис. 4).

Чаще всего на территории Северного Приангарья керамика с тонкими валиками встречается на поселениях с мешанным культурным слоем, что не позволяет авторам раскопок дать ей четкие датировки. Для определения времени существования выделенных типов керамики обратимся к материалам стратифицированных памятников.

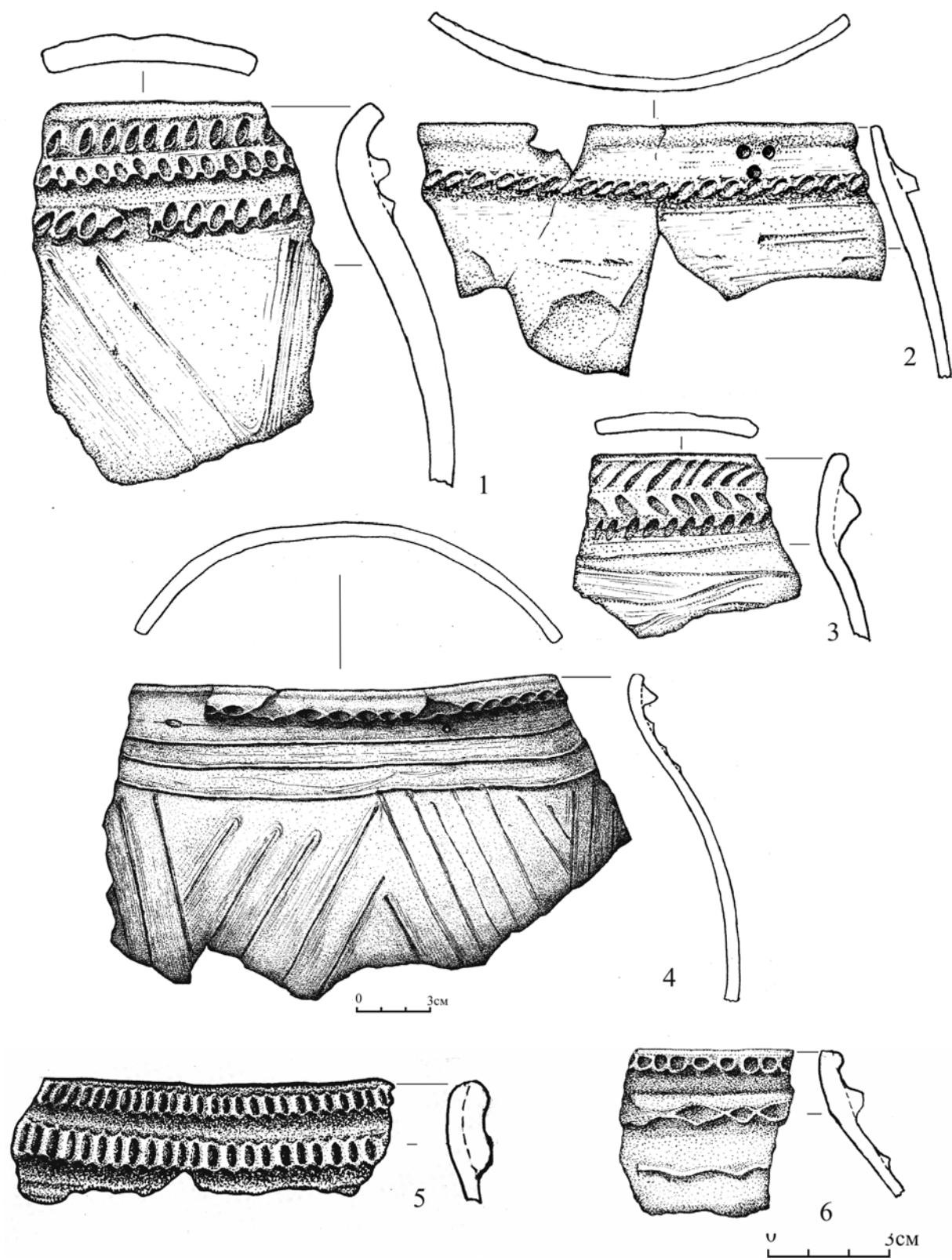

Рис. 2. Тонковаликовая керамика 1 типа поселения Просокхинская Шивера-IV

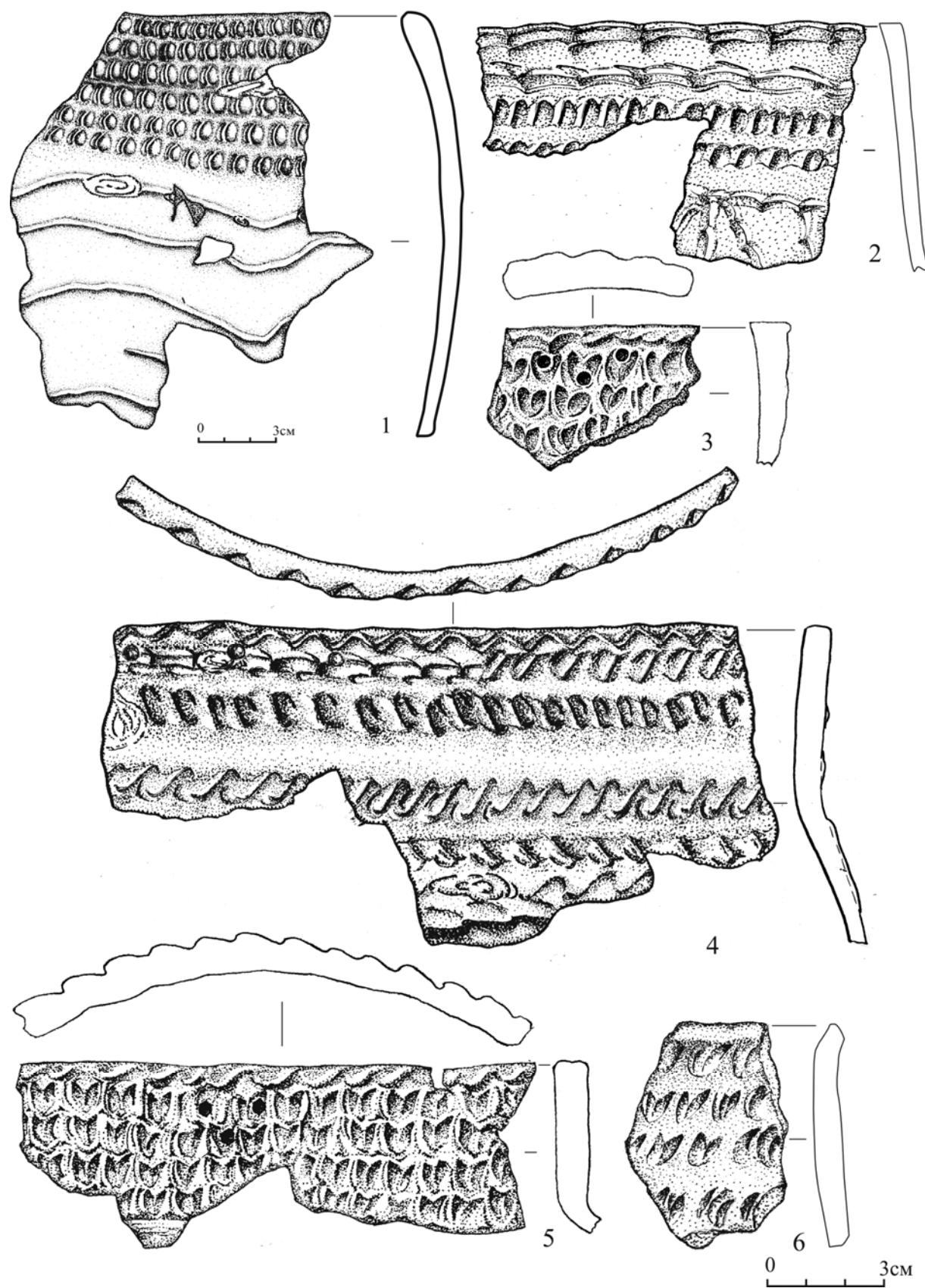

Рис. 3. Тонковаликовая керамика 2 типа поселения Проспихинская Шивера-IV

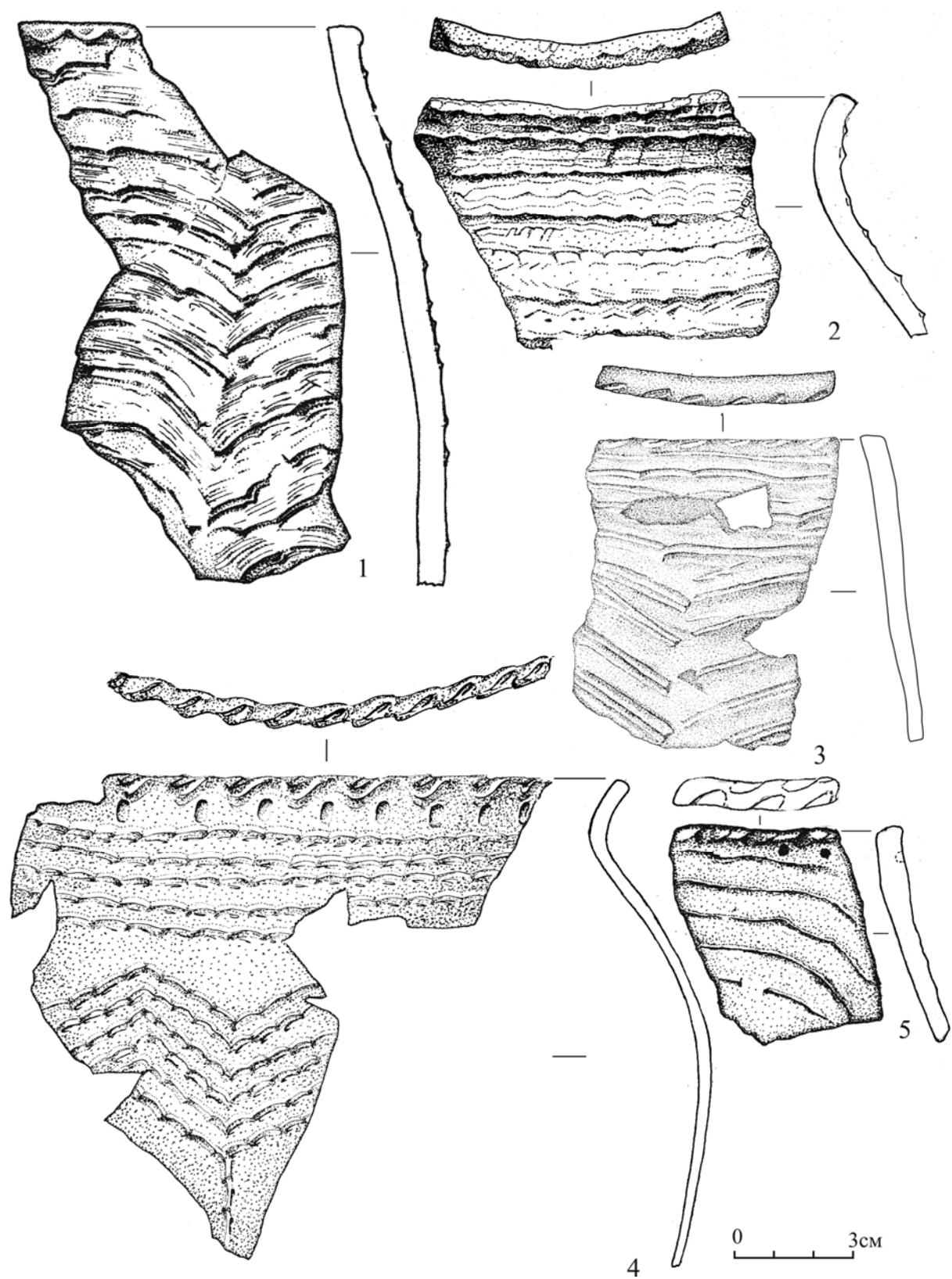

Рис. 4. Тонковаликовая керамика 3 типа поселения Простихинская Шивера-IV

Керамика 1 типа относится к усть-ковинскому стилю. Она схожа с керамическими сосудами, найденными на могильнике Усть-Кова (сосуд из второго погребения и 1 ритуального захоронения), который датируется VI-XII вв. [Леонтьев и др., 2005. С. 129]. Такая же посуда отмечена на поселении Проспихинская Шивера-1, которое датируется первой половиной I тысячелетия н. э. [Мандрыка, Бирюлева, 2012. С. 53].

Керамические сосуды 2 типа Проспихинской шиверы-IV морфологически схожи с керамикой второго типа поселения Айканка. Шейка этих сосудов украшена горизонтальными или вертикальными линиями пальцевых защипов. По тулowi отмечаются тонкие треугольные в сечении наклонные валики, которые строятся в мотив горизонтальная или вертикальная елочка» [Мандрыка, 1997. С. 213]. Однако на поселении Айканка венчики всех сосудов оформлены «карнизиками», а на сосудах из Проспихинской Шиверы-IV «карнизиков» на сосудах нет. Датировка айканской керамики в интервале I-IV вв. н.э. подтверждается датой 1880 ± 25 л. н., полученной радиоуглеродным анализом угля из очага жилища. Близкий возраст этой керамики получен и по материалам 3 культурного слоя многослойного поселения Бобровка на Енисее [Мандрыка и др., 2003. С. 163].

Керамика 3 типа сопоставляется с посудой из стратифицированных комплексов Среднего Енисея. Керамика с тонкими валиками зафиксирована в 3 культурном слое поселения Язаевка (Казачинский район). Слой отделяется от соседних стерильными прослойками. В нем были найдены черепки от 5 сосудов, где среди «каменско-маковских» и

«шилкинских» горшков встречен горшок с тонкими валиками. Валики наносились путем налепа тонкого жгута, прищипанного пальцами [Мандрыка, 2011. С. 121]. Под венчиком валики проходят горизонтально, а в зоне плечиков их горизонтальное распространение нарушается клиновидным зигзагом. Время формирования слоя датируется в интервале IX-VI вв. до н.э., что подтверждается датой радиоуглеродного анализа угля – 2360 ± 45 л.н. (СОАН -2936) [Там же. С. 123].

Керамика, украшенная тонкими прямыми и «карочными» валиками отмечена и в Прибайкалье. В культурном слое III А многослойного поселения Катунь-1 встречены сосуды с параллельными горизонтальными валиками. Данная керамика на территории Прибайкалья и Забайкалья найдена в поздних комплексах плиточных могил и погребениях елгинской группы Приольхонья. Для Приольхонья она датируется в рамках III в. до н.э. – IV в. н.э. [Горюнова и др. 2008. С.42].

Таким образом, керамику с тонкими валиками поселения Проспихинская Шивера-IV можно разделить на три типа, которые находят аналогии как на памятниках Северного Приангарья, так и на соседних территориях. Вероятнее всего, керамика с тонкими валиками эволюционировала во времени. Наиболее ранними можно считать горшки 3 типа, наиболее поздние - первого. Имеются существенные различия, которые не позволяют сопоставить керамику второго типа Проспихинской Шиверы-IV с керамикой айканского типа, поскольку при наличии общего яркого элемента (рядов пальцевых защипов), для айканской керамики характерны типообразующие элементы не свойственные ангар-

ским горникам. Поэтому вопрос датировки сосудов второго типа остается открытым.

Камнем преткновения для изучения валиковой керамики является отсутствие

узких датировок. Подтвердить гипотезу об изменении керамической традиции со временем можно будет, лишь обратившись к методам естественнонаучного датирования.

Список литературы

Бурилов В.В., Березин Д.Ю. Работы на нижней Ангаре // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Сборник научных трудов. - Новосибирск, 1987. - С. 118-121.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА – М.: «Наука», 1973 - №1 – С. 114-135

Горюнова О.И., Номоконова Т.Ю., Новиков А.Г. Многослойное поселение Катунь-І – основа периодизации эпохи палеометалла побережья Чивыркульского залива озера Байкал // Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии: Сборник научных трудов. – Иркутск: Изд-во Оттиск, 2008. – С. 35-45.

Леонтьев В.П. Железный век Северного Приангарья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук – Новосибирск, 1999. – 25 с.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И., Макулов В.И. К истории северного Приангарья в эпоху средневековья // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск: РИО КГПУ, 2005. – С. 129-131.

Рыбин Е.П. Славинский В.С. и др. Исследования стоянки Усть-Тушама-1 в 2012 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. – С. 473-477

Мандрыка П. В. Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка или к вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в красноярской лесостепи // Актуальные проблемы древней и средневековой Истории Сибири. - Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 1997. – С. 209-217.

Мандрыка П.В. Приемы описания керамики валикового типа // Методы комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. - Томск: Томский государственный университет, 1995. – С. 114-116.

Мандрыка П.В. Тонковаликовая керамика раннего железного века из Южнотаежной зоны Среднего Енисея // Вестник НГУ, Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 3: Археология и этнография. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2011 – С. 118-126

Мандрыка П.В., Бирюлова К.В. Керамика средневекового населения Проспихинская Шивера-І // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Издательство СФУ, 2012. – Вып. V. – С. 50-61.

Мандрыка П.В., Ямских А.А., Орлова Л.А., Ямских Г.Ю., Гольева А.А. Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее. - Красноярск: Красноярский гос. ун-т., 2003 – 138 с.

Ю.А. Титова
ООО «Гранит-Д»
Сибирский федеральный университет

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЯ ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА-IV

В работе представлены результаты изучения части керамической коллекции поселения Проспихинская Шивера-IV, полученной в рамках аварийно-спасательных работ в ложе проектируемого водохранилища БоГЭС в 2009-2011 гг. Были обследованы только те сосуды, которые отнесены к типам IА и IБ [Мандрыка, 2009, 2010, 2011]. Всего было обработано 182 сосуда. Целью работы является изучение древней технологии производства «валиковой» керамики на материалах поселения, определение основных направлений ее изготовления. В основе изучения керамики лежит методика А.А. Бобринского [Бобринский, 1978, 1999].

Сильно фрагментарное состояние археологической керамики, позволяет получить достаточно точную информацию о принципах отбора исходного сырья, его подготовки, принципах составления формовочных масс. И только в общем виде о способах конструирования, обработке поверхности и приданию изделиям прочности. Но, даже это позволило получить весьма интересные данные о навыках производства керамических изделий древнего автохтонного населения р. Ангара.

Все сосуды изготавливались из глины. В основном, использовалась

слабоожелезненная глина, с незначительными включениями обломочного каменного материала, иногда с единичными включениями кварцевого прозрачного или серого песка. Слабая степень ожелезненности выражается в том, что оолитовые включения бурого железняка практически не фиксируются, в изученных образцах, так же как редко отмечаются растёки окислов железа. Вместе с тем, цвет черепков (серый, бежевый с красным отливом) свидетельствует об изготовлении керамики именно из ожелезненной глины. Всего 168 сосудов (92,3 %) представленных в коллекции изготовлены из данного вида сырья. Помимо этого сырья, определяемого основным для изготовления сосудов, отмечены и горшки, выполненные из другого вида глины. 6 сосудов (3,3 %) из коллекции сделаны из ожелезненной, запесоченной глины. Песок в исходном сырье кварцевый белый, серый и прозрачный, с размерами частиц до 0,5-1 мм и концентрацией примерно 1:4-6. Еще 8 сосудов (4,4 %) изготовлены из сильно ожелезненной глины, в глине присутствуют многочисленные оолитовые включения бурого железняка и окислы железа, глина запесочена: песок пылеватый, мелкий, многоцветный, концентрация 1:3-4.

Состав формовочных масс изученной керамики относительно устойчив. В качестве искусственно вводимых компонентов зафиксированы минеральные примеси, которые повышают огнестойкость изделий (дресва и шамот) и органические, которые уменьшают «вредное» влияние усадки. В исследованных образцах отмечаются следующие виды добавок:

1. Дресва – минеральные материалы искусственной формы, представлена гранито-гнейсовыми породами. Дресва не калиброванная, в основном отмечаются крупные включения 2-3 мм до 5 мм. В основной массе сосудов дресва представлена в высокой концентрации 1:2-1:4. В качестве отощителя дресва использовалась практически во всех сосудах, всего 168 сосудов с дресвой (92,3 %).

2. Шамот – дробленые фрагменты вышедшей из употребления посуды из глинистого сырья. В основном шамот сильно измельченный, размерами 0,5-3 мм, из такой же слабоожелезненной глины, что и основная масса сосудов, иногда отмечаются добавки в шамоте в виде дресвы, в одном случае присутствует шамот в шамоте. Концентрация шамота низкая, в основном единичные включения, в некоторых случаях концентрация доходит до 1:4/5. Фиксируется добавление шамота в 14 сосудах (7,7 %).

3. Органический раствор с твердой составляющей – от органических растворов в составе формовочной массы после обжига изделия сохраняется характерная слоистость, пористость; коричневый налет по спаям; остатки

невыгоревшей до конца органики в виде серых и коричневых нитей, скоплений маленьких серых и коричневых «икринок», рыхлых порошкообразных включений и т.д. В некоторых случаях отмечаются рифленые отпечатки какой-то сильно измельченной растительности. Органический раствор фиксируется в 174 сосудах (95,6 %).

По изученному материалу выделено 5 рецептов составления формовочных масс, из которых два несмешанных. Первый: исходное сырье + органический раствор - 10 сосудов (5,4 %). Здесь, в основном, сосуды выполнены из запесоченной глины. Второй: исходное сырье + дресва- 10 сосудов (5,4 %). Другие рецепты отражают разные стадии процесса смешения.

Самым распространенным смешанным рецептом является добавление к исходному сырью дресвы и органического раствора. Всего, с таким рецептом формовочной массы зафиксировано 146 сосудов (80,1 %). Гончарных изделий с тремя видами отощителей (дресва, шамот и органический раствор) фиксируется 12 экз. (6,5 %). Стоит отметить разный уровень смешения в рецептах с тремя видами отощителей: так, в основном, дресва присутствует в невысокой концентрации, 1:7-1:10, шамот может быть как единичными включениями, так и до 1:6. В шамоте также фиксируется дресва в качестве отощителя. Только в одном сосуде из коллекции, отмечается высокое содержание дресвы 1:3 и в самом шамоте фиксируется дресва, а так же шамот в шамоте.

Сосудов, в которые добавлены шамот и органический раствор, всего 2

экз. (1,1 %). Шамот в этих сосудах мелкий и в высокой концентрации – 1:3/5.

Так же, отмечается 3 сосуда (1,5 %) без отоштателей: это сосуды, выполненные из ожелезненной запесоченной глины.

Наличие в коллекции больших форм дает возможность судить о способах конструирования сосудов. Сосуды изготавливались из разноразмерных лоскутов, комковатым, неорганизованным налепом, предположительно в форме емкости. Об изготовлении сосудов в форме емкости свидетельствуют многочисленные следы от выдавливания пальцами с внутренней стороны изделия, бугристая поверхность внутренней части сосуда, при сохранении ровной внешней поверхности, а так же наличие незначительной складчатости с внешней стороны, предположительно от кожаной, или тканевой прокладки между сосудом и формой емкостью.

Самым сложным вопросом стало определение способа обработки внешней поверхности, поскольку изучались сосуды, орнаментированные налепными валиками, покрывающими наружную поверхность стенок. В коллекции присутствуют сосуды с налепными тонкими жгутиковыми валиками 9 сосудов, и с обмазочными валиками 115 сосудов. Валики формировались как протягиванием влажной глиняной обмазки между пальцами, так и размазыванием обмазки расщеплённой костью или щепой. Фиксируются несколько сосудов сочетающих жгутиковые и обмазочные валики.

Обжиг сосудов, судя по характеру неравномерного окраса внешней поверхности и сколов, производился на открытом огне. Был исключен низкотемпературный обжиг, поскольку сосуды с таким обжигом сохраняют остаточную пластичность и при помещении их обломков в воду на сутки, черепки либо полностью растворяются (если обжиг проходил при температуре до 450 °C), либо дают выпадение осадка и впоследствии разминаются пальцами (если изделие обжигалось при температуре до 650-700 °C) [Бобринский, 1999. С. 85-106]. Ни один, из помещенных на сутки в воду образцов, не дал выпадения осадка. Это указывает на то, что все сосуды подвергались в момент обжига температурам каления (близкой к 1000 °C).

Таким образом, проведенное исследование позволяет отметить преобладание смешанных навыков в изготовлении керамических сосудов, украшенных налепными валиками.

Соотнесение принципов отбора исходного сырья, рецептов составления формовочных масс с типом орнаментации позволило отметить лишь одну закономерность. Из всей коллекции валиковой керамики поселения Проспихинская Шивера-IV выделяется небольшая группа сосудов (8 экз.), которые выполнены из сильно ожелезненной, запесоченной глины, и украшены тонкими горизонтальными жгутиковыми налепными валиками в верхней трети сосуда. Во всех остальных случаях, характер орнамента никак не сопоставляется ни с видом сырья, ни с рецептом формовочных масс, ни с характером обработки поверхности.

Преобладание смешанных на-
выков может свидетельствовать как о
неоднородности гончарных традиций

у населения, так и о разновременности
изученных сосудов.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения.
- М.: Наука, 1987. - 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изу-
чения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная моногра-
фия). - Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – С. 5-109.

Мандрыка П.В. Отчет по договору № 08/07/09 ИАЭТ СО РАН – ООО «НИПИИ
ЭТ Стройрезезв». Проект «Спасательные археологические исследования (раскопки) и
рекогносцировочные раскопки в зоне затопления БоГЭС в 2009 г. на территории ан-
самбля археологических памятников Шивера Проспихино». Т. 2. Спасательные архео-
логические исследования (раскопки) на территории ансамбля.

Кн. 1. Текст // Архив ЛА СФУ, Р-1, № 73г – 237 с.

Кн. 2. Иллюстрации // Архив ЛА СФУ, Р-1, № 73д – 407 с.

Мандрыка П.В. Отчет о спасательных археологических исследованиях (раскоп-
ках) и рекогносцировочных раскопках в зоне затопления БоГЭС в 2010 г. на террито-
рии памятников: «Ансамбля археологических памятников Шивера Проспихино», «сто-
янки Проспихино-2» и «Местонахождения Река Проспихино». Новосибирск-
Красноярск, 2011. . – в 4-х томах. – 2761 л.

Т. 1: Текст // Архив ЛА СФУ, Р-1, № 80а

Т. 3: Иллюстрации (продолжение) // Архив ЛА СФУ, Р-1, № 80в

Мандрыка П.В. Отчет. Спасательные и рекогносцировочные археологические иссле-
дования (раскопки) на территории памятников: «Ансамбля археологических памятников
Шивера Проспихино» и «Стоянки Проспихино-2» в зоне затопления БоГЭС в 2011 г.

Том I: Текст // Архив ЛА СФУ, Р-1, № 89а

Том V: Иллюстрации (продолжение) // Архив ЛА СФУ, Р-1, № 89д

П.О. Сенотруса, К.В. Бирюлева, П.В. Мандрыка
Сибирский федеральный университет

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЩИТОК СО СТОЯНКИ ИТОМИУРА

Летом 2012 г. проводились масштабные археологические работы на стоянке Итомиура, расположенной в среднем течении р. Муры, левобережного притока р. Ангара, в 8,8 км северо-восточнее с. Ирба Кежемского района Красноярского края. На памятнике двумя раскопами было вскрыто 12800 кв. м., и получены разновременные материалы, датируемые от эпохи неолита до средневековья включительно.

На площади раскопа, в глубине террасы, в 150 м от реки, был найден железный щиток, для защиты запястья лучника при стрельбе из лука (рис. 1).

Предмет выполнен из выгнутой железной пластины подпрямоугольной формы с расширяющейся центральной частью. С двух длинных сторон возле краев расположено по паре отверстий. С одного края щиток поврежден. Торцевые края усилены «валиками», на одном набиты десять парных поперечных параллельных насечек, расположенных пятью парами. На этой же половине щитка вдоль валика фиксируются четыре попарно расположенные линии. Еще две слабо различимые прерывистые параллельные линии отмечаются в средней части плоскости предмета. Размеры щитка 10,2x3,8x0,3 см.

Щиток выкован из двух железных пластин, «скованных» между собой, на что указывает ярко выраженная «слоистость» металла по шву, а также наличие на нем трещин. На внешней стороне

щитка фиксируются неглубокие косые царапины. Они расположены в центральной, наиболее выпуклой части плоскости, параллельно друг другу. По всей видимости, царапины появились в ходе эксплуатации предмета или его обработки.

0 3 см

Рис. 1. Железный щиток со стоянки Итомиура

Щитки для защиты запястья лучника известны в разных культурах и регионах Евразии с железного века. На территории Сибири большинство таких находок связано с памятниками позднего средневековья и нового времени.

При раскопках Надымского городка XVI-XVII вв. было найдено 13 экз. подобных изделий. В основном все они изготовлены из рога оленя, в единичных случаях из бивня мамонта и меди. Средние размеры щитков для взрослых людей от 7,3x3,7 до 11,3x5,0 см, размеры детских щитков от 4,7x2,6 до 6,4x2,7 см. Щитки из Надымского городка имеют форму вытянутого овала и изогнуты по продольной оси. Все они имеют парные отверстия для крепления на руке. На некоторых нанесен циркульный или точечный орнамент [Кардаш, 2009. С. 147].

Еще один щиток найден при раскопках городища Бухта Находка, в слоях XIII-XIV вв. Изделие аналогично другим предметам этой категории, изготовлено из бивня мамонта, по контуру декорировано орнаментом «уточки» [Кардаш, 2011. С. 27]. На Мангазее (XVI-XVII вв.) было найдено четыре щитка из бивня мамонта, вытянутой овальной формы, без орнамента, их размеры от 7,3x4,1 см до 11,4x3,8 см [Белов и др., 1981. С. 75].

Следует отметить, что в средневековых материалах Северного Приангарья и таежной зоны бассейна Среднего Енисея подобные щитки нам не известны. В то же время условия залегания находки, способ изготовления предмета из двух раскованных пластин и орнамент из параллельных двойных линий, позволяют предположить, что щиток относится к этнографическому времени и связан с

культурой проживающего на р. Муре аборигенного населения.

В этой связи стоит обратиться к этнографическим наручам, в частности, хранящимся в Красноярском краеведческом музее.

В настоящее время в фондах музея хранится восемь наручей изготовленных из различных материалов. Все они крепились к руке лучника с помощью кожаного шнурка, проходившего через парные отверстия, расположенные на длинных сторонах изделий. Для щитков, изготовленных из твердых материалов, характерна прямоугольная форма с закругленными углами, все они выпуклые в сечении. Большинство щитков изготовлено из кости и рога.

Один роговой щиток [ККМЭ № 1529-2], орнаментирован двумя параллельными прорезанными линиями, расположенными вдоль длинных краев изделия. Размеры щитка 10,2x4,5x0,4 см. Наручь привезен в 1907 г. с р. Таз Туруханского района от ненцев (селькупов?).

Еще три костяных щитка [ККМЭ № 1591-96] богато орнаментированы, в том числе и циркульным орнаментом. Они были привезены в 1920-м г. с р. Кеть от осяков кетских А. А. Савельевым, который зафиксировал их названия "Утан-куятти-ямды" или "Утан-гуэтчэ".

Также в фондах музея хранится один деревянный щиток (ККМЭ № 1584-53), без орнамента, его размеры 11,2x5,6x0,4 см. Щиток привезен И. И. Горбовцом с рек Таз и Вах (самоеды, селькупы?), крепился на левую руку.

В фондах музея хранится три щитка, выполненных из мягких пластин-

чатых материалов. Один щиток [ККМЭ № 1503-5], изготовлен из толстой коровьей кожи, без дополнительных украшений. Его размеры 9,7x4,5x0,3 см. Он привезен в 1901 г. П. Е. Островских из Туруханского района от селькупов. Исследователем зафиксировано его название «Уэткозоль-Кос». Еще два щитка привезены М.А. Дмитриевым с р. Сым в 1930 г., один сделан из бересты [ККМЭ № 1634-29], а второй – из бересты и сукна [ККМЭ № 1634-28].

Представленная в Красноярском краеведческом музее коллекция наручей немногочисленна, но достаточно разнообразна. Щитки могли изготавливаться из различных материалов, но, все они очень близки по форме, размерам и способам крепления, что сближает их с находкой со стоянки Итомиура. Следует отметить, что все щитки происходят из западных и северо-западных районов Приенисейской Сибири. К сожалению, щитки из восточных территорий в музей не поступали. Также не известны подобные изделия, выполненные из металлов вообще или железа в частности.

Согласно имеющимся письменным источникам, ко времени прихода русских территории Северного Приангарья занимали многочисленные и воинственные тунгусские племена. Известно, что долина р. Муры входила в район расселения эвенкийской группы «топорков», имеющей асанское происхождение, во главе которой в начале 1620-х гг. упоминается князец Мунти (или Мулти) [Туголуков, 1985, С. 48]. В начале 1630-х гг. топорки на Ангаре уже не упоминаются, вместо них на Муре указываются «ичеренцы», у них было 12 ясачных пла-

тельщиков, а возглавлял их князец Готал Мултин [Там же. С. 47]. Постепенно происходит усиление русского влияния в регионе и уже к 1782 г. эвенки Мурской волости были полностью крещены. Тем не менее, проживание отдельных групп эвенков в верхнем течении р. Муры отмечается вплоть до начала 1920-х гг. [Там же, С. 55].

По всей видимости, найденный на стоянке щиток также принадлежал человеку из эвенкийской группы, кочующей по долине р. Муры. Согласно этнографическим свидетельствам у тунгусов кузнечное ремесло было широко распространено [Тугаринов, 1927. С. 8]. При этом навыками обработки железа владело большинство мужчин эвенков, были среди них и специализированные кузнецы [Василевич, 1969. С. 91]. В большинстве случаев исходным материалом выступали железные прутки квадратного сечения, а расковка прута в лист – наиболее простым технологическим приемом [Павлинская, 1988. С.80]. Орнаментация итомиурского наручия состоит из универсальных элементов и носит строго геометрический характер. Данный стиль декора характерен как для эвенков, так и для соседних с ними народов кетов и долган [Иванов, 1963. С. 251; Исторический..., 1961. С. 370].

Наличие у эвенков развитого кузнечного дела позволяет предположить у них существование железных предметов защитного вооружения, в том числе и щитков для защиты запястья. Особенно интересно в этом контексте упоминание И. Г. Гмелина о том, что тунгусские роды часто враждуют друг с другом, при этом они надевают специальные желез-

ные панцири из пластин, которые закрывают всю левую половину тела. Вторая половина панциря сделана из деревянных досок [Титова, 1978. С. 70].

Таким образом, найденный на стоянке Итомиура щиток не имеет прямых археологических или этнографических аналогий. Тем не менее, на основании исторических и этнографических свидетельств, мы можем предположить,

что его потеря связана с группами эвенков, проживающих по долине р. Муры. В настоящее время невозможно точно определить хронологическую принадлежность предмета, по всей видимости, он датируется не ранее XVI-XVII вв. В целом, долина р. Муры является перспективным районом для выявления объектов культурного наследия, оставленных аборигенным населением.

Список литературы

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI-XVII вв. – Ч. II. – М.: Наука, 1981. – 148 с.

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л.: Наука, 1969. – 308 с.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX- начала XX в.). Народы севера и Дальнего Востока – М.: Изд-во академии наук СССР, 1963. – 500 с.

Историко-этнографический атлас Сибири. – М.,Л.: Издательство АН СССР, 1961. – 501 с.

Кардаш О.В. Городок сихиртэя в Бухте Нахodka (полевые результаты исследования). – Нефтеюганск: АНО «Институт археологии Севера»; Екатеринбург : издательство АМБ, 2011. – 60 с.

Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. – Екатеринбург-Нефтеюганск: изд-во «Магеллан», 2009. – 360 с.

Павлинская Л.Р. Некоторые вопросы техники и технологии художественной обработки металлов // Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С.71-85.

Титова З.Д. Материалы И. Г. Гмелина о тунгусах XVIII в. // Советская этнография, 1978. - № 1. – С. 59-71.

Тугаринов А.Я. Туземцы Приенисейского севера.- // Библиотека Приенисейского краеведа. – Вып. 16. – Красноярск: Бюро Краеведения при Красноярском отделе РГО, 1927. – С. 1-14.

Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М.: Наука, 1985. – 286 с.

АНТРОПОМОРФНЫЕ ЛИЧИНЫ В ПЕТРОГЛИФАХ АЗИИ – ПАРАДОКСЫ СООТВЕТСТВИЙ

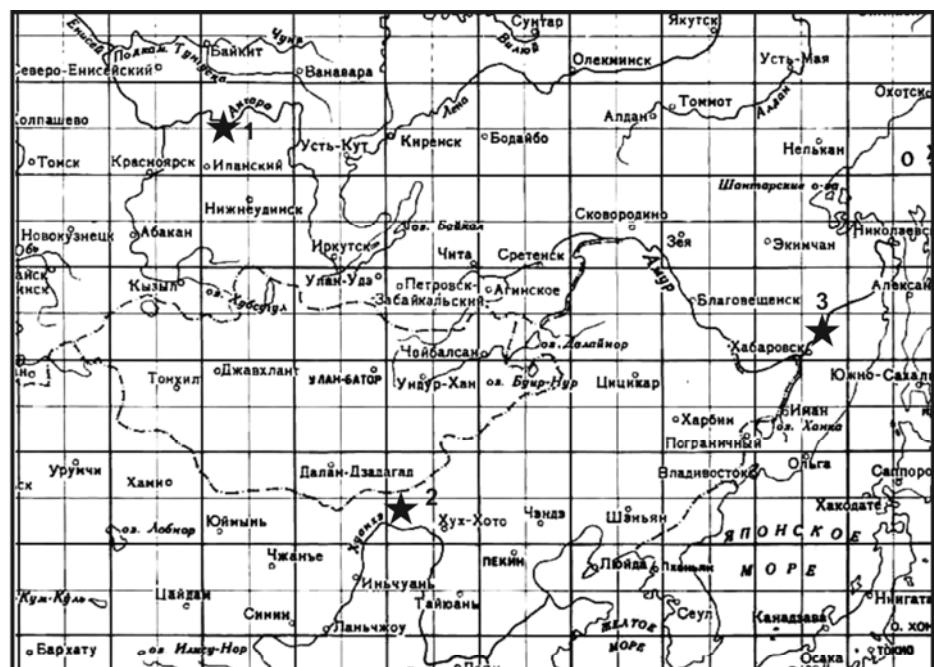
Антропоморфные личины – нередкий сюжет в наскальном искусстве Азии и, в вместе с тем, – наиболее сложный в плане определения датировки, культурной принадлежности и смысловой нагрузки. Более того, немалую проблему для исследователя составляют иконографические и стилистические соответствия образов, локально расположенных на значительном расстоянии (5000 км и более) друг от друга, в различных природно-географических областях. В контексте заявленной темы трудно осветить весь спектр изобразительных аналогий и вариантов научной интерпретации подобного феномена на территории азиатского региона. Поэтому на данном этапе исследований ограничим свое внимание на антропоморфных образах, выявленных сравнительно недавно в петроглифах Нижней Ангары, определим их изобразительные аналогии в различных частях Азии, рассмотрим вопросы, связанные с возможными этно-культурными контактами в древности.

Личины и антропоморфные фигуры с масками-личинами составляют представительный комплекс наскальных рисунков Нижней Ангары [Заика, Емельянов, 1998; Заика, Петрович, 2000]. Они подразделяются на «оконтуренные» и «неоконтуренные», промежуточное положение занимают частично оконтуренные образы. По виду контура

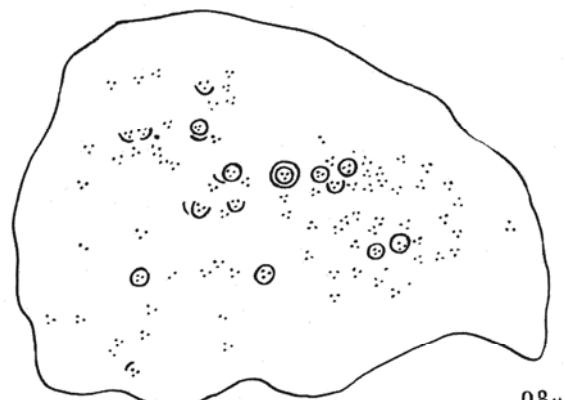
выделены круглые, полукруглые (параболоидные), сердцевидные и ромбовидные личины. По уровню сложности внутреннего и внешнего оформления – простые и сложные [Заика, 2001б].

Особый интерес представляют сложные личины «каменского» типа с частичным, реже – полным сердцевидным контуром. У многих таких личин внешний контур отсутствует. Основными элементами, маркирующими личины «каменского» типа являются: вертикальный «отросток» (часто с тройной раздвоилкой, реже – древовидный), глаза в виде окружностей, вертикальные линии в области рта («зубы», «борода») (рис. 2, 1-8).

Выполнены личины красной охрой, сконцентрированы на центральном участке нижнего течения Ангары в районе впадения р. Каменки (рис 1. 1). Реже встречаются на западном и восточном участках региона. Основная группа изображений датируется концом III – серединой II тыс. до н.э. [Заика, 2001в] и по ряду признаков относится к северной периферии распространения окуневских изобразительных традиций в наскальном искусстве Сибири [Заика, 2003; 2006, с. 330-331; 2012, с. 69]. Появившись в эпоху неолита, личины «каменского» типа в Нижнем Приангарье «доживаются» до эпохи раннего железа [Заика, 2004]. Учитывая отсутствие прямых аналогий в древнем искусстве

1

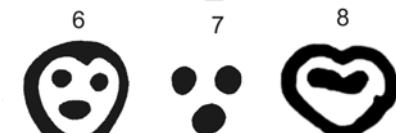
2

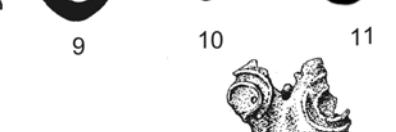
3

4

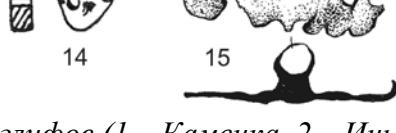
5

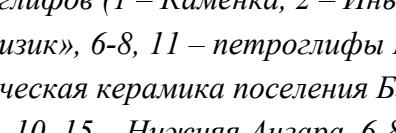
6

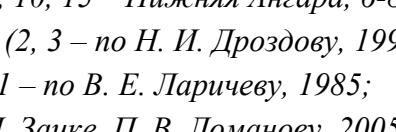
7

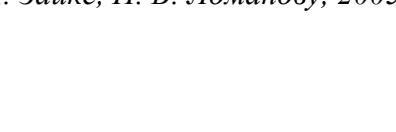
8

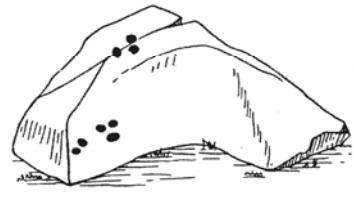
9

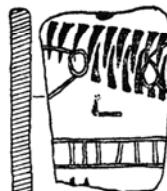
10

11

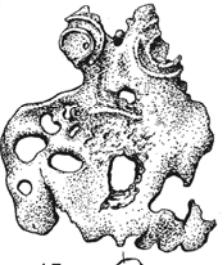
12

13

14

15

Рис. 1. 1 – карта-схема расположения петроглифов (1 – Каменка, 2 – Иньшань, 3 – Сикачи-Алян), 2-5 ,9, 10 – петроглифы «Геофизик», 6-8, 11 – петроглифы Иньшань, 12 – петроглифы Сикачи-Алян, 13, 14 – неолитическая керамика поселения Бэйутунь, 15 – бронзовое изделие стоянки Каменка. 2-5, 9, 10, 15 – Нижняя Ангара, 6-8, 11, 13, 14 – Северный Китай, 12 – Нижний Амур (2, 3 – по Н. И. Дроздову, 1990; 4, 5, 9, 10 – по А.Л. Заике, 2012; 6-8, 11 – по В. Е. Ларичеву, 1985; 13, 14 – по С. В. Алкину, 2007; 15 – по А.Л. Заике, П. В. Ломанову, 2005)

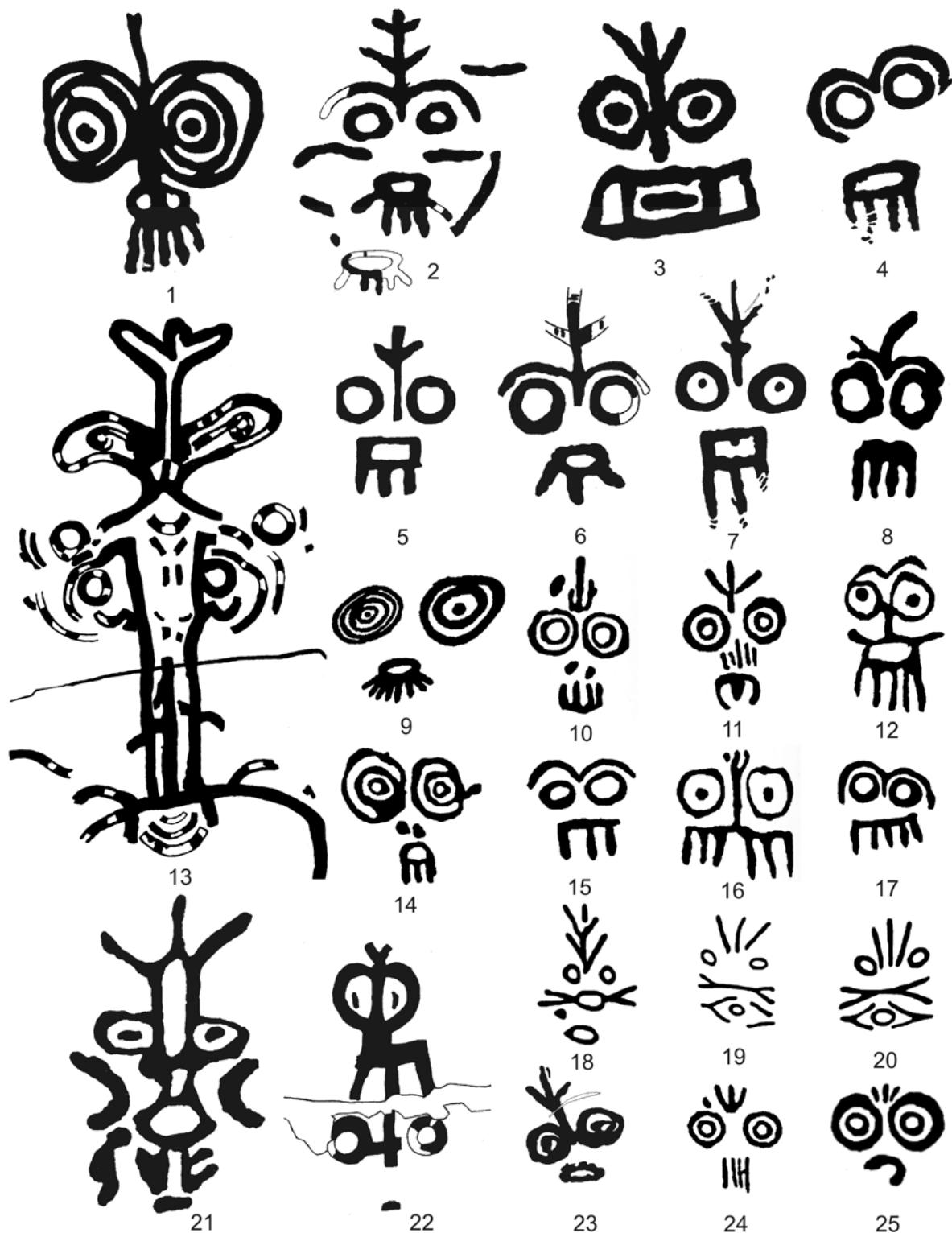

Рис. 2. Антропоморфные личины Азии. 1-8, 13, 22, 23 – личины «каменского» типа Нижней Ангары, 9-12, 14-17, 21, 24, 25 – петроглифы Внутренней Монголии, 18-20 – личины «джойского» типа из Саян (1-8, 13, 22, 23 – по А. Л. Заике, 2012, 9-12, 14-17, 24, 25 – по М.А. Дэвлемт, Е.Г. Дэвлемт, 2006, 18-20 – по М.А. Дэвлемт, 1997, 21 – по М.А. Дэвлемт, 1992)

Северной Азии, стилистическое своеобразие, иконографическую вариативность, трансхронологичность и локальность распространения, данные образы были признаны автохтонными и отнесены к местной изобразительной традиции [Заика, 2003, 2006, с. 332].

По всей видимости, личины Нижней Ангары так и остались бы на карте Северной Азии уникальным феноменом древнего искусства, если бы сравнительно недавно не получили известность результаты исследований китайских ученых на территории Внутренней Монголии. Сначала опосредованно [Кашина, 1983; Ларичев, 1984; Дэвлет, 1992 и др.], затем непосредственно [Gai Shanlin, 1986] материалы исследований петроглифов Северного Китая стали доступны для отечественных исследователей.

В горах Иньшань («Лунные горы») (рис. 1, 1) было обнаружено большое количество наскальных рисунков, среди которых видное место занимают разнообразного вида личины. Парадоксально, но факт: ряд антропоморфных образов Северного Китая имеет, практически, прямое графическое сходство с личинами «каменского» типа на Нижней Ангаре. К сожалению, мы в свое время, не предполагали о наличии каких-либо аналогий в столь отдаленном регионе.

У личин в петроглифах Внутренней Монголии также акцентировано выражены округлые контуры глаз, тройная развилка в верхней части и ряд вертикальных линий в нижней части образа. Внешний контур у них также отсутствует, или частично обозначен в виде сердца (рис. 2, 9-12, 14-17, 24, 25). При сопоставлении «они обнаруживают разитель-

ное сходство» [Дэвлет М., Дэвлет Е., 2006, с. 328]. Единственное отличие – техника исполнения. Петроглифы Лунных гор наносились путем выбивки, гравировки, прошлифовки.

С публикаций первых находок личин («каменского» типа) на Нижней Ангаре [Заика, Емельянов, 1996], Е.Г. Дэвлет в 1997 г. первой обратила внимание на их сходство с петроглифами Северного Китая [Дэвлет Е., 2000]. По мере поступления новых данных об ангарских петроглифах, она неоднократно обращалась к этой теме [Дэвлет Е., 1999; Дэвлет М., Дэвлет Е., 2006]. Кроме этого, аналогии были обнаружены исследовательницей на примере простых «трехточечных» личин. На Нижней Ангаре они представлены еще более локально, но – в большом количестве – на прибрежном валуне (петроглиф «Геофизик»). Личины имеют вид тройных (реже – парных) чашевидных углублений выполненных в технике выбивки с последующей прошлифовкой. По причине многолетнего воздействия воды и льда внешние контуры личин «Геофизика», выполненные в технике неглубокой точечной выбивки, прослеживаются слабо или совсем не различимы. Видимые контуры имеют сердцевидную и череповидную формы, в ряде случаев – форму круга или концентрических кругов. Первоначально на валуне было зафиксировано 91 изображение антропоморфных личин [Дроздов, 1990]. Но, вследствие антропогенного влияния, часть рисунков была уничтожена или сохранилась фрагментарно (рис. 1, 2-5, 9, 10).

Подобные чашевидные углубления, которые в тройной или парной ком-

бинации составляют изображение личины (без внешнего абриса или с сердцевидным, череповидным, округлым контуром) известны в петроглифах Нижнего Амура (рис. 1, 1, 12) [Окладников, 1971], сравнительно недавно они обнаружены в Северном Китае [Ларичев, 1984]. В последнем случае необходимо отметить своеобразные «трехточечные» личины с двойным округлым контуром, которые, практически, полностью идентичны ангарским петроглифам (рис. 1, 6-8).

Исходя из вышеприведенных соответствий в петроглифах Ангары и Северного Китая, а также учитывая известные аналогии в петроглифах Нижнего Амура на примере «трехточечных» и «разноглазых» личин, Е. Г. Дэвлет выдвинула предположение о прямых перемещениях древнего населения. По ее мнению, мигранты из Внутренней Монголии в древности продвигались на север несколькими волнами, достигнув Нижнего Амура и Северного Приангарья [Дэвлет Е., 1999, с. 373, 2000, с. 132-133]. «...Из глубинных районов Центральной Азии, как из огромного кипящего котла, выплескивались в разных направлениях, в том числе и северном, волны мигрантов. Изображения масок-личин были маркерами на пути их продвижения... направляясь из Центральной Азии на север, переселенцы следовали вдоль Тихоокеанского побережья и долиной Ангары и на Енисей.» [Дэвлет М., Дэвлет Е., 2006, с. 326, 328].

Данная версия привлекательная, но при всем уважении к авторам, — малоубедительная. Если Тихоокеанская траектория инфильтрации носителей определенной художественной традиции

вызывает меньшие сомнения (в Корее к настоящему времени, например, выявлен представительный комплекс петроглифов, где присутствуют тройные комбинации чашевидных углублений, встречаются личины с тройной развилкой [Jung, 2009, рис. 2,3, фото 3-8]), то «кангарский путь» мигрантов Северного Китая представляется менее обоснованным.

Во-первых, мы не располагаем на сегодняшний день фактами наличия в петроглифах (и других видах древнего искусства) на заявлном пути миграций искомых антропоморфных образов. Более того, личины, как сюжет в наскальном искусстве Верхней Ангары, Прибайкалья, Забайкалья, практически, отсутствуют; на Средней Ангаре, в Северо-Западной Монголии — единичны и имеют в своей иконографии мало общего с нижнеангарскими и северокитайскими образами [Окладников, 1966, 1974, 1978; Окладников, Запорожская, 1969, 1970; Новгородова, 1984, 1989].

Во-вторых, нижнеангарские личины (как и нижнеамурские) древнее северокитайских. Архаичные личины «каменного» типа соотносятся с эпохой неолита [Заика, 2003]. Большинство рисунков Лунных гор создавались «...начиная с бронзового, а возможно, и с каменного века...» [Кашина, 1983, с. 79]. К ранним рисункам известный исследователь наскального искусства Северного Китая Чень Чжао Фу относит только крупные изображения диких животных («стиль ранних охотников») [Chen Zhao Fu, 1995]. Соответственно, наиболее древние личины Внутренней Монголии «восходят, вероятно, к энеолиту» [Дэвлет М., 1992, с. 40].

В-третьих, личины «каменского» типа, в большей степени являются результатом развития автохтонной традиции на Нижней Ангаре. Это может подтверждаться (помимо факторов, указанных выше) примерами использования древним населением региона принципа полиэйконии при создании антропоморфных образов [Заика, 2002]. Так, например, на писанице «Мурский порог» сложная, перегруженная различными деталями антропоморфная фигура не только моделирует более лаконичный образ неоконтуренной личины «каменского» типа (композиционно они с ней сочетаются), но и, надо полагать, развернуто иллюстрирует заложенный в ней смысл, который явно должен иметь местные корни (рис. 2, 13).

Тем не менее, учитывая сходство монгольских, байкальских и ангарских петроглифов, которое в свое время отметил А.П. Окладников [Окладников, 1966, с. 139], ряд стилистических, иконографических и сюжетных аналогий на примере других образов в петроглифах Нижней Ангары, Внешней и Внутренней Монголии [Заика, 2001а], можно судить о существовании у древнего населения Нижней Ангары в той или иной мере устойчивых юго-восточных связей. По всей видимости, данные этнокультурные связи носили опосредованный характер.

Не исключая конвергентности возникновения схожих сюжетов в наскальном искусстве различных регионов Азии (рис. 1, 1), что предполагает «проявление общего субстрата, общих концепций, приобретающих актуальность на определенных исторических этапах» [Дэвлет Е., 1999, с. 131], обра-

зы в виде личин и, связанные с ними воззрения, могли передаваться «эстафетным» путем. Графическая информация могла доноситься «миссионерами» или посредниками через предметы мелкой пластики (рис. 1, 13-15) или на органических материалах (кожа, береста, дерево и др.).

Вектор трансляции идей и образов, возможно, мог иметь исходную точку на Нижней Ангаре. Контакты осуществлялись, по всей видимости, не по речному участку реки, а по ее левобережным притокам [Заика и др., 2000], которые берут свое начало в Восточных Саянах – срединной территории между нижнеангарским и северокитайским регионами. Соответственно, необходимо проведение целенаправленных исследований в малоизученных высокогорных районах Саян. Перспективность работ определяют известные находки своеобразных окуневских личин «джойского» типа, обнаруженных на писаницах Саянского нагорья (рис. 2, 18-20). По ряду признаков они имеют графические соответствия с личинами «каменского» типа [Заика, 2006]. Не исключено, что в «сердце» Восточного Саяна будет обнаружен доселе неизвестный центр наскального творчества, повлиявший на развитие художественных традиций в древней культуре рассматриваемых регионов.

В заключении необходимо отметить, что данная работа только частью затронула заявленную тему, которая требует дальнейшего развития. Не ясны причины, например, широкого распространения в наскальном искусстве своеобразных сердцевидных, череповидных

образов, личин с «каплевидным» оформлением глаз и др. Продуктивный поиск ответов на вопросы, связанные с интерпретацией феноменального соответствия

антропоморфных образов в наскальном искусстве Азии предполагает тесное сотрудничество отечественных и зарубежных исследователей.

Список литературы

- Алкин С.В.** Древние культуры Северо-Восточного Китая: Неолит Южной Маньчжурии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 168 с.
- Дроздов Н.И.** Наскальные рисунки и каменные изваяния Северного Приангарья // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. - М., 1990.- С. 211-216.
- Дэвлет М.А.** Древнейшие антропоморфные изображения Южной Сибири и Центральной Азии // Наскальные рисунки Евразии. Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ие, 1992. – С. 29-43.
- Дэвлет М.А.** Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. Санкт-Петербург. 1997а. - С. 240- 250.
- Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г.** Антропоморфные личины как маркеры путей древних миграций // Окуневский сборник. Культура и ее окружение: Сб. науч. Тр. – СПб.: Изд-во «Эликсис Принт», 2006. – С. 325-329.
- Дэвлет Е.Г.** Некоторые орнитоморфные и антропоморфные изображения: Американо-Азиатские параллели // Международная конференция по первобытному искусству. Том 1. Кемерово. 1999. - С. 131–138.
- Дэвлет Е.Г.** Н. К. Рерих и использование культурного наследия // Рериховские Чтения. 1997. (Материалы конференции).- Новосибирск: Сибирское Рериховское Общество, 2000.- С. 366-375.
- Заика А.Л.** Юго-восточные мотивы в наскальном искусстве Нижней Ангары // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных территорий. - Томск: Изд-во ТГУ, 2001а. - С. 128-129.
- Заика А.Л.** Личины Нижней Ангары (результаты стилистического анализа) // География на службе науки, практики, образования: Материалы VII научно- практической и методической конференции, посвященной 100-летию Красноярского отдела РГО. г. Красноярск, 26- 28 апреля 2001 г. - Красноярск: РИО КГПУ, 2001б. - С. 48-52.
- Заика А.Л.** Вопросы семантики и хронологии антропоморфных изображений в виде личин (по материалам петроглифов Нижней Ангары) // Древности Приенисейской Сибири. - вып. 2. - Красноярск: РИО КГПУ, 2001в. - С. 48-58.
- Заика А.Л.** О полизайоничности антропоморфных изображений в петроглифах Нижней Ангары // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. - Барнаул: Изд- во АГУ, 2002.- С. 39-43.
- Заика А.Л.** Антропоморфные личины в наскальном искусстве Нижней Ангары: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - Барнаул, 2003. - 25 с.

Заика А.Л. История изучения петроглифов Нижней Ангары // Древности Приенисейской Сибири. - вып. 4. - Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ, 2005. – С. 127-147.

Заика А.Л. Антропоморфные личины Нижней Ангары в контексте развития наскального искусства Азии // Окуневский сборник. Культура и ее окружение: Сб. науч. Тр. – СПб.: Изд-во «Эликсис Принт», 2006. – С. 330-342.

Заика А.Л. Личины в наскальном искусстве нижней Ангары//Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. - № 1(49). – С. 62-75.

Заика А.Л., Березовский А.П., Емельянов И.Н., Ключников Т.А., Тарасов А.Ю., Гревцов Ю.А. Петроглифы р. Бирюсы (по итогам работ 2000 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой юбилейной сессии ИАЭт СО РАН. Декабрь 2000 г.) – Новосибирск: Изд- во ИАЭт СО РАН, 2000а. – Т. VI. - С.122-123.

Заика А.Л., Емельянов И.Н. О личинах нижней Ангары // Международная конференция по первобытному искусству.- Кемерово: Изд- во САИПИ, 1998.- С. 98-99.

Заика А.Л., Ломанов П.В. Художественная металлопластика и петроглифы Нижнего Приангарья // Древности Приенисейской Сибири. - вып. 4. - Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ, 2005. – С. 121-126.

Заика А.Л., Петрович Е.В. Антропоморфные личины Нижней Ангары // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии . XXXX РАЭСК, том 1. Новосибирск: Изд- во НГУ, 2000.- С. 134-136.

Кашина Т.И. Петроглифы Лунных гор (о древнем искусстве кочевников- скотоводов Внутренней Монголии) // Пластика и рисунки древних культур (Первобытное искусство). – Новосибирск: Наука. Сиб. Отд- ие, 1983.- С. 77-85.

Ларичев В.Е. Открытие наскальных изображений на территории Внутренней Монголии, в Синьцзяне и Цинхае // Периховские чтения. - Новосибирск: Изд- во ИИФФ СО АН СССР, 1985. - С. 149-167.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. - М.: "Наука", 1984.- 168 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). - М.: "Наука", 1989. – 383 с.

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. М.- Л.: Наука, 1966. -322 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 1. - Л.: Наука. Лен. Отд-ие, 1969. - 218 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. - Л.: Наука. Лен. Отд-ие, 1970. - 268 с.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура- Л.: Наука. Лен. Отд- ие, 1971.- 273 с.

Окладников А.П. Петроглифы Байкала - памятники древней культуры народов Сибири. - Новосибирск: Наука. Сиб. Отд- ие, 1974. - 124 с.

Окладников А.П. Новые наскальные рисунки на Дубынинском – Долгом пороге (Ангара) //Древние культуры Приангарья. - Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ие, 1978.- С. 160- 191.

Cai Shanlin. Petroglyphs in the Yinshan mountains. – Beijing: Wenwu, 1986. – 441p.

Chen Zhao Fu. Rock Art in Northern China.// Perceiving Rock Art. Social and Political Perspectives. Ed. By Knut Helskog and Bjornar Olsen. – Oslo: Novus Forlag, 1995, p. 367.

Jung, Dong-Rak. The Yootpan-Type Petroglyph in Goryeong Region // The Journal of Korean Petroglyph. – 2009. – Vol. 11-12. – P. 185-207.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ Р. МУРЫ

Активное хозяйственное освоение бассейна нижнего течения р. Ангары приводит к нарушению целостности или часто к полному уничтожению памятников археологии региона. В этой связи, проведение разведочных работ, направленных на выявление новых объектов культурного наследия, является одной из насущных задач, стоящих перед исследователями.

В течение последних 10 лет Богучанским отрядом археологической экспедиции Сибирского федерального университета проводились разведочные работы на территории Богучанского и Кежемского районов Красноярского края. Первые археологические памятники в этих районах были выявлены здесь еще в XVIII в., большие разведочные работы были проведены в 30-е гг. XX в. под руководством А.П. Окладникова. С 60-х гг. и вплоть до настоящего периода времени основной объем проводившихся в районе полевых исследований был связан со строительством каскада ангарских гидроэлектростанций [Дроздов и др., 1989; Коровушкин, 2010]. В то же время, многие территории Северного Приангарья продолжают оставаться «белым пятном». В первую очередь это относится к бассейнам ангарских притоков, где число выявленных объектов культурного наследия невелико.

До начала наших работ в нижнем течении р. Муры было выявлено только

одно местонахождение, которое было найдено в 1971 г. отрядом КАЭ ИГУ. Памятник находится в 5 км выше устья, на невысокой 5—6 м террасе р. Муры. Археологический материал был собран на пашне и представлен крупными пластинами из траппа, отщепами различных форм и фрагментами венчика керамики с орнаментом, выполненным отступающей лопаточкой [Дроздов и др., 1989, С. 198]. В публикации не представлены топографические материалы и более точные ориентиры, что затрудняет точную локализацию этого объекта. На правом берегу р. Ангары напротив Мурской шиверы были выявлены памятники наскального искусства [Заика, 2005, С. 145] и местонахождение Мурская шивера содержащие разновременные материалы [Дроздов и др., 1989, С. 199].

В начале осени 2010 г. была проведена пешая разведка в нижнем течении р. Муры. Маршрут проходил по двум берегам реки от автомобильной трассы Богучаны – Кодинск, до ее устья (рис. 1). В данном районе рельеф берегов реки весьма разнообразен, в некоторых местах долина широкая, при этом пойма может достигать 50-60 м. Там, где долина сужается, террасы достигают 35 м высоты от уреза воды, в их основании находится скальный цоколь. Река Мура впадает в Ангару напротив Мурского порога, образуя при этом узкий приусадебной мыс, закрытый с двух сторон высокими скальниками. В ходе полевых

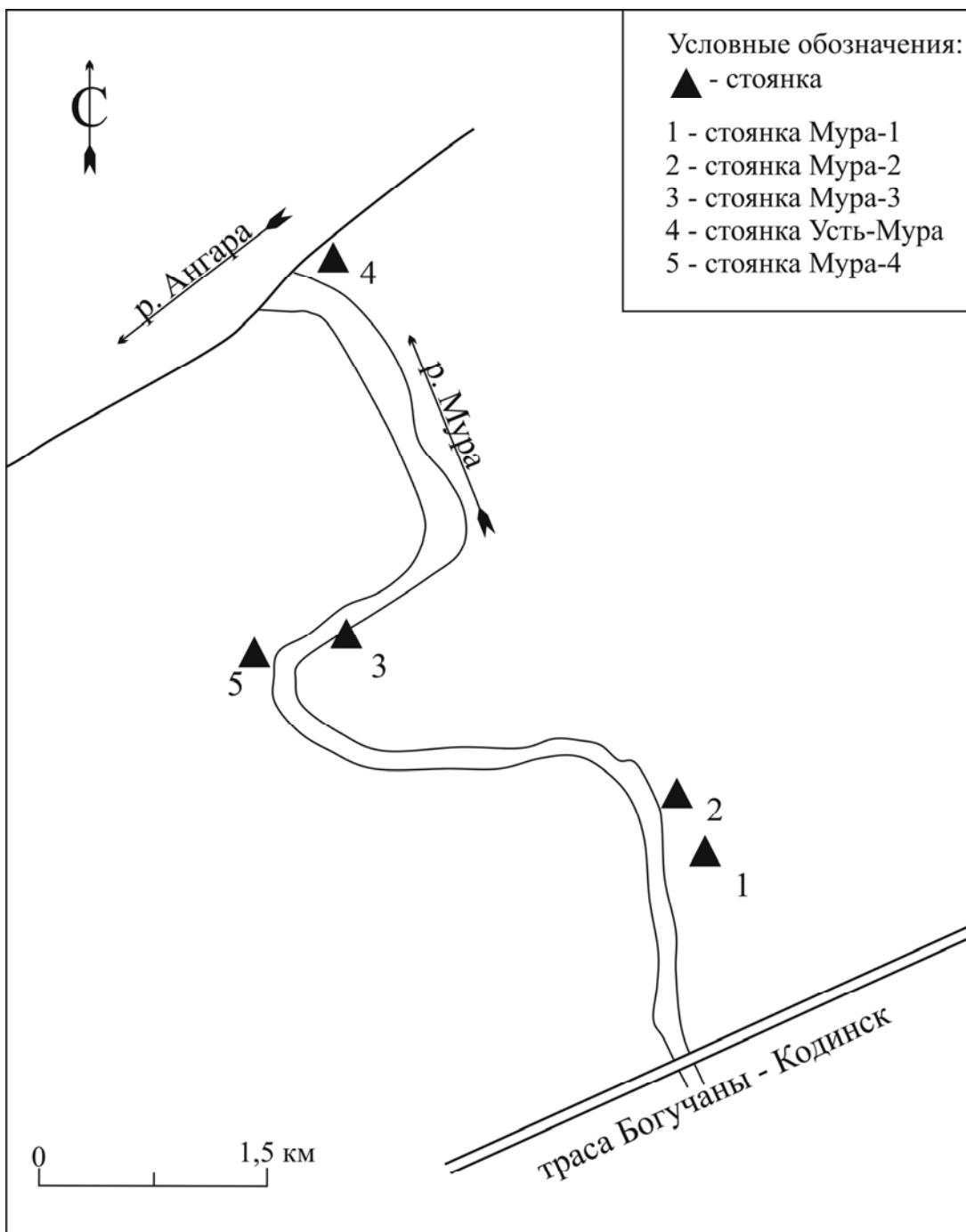

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников археологии в нижнем течении р. Муры

работ было выявлено пять новых объектов культурного наследия, ниже приводится краткая характеристика каждого из них.

Стоянка Мура-1 располагается на правом берегу р. Муры, в 2, 3 км к

югу от ее устья. Памятник находится на поверхности 35-ти метровой террасы, основание которой представлено цокольными скальниками, обрывающимися со стороны реки. С северо-восточной и юго-восточной стороны терраса проре-

зана глубокими логами, в 45-50 метрах от ее края проходит проселочная дорога.

Материал был собран в небольшом обнажении возле края террасы, а также на обочине дороги. Среди находок следует отметить отщепы, сколы, фрагменты керамики со следами выбивки на внешней поверхности, а также фрагмент каменного орудия ударного действия, выполненного из четырехугольной грубой гальки.

На стоянке было заложено три шурфа, археологический материал был найден в двух из них на глубине 20-23 см от современной дневной поверхности. Он приурочен к нижней кровле слоя серой песчаной почвы. Наибольшая концентрация находок отмечается в глубине террасы, в 40-50 м от ее края. Среди находок следует отметить линзовидное бифасиальное орудие, лезвие которого оформлено грубыми сколами (рис. 2 – 10). Так же здесь были найдены отщепы, фрагмент лезвия долотовидного орудия, со следами шлифования и массивный камень уплощенный формы (наковальня?). В шурфе был найдены два венчика от разных сосудов. Первый венчик прямой, на его внешней поверхности фиксируются следы выбивки. Второй венчик тоже прямой, обрез рассечен неглубокими насечками, ниже находится ряд «жемчужин». Также было зафиксировано несколько черепков со следами выбивки на внешней поверхности.

Таким образом, стоянка Мура-1 является однослойным памятником, культурный слой которого приурочен к нижней кровле серой песчаной почвы. Найденные археологические артефакты позволяют датировать памятник в широких хронологических рамках неолита –

бронзового века. На основании проведенных работ, можно предполагать, что центральная часть стоянки будет располагаться в глубине террасы. Полученные материалы интересны и перспективны для дальнейшего изучения.

Стоянка Мура-2 располагается на правом берегу р. Муры, в 2, 1 км к югу от ее устья. С северо-восточной и юго-восточной сторон памятник ограничивается глубокими логами.

Подъемного материала на памятнике зафиксировано не было, в ходе работ было заложено четыре шурфа, выявивших схожую стратиграфическую ситуацию. Археологический материал был найден на глубине 20-30 см, от современной дневной поверхности и приурочен к слою серой песчаной почвы. Среди находок отмечен каменный концевой скребок на отщепе (рис. 2- 9), отщепы и сколы.

Археологический материал может быть датирован в широких рамках неолита – бронзового века. Отсутствие фрагментов керамики среди находок существенно затрудняет более точное определение культурно-хронологической принадлежности стоянки.

Стоянка Мура-3 располагается на правом берегу р. Муры, в 1,2 км к юго-западу от ее устья, напротив речного переката. Памятник находится на первой пойменной террасе, высотой 5-6 м, поросшей березовым лесом, с развитым подлеском и травянистым покровом. С южной и юго-восточной стороны терраса ограничена склоном 2-й мурской террасы, с восточной стороны она упирается в крутой склон горы. В западном направлении терраса постепенно расширяется до 50 метров, где располагается заброшенный луг.

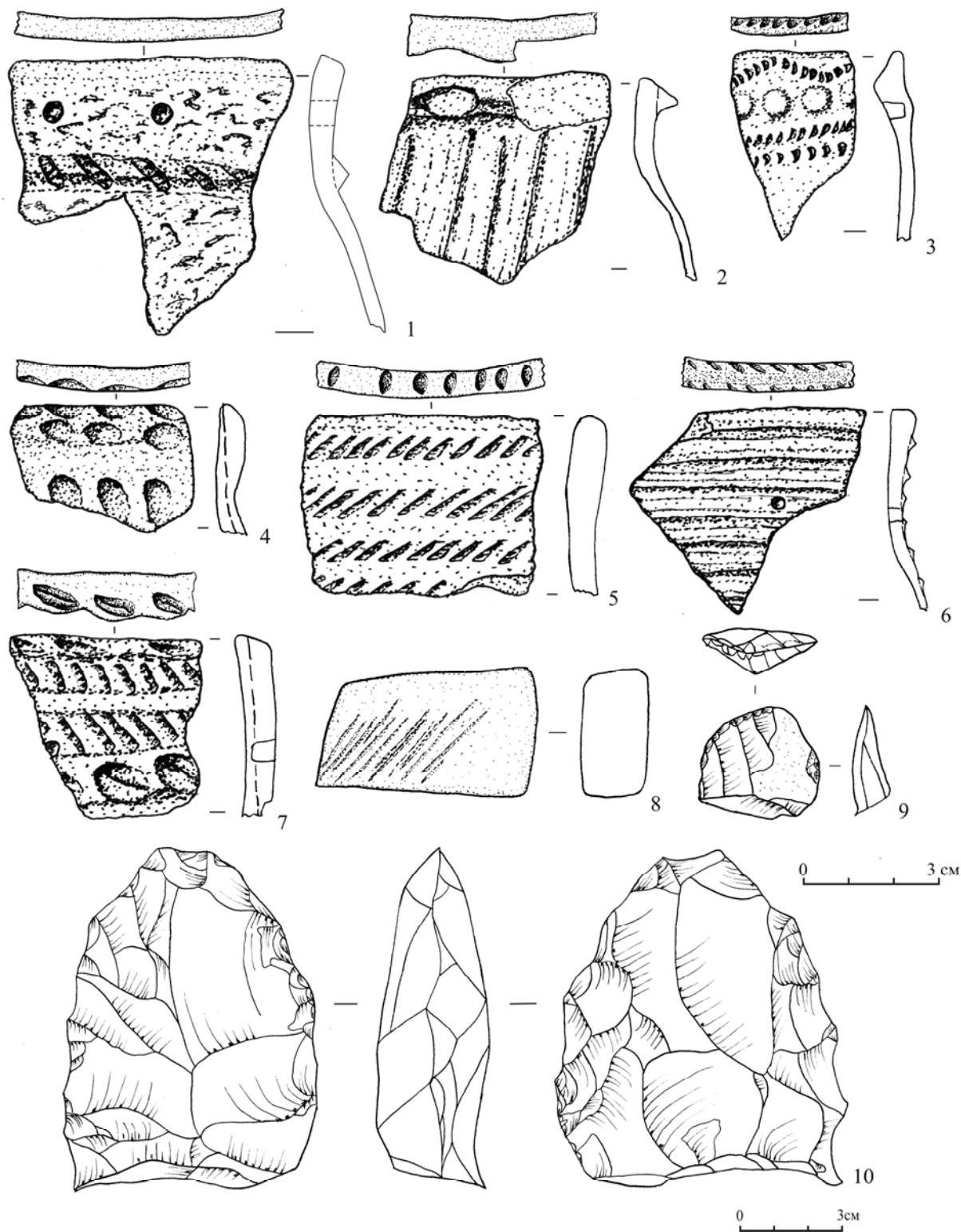

Рис. 2. Найденные в ходе разведки в нижнем течении р. Муры.
 1-8 – стоянка Усть-Мура; 9 – стоянка Мура-2; 10 – стоянка Мура-1.
 1-7 – керамика; 8-10 – камень

Археологический материал был найден на глубине 23-30 см, от современной дневной поверхности и приурочен к центральной части слоя темно-бурового суглинка. Среди находок отмечены многочисленные железные шлаки, в том числе достаточно крупные фрагменты с глиняной обмазкой. Керамическая коллекция малочисленна, она представлена всего пятью фрагментами тонкостенной керамики без орнамента.

Стоянка Мура-3 является однослоистым памятником. Найденные, представленные отходами металлургического производства и фрагментами керамики, приурочены к центральной части толщи темно-буровой легкосуглинистой почвы. Имеющиеся материалы позволяют датировать стоянку средними веками (средневековьем?). По всей видимости, западная часть памятника была разрушена в ходе распашки поверхности террасы. Памятник может быть интересен для изучения особенностей металлургического ремесла населения Северного Приангарья.

Стоянка Усть-Мура располагается на левом берегу р. Ангары, в устье р. Муры, в створе Мурского порога. Памятник находится на приуставной террасе высотой до 8 м, с восточной стороны она ограничена скальными выходами, высота скальника до 300 м. С южной стороны терраса ограничивается склоном горы, с западной – берегом реки Муры. Ниже террасы располагается пойма, шириной до 20 м.

Поверхность террасы покрыта густой луговой растительностью, кустарником, встречаются отдельно стоящие лиственные деревья. На террасе и на

береге р. Ангары находится большое количество крупных камней, вероятно, притащенных сюда рекой во время ледохода. На тропинке, идущей по склону террасы, был найден материал. В том числе скребок, выполненный на массивном отщепе, рабочий край полукруглый, оформлен крутой, притупляющей ретушью. Здесь же были найдены отщепы и фрагмент гончарной керамики русского времени.

Для определения границ памятника, наличия культурного слоя, характера его залегания и датировки было заложено два шурфа.

В первом шурфе по уровню залеганию находок и их типологии было выделено два культурных слоя.

Первый культурный слой залегал на глубине 15-22 см от современной дневной поверхности и был приурочен к верхней части темно-буровой супеси. По всей видимости, слой был частично поврежден сгоревшей русской постройкой, что подтверждается наличием в разрезе пачки мешаной прокаленной почвы (зольника). К находкам первого культурного слоя были отнесены фрагменты железных шлаков, фрагменты колотых костей животных. Из каменных находок следует отметить фрагмент точильного камня прямоугольного в сечении (рис. 2 – 8), и камень четырехугольной формы, со следами сработанности на двух торцах. Достаточно представительна керамическая коллекция, найденная в первом культурном слое. Все найденные черепки можно поделить на несколько хронологических и типологических групп.

К первой относится гончарная керамика русского времени. Она представ-

лена фрагментом придонной части сосуда, темно-серого цвета, а также несколькими черепками без орнамента.

К следующей группе отнесены черепки от двух сосудов закрытой формы с валиковым декором. Они несколько различны между собой. Первый сосуд слабо профицированный, орнаментирован тонкими аккуратными обмазочными валиками, треугольными в сечении, на тулове располагается сквозное отверстие (рис. 2 – 6). Венчик второго сосуда, оформлен с использованием широкой налепной ленты, обрез рассечен пальцевыми защипами. Черепок орнаментирован небрежными тонкими валиками, треугольными в сечении. К этой же группе относятся несколько фрагментов стенок орнаментированных тонкими валикам.

В единственном экземпляре зафиксирован фрагмент венчика сосуда, закрытой формы. Венчик прямой, каплевидный в сечении, обрез орнаментирован прямыми насечками. Сосуд украшен горизонтальными рядами наклонно поставленных оттисков мелкозубой гребенки (рис. 2 – 5), от этого же сосуда зафиксированы фрагменты стенок. Также был найден фрагмент венчика сосуда, орнаментированный пальцевыми вдавлениями (рис. 2 – 4).

Кроме этого, в слое были отмечены единичные каменные отщепы и фрагменты керамики без орнамента, идентичные аналогичным находкам из второго культурного слоя. Возможно, это связано с нарушениями верхних почвенных отложений в результате хозяйственной деятельности человека.

Материалы второго культурного слоя были найдены на глубине 37-47 см

от современной дневной поверхности и приурочены к центральной части толщи темно-серой гумусированной супеси. Для материала характерна высокая концентрация и равномерное распространение по всей площади шурфа. Среди керамики второго культурного слоя также выделяется несколько групп.

К первой мы относим черепки раннего железного века, представленные двумя разнотипными сосудами закрытой формы.

Образ первого сосуда гладкий, скошен наружу, край рассечен пальцевыми защипами (рис. 2 – 7). Под обрезом располагается широкая налепная лента, нижний край которой рассечен наклонно поставленными пальцевыми защипами. Лента орнаментирована горизонтальными рядами оттисков мелкозубой гребенки. Фрагмент венчика второго сосуда слабо профицированный, под обрезом располагается ряд «ямок», ниже – жгутковый валик рассеченный оттисками гребенки (рис. 2 – 1). На внешней стороне сосуда фиксируются следы грубого затирания поверхности. К этому же времени можно отнести прямоугольное ушко от сосуда дымокура. Ушко без орнамента, с округлым отверстием в центре.

К глазковскому времени можно отнести один сосуд, закрытой формы. Венчик прямой, обрез приостренный, скошен во внутреннюю сторону. С внутренней стороны он утолщен треугольным в сечении валиком. Обрез рассечен косыми насечками, ниже расположены наколы, выстроенные в мотив «зигзаг», под ними находятся два горизонтальных ряда аналогичных наколов (рис. 2 – 3). Между ними расположены «жемчужины».

К какому-либо периоду затруднительно отнести небольшой фрагмент венчика сосуда. Обрез приостренный, с двух сторон рассечен глубокими косыми насечками, ниже располагается «жемчужина». Неоднозначна датировка черепков, орнаментированных приостренными и округлыми наколами, а также многочисленных фрагментов керамики без орнамента.

Среди находок каменных артефактов следует отметить каменную пластинку, трапециевидную в сечении и многочисленные каменные отщепы и сколы.

В шурфе № 2 археологический материал был найден на глубине 20-23 см от современной дневной поверхности, он приурочен к толще темно-буровой гумусированной супеси.

В слое отмечен фрагмент венчика сосуда, закрытой формы. Венчик прямой, обрез рассечен косыми насечками. Второй фрагмент венчика сосуда профилированный, с внешней стороны оформлен высоким треугольным валиком, рассеченным пальцевыми вдавлениями (рис. 2 – 2). Тулово орнаментировано тонкими вертикальными валиками, треугольными в сечении. Здесь же были найдены два черепка орнаментированных тонкими валиками и фрагменты керамики без орнамента.

Кроме керамики в шурфе была найдена пластинка, отщепы, железные шлаки и один фрагмент колотой кости.

Возле западной стенки шурфа был отмечен развал железоплавильного горна, округлой формы. На этой стадии шурф был законсервирован до дальнейших стационарных работ.

Предварительная датировка материалов памятника основывается на керамике. Керамика, орнаментированная пальцевыми вдавлениями, и сосуд с гребенчатым штампом близки материалам третьего культурного слоя поселения Шилка-9 [Мандрыка, 2005. С. 176] и второго культурного слоя многослойного поселения Бобровка [Мандрыка и др., 2003. С. 146.]. Эти материалы можно датировать в рамках конца I – начала II тыс. н. э.

Керамика орнаментированная тонкими валиками известна на многих памятниках данного региона, и, не имея точной хронологической привязки, датируется в пределах гунно-сарматского времени – раннего средневековья. Тем не менее, сосуд из шурфа № 2 (рис. 2 – 2) морфологически близок валиковой керамике с поселения Проспихинская Шивера-І, материалы которого датируются второй половиной I тыс. н. э. [Мандрыка, Бирюлева, 2012. С. 58].

Керамика раннего железного века представлена двумя сосудами. Первый из них относится к керамике карабульского типа, широко распространенной в нижнем течении р. Ангара и таежной зоне бассейна Енисея от Казачинского порога до окрестностей г. Енисейска в раннем железном веке [Макаров, Быкова, 2011. С. 228].

Фрагмент сосуда с «жемчужником» сходен с керамикой глазковского типа [Окладников, 1955. С. 127].

В итоге проведенных работ на памятнике было выявлено два культурных слоя. Первый слой может быть датирован в широких хронологических рамках средневековья – русского време-

ни; второй – интервалом от неолита до раннего железного века. Культурные отложения памятника частично повреждены русскими постройками и ледовыми и каменными глыбами во время весеннего паводка. Тем не менее, памятник может быть интересен для дальнейшего изучения с целью исследования выявленной металлургической площадки.

Стоянка Мура-4 располагается на левом берегу р. Муры, в 1,3 км к юго-западу от ее устья. Стоянка находится на поверхности террасы, высотой 32-35 м от уреза воды. Терраса ровная, поросшая смешанным лесом, с северной и южной стороны ограничена небольшими логами. С восточной стороны терраса обрывается крутым яром, подмываемым рекой.

Один шурф был заложен в центральной части стоянки, на краю терра-

сы. Археологический материал был найден на глубине 5-10 см от современной дневной поверхности и приурочен к темно-буровой суглинистой почве. Найденные представлены фрагментами железных шлаков и развалом горна. Для полного изучения объекта шурф был законсервирован для дальнейших раскопок.

Таким образом, стоянка Мура-4 является однослойным памятником, который может быть датирован в рамках раннего железного века и средневековья.

В ходе разведочных работ было выявлено пять новых объектов культурного наследия, которые интересны тем, что на части из них зафиксирован один культурный слой, содержащий хронологически единые материалы. Подобные комплексы позволяют в будущем уточнить культурно-хронологическую периодизацию Северного Приангарья.

Список литературы

Дроздов Н.И., Макулов В.И., Ермолаев А.В. Археологическая карта Нижнего течения реки Ангары // Памятники истории и культуры Красноярского края. Красноярск: Красн. кн. изд-во, 1989. – Вып. I. – с. 190-203.

Заика А.Л. История изучения петроглифов Нижней Ангары // Древности Приенисейской Сибири. – Вып. 4. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. – С. 127-147.

Коровушкин Д.Г. Богучанская археологическая экспедиция: трехлетние итоги. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XVI. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – С. 466-470.

Макаров Н.П., Быкова М.В. Керамика карабульского типа // Древние культуры Монголии и Прибайкальской Сибири. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ. – Вып. 2. – С. 227-231.

Мандрыка П.В., Бирюлева К.В. Керамика средневекового поселения Проспихинская Шивера-І // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – Вып. V. – С. 50-61.

Мандрыка П.В. Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. – Вып. 3. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – С. 172-185.

Мандрыка П.В., Ямских А.А., Орлова Л.А., Ямских Г.Ю., Гольева А.А. Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее. – Красноярск: КГУ, 2003. – 138 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – Ч. III. – М. – Л.: Наука, 1955. – 376 с.

БИБЛИОГРАФИЯ
Красноярских исследователей по археологии,
этнографии, палеонтологии (2007-2013)

2007

Cave art of Middle Enisey / E. S Anninsky, A.L. Zaika, B.A. Ampilogov, M.V. Baranov, U.V. Zlotya, K.A. Kogan, V.A. Purgin. – Zeleznogorsk, Krasnoyarsk region. Nonprofit institution «Fund «In remembrance of Reshetnev», 2007. – 224 p. Illustrations.

Drozdov N., Artemyev E., Zaika A., Makulov V., Chekha V., Gansbold M., Dashtseren Ts. New Archeological Data of West Mongolia // Suyangge and her neighbours. Prehistoric migrations in Eurasia and America. – Krasnoyarsk, 2007. – p. 84-103.

Zaika A. Anthropomorphs in Petroglyphic Art of Eurasian Paleolithic// Suyangge and her neighbours. Prehistoric migrations in Eurasia and America. – Krasnoyarsk, 2007. – p. 194-196.

Абдулина Ю. А. Материалы жилища переходного периода от бронзового к железному веку поселения Заостровка-2 на среднем Енисее // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVII Региональной (III-й всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск, 3-4 апреля 2007 года). – Новосибирск: НГПУ, 2007. – С. 44-45.

Абдулина Ю. А., Мандрыка П. В. Новое поселение позднего бронзового века в южной тайге Среднего Енисея // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 5. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. техн. университета, 2007. С. 168-175.

Акимова Е. В. Археология в Красноярском государственном педагогическом университете // История науки, образования и культуры в Сибири (материалы 2 Всероссийской научной конференции 23-24.10.07 г.) – Красноярск, 2007 – С. 319-326.

Акимова Е. В., Стасюк И. В. Итоги изучения палеолита Дербинского залива в 1998-2007 гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. – Т.ХIII - С. 8-11.

Акимова Е. В., Стасюк И. В., Кукса Е. Н. Работы Дербинского археологического отряда // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. – Т.ХIII - С. 12-16.

Бабельюк Ю. Н., Козлов А. А. Итоги изучения красноярского варианта тагарской культуры // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVII Региональной (III-й всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск, 3-4 апреля 2007 года). – Новосибирск: НГПУ, 2007. – С. 91-92.

Баташев М. С., Мартынович Н. В. История формирования коллекции стеклянных негативов по этнографии коренных народов Средней Сибири Красноярского краевого краеведческого музея// Енисейская провинция. Альманах. Вып. 3. Красноярск. - 2007. С. 95-103.

Баташев М. С., Мартынович Н. В. От «Архивы под угрозой» до «Спасенный архив». Международные этно-информационные проекты в Красноярском краевом му-

зее// Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск. – 2007. – С.26-30.

Быкова М. В. Вариант реконструкции таштыкской сложной женской прически // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVII Региональной (III-й всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск, 3-4 апреля 2007 года). – Новосибирск: НГПУ, 2007. – С. 97-99.

Васильев С. К., Мартынович Н. В. Палеотериологические сборы в Тараданово в 2007 году и новые находки остатков зоргелии *Soergelia sp.*// Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2007. Новосибирск. Изд. ИАЭТ СО РАН. Т. XIII/ С.23-29.

Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н. П. Ауэрбах Н.К. – исследователь истории освоения Енисейского Севера // Русские первоходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв.: Историко-археологические исследования. Владивосток: Дальнаука, 2007. – т.5,ч.2. – 290-296 (448с.)

Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н. П. Исследователь истории освоения Енисейского Севера: Ауэрбах Н.К. // Енисейская провинция. Вып.3. – Красноярск, 2007. – С.71-75.

Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н.П. "Н.А." - корреспондент газеты "Свободная Сибирь" в 1918-1919 гг. // Мартыновские

Вдовин А. С., Мясников А. В. Еленев А.С. // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: В 4 т. Т 2: А-З. - Чита, 2007.

Вдовин А.С. К вопросу о формировании археологических коллекций музеев Енисейской губернии // Мартыновские краеведческие чтения (2005-2006 гг.). Сборник докладов и сообщений. Вып. IV. – Минусинск, 2007 - С. 150-152.

Горюнова О. И., Оводов Н. Д., Новиков А. Г. Анализ фаунистических материалов с многослойного поселения Тышкинэ III (оз. Байкал) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнология, геоэкология, этнология и антропология. Том I. Иркутск. 2007. - С. 168-174.

Данилайко В. А. Новые данные об образе шэвэки в традиционном мировоззрении эвенков (по материалам ККМ) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVII Региональной (III-й всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск, 3-4 апреля 2007 года). – Новосибирск: НГПУ, 2007. – С. 336-337.

Дроздов Н. И., Артемьев Е. В. Палеолит Афонтовой горы: последние данные - новые вопросы // Археология и антропология Северной Евразии. – №1 – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – С. 39-45 (0,8 п.л.)

Дроздов Н. И., Артемьев Е. В., Акимова Е. В., Макулов В. И., Чеха В. П., Стасюк И.В., Заика А.Л., Готлиб А.И. Путеводитель XII Международного симпозиума «Суанге и ее соседи в древности». Древнейшие миграции в Евразии и Америке – Красноярск, Изд-во КГПУ, 2007. – 68 с.

Дроздов Н.И., Артемьев Е. В., Заика А.Л., Макулов В.И., Чеха В.П. Росписи Хойт-Ценхерийн-Агуй // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Мат-лы VIII Международ. конф. (19-23 сент. 2007 г. Горно-Алтайск). – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – Т. 1. – С. 32-38.

Дроздов Н. И., Артемьев Е. В., Макулов В. И. Новые данные по каменному веку Канской лесостепи // Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология – Иркутск – Т. 1 – 2007. – С. 202-207.

Дроздов Н. И., Артемьев Е. В., Макулов В.И., Чеха В.П., Дроздов Д.Н. Куртакский геоархеологический район - выдающийся естественно-археологический объект в Средней Сибири / Российская археология, - №4 – 2007 – С. 32-41.

Дроздов Н. И., Макулов В. И., Чеха В. П., Артемьев Е. В. Геология и палеолит Южной Тывы // Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология – Иркутск – Т. 1 – 2007. - С. 208-214

Дроздов Н. И., Чеха В. П., Артемьев Е. В., Хазарти П. Археология и четвертичные отложения Куртакского геоархеологического района - Красноярск, Изд-во КГПУ, 2007. – 136 с.

Жарников З. Ю. Типология керамики селища Шилка-12 на Енисее // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVII Региональной (III-й всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск, 3-4 апреля 2007 года). – Новосибирск: НГПУ, 2007. – С. 106-108.

Заика А. Л. Антропоморфная каменная скульптурка с Нижней Ангары // Nota Bene: Сборник научных трудов / Под ред. О.А. Митько. Новосиб. Гос. ун-т. Новосибирск, 2007. Вып. 1. Случайная находка. – С. 122.

Заика А. Л. Медаль «Небесного всадника» // Енисейская провинция. Альманах. Выпуск 3; КГПУ. – Красноярск, 2007. – С. 39-42.

Заика А. Л. Петроглифы из-под руин. Шалаболинская писаница // Енисейская провинция. Альманах. Выпуск 3; КГПУ. – Красноярск, 2007. – С. 24-38.

Заика А. Л. Шалаболинская писаница / Дроздов Н.И., Артемьев Е.В., Акимова Е.В., Макулов В.И., Чеха В.П., Стасюк И.В., Заика А.Л., Готлиб А.И. Древнейшие миграции в Евразии и Америке. Путеводитель XII международного симпозиума «Суанге и ее соседи в древности». – Красноярск: РИО КГПУ им В.П. Астафьева, 2007. – С. 60-64.

Заика А. Л. Искусство древних на берегах Енисея // Тобольск и вся Сибирь - Тобольск – 2007. - С. 127-142.

Заика А. Л., Краснолуцкий С. А., Дроздов Н. И., Березовский А. П. О северной границе распространения окуневских изваяний // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т.ХIII - С. 240-243.

Князева Е. В. Приемы обработки кости в мезолите Среднего Енисея (на примере седьмого культурного слоя комплекса Усть-Шилка-2) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVII Региональной (III-й всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск, 3-4 апреля 2007 года). – Новосибирск: НГПУ, 2007. – С. 21-23.

Кузьминых С. В., Вдовин А. С. К истории археологической коллекции И.П. Товстостина // Енисейская провинция. Вып.3. – Красноярск, 2007. – С.88-91.

Макаров Н. П. История и культура народов Севера Приенисейского края: Учебное пособие / Н. П. Макаров, М. С. Баташев. Красноярск: ООО ИПЦ «КаСС», 2007. – 240 с.

Макаров Н. П. История и культура народов Приенисейского края: Учебное пособие / Н.П.Макаров, М.С. Баташев. Красноярск: Сибирский федеральный университет, Политехнический институт, 2007. – 246 с.

Макаров Н. П., Баташев М. С., Грачев И.А., Паульс Е.Д., Тарасов А.Ю., Фокин С. М. Исследования стоянки Мостовое // Этноистория и археология Северной

Азии: теория, методология и практика исследования: Сборник научных трудов / под ред. А.В.Харинского. – Иркутск: Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. – С. 77-80

Мандрыка П. В. Каменский тип керамики в южной тайге Средней Сибири // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования: Сб. науч. тр. / под ред. А.В.Харинского. – Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИРГТУ, 2007. – С. 80 – 85.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Развитие фортификационных сооружений в южно-таежной зоне Средней Сибири и в Красноярской лесостепи в раннем железном веке и средневековье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3. Археология и этнография. С. 205-211.

Матвеев В.Е. Антропоморфные личины в древнем и современном искусстве // Археология и этнография. Материалы XLV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» - Новосибирск, 2007 – С. 27-31.

Махлаева Ю. М. Адаптация палеолитического производства к локальным особенностям литоресурсов (на примере финальнопалеолитических местонахождений Дербинского археологического района) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий – Новосибирск, Изд-во НГПУ. – 2007. – С. 30-31.

Наскальное искусство Среднего Енисея / Аннинский Е.С., Заика А.Л., Ампилогов Б.А. Барапов М.В., Злотя Ю.В., Коган К.А., Пургин В.А. – Железногорск, Изд-во «Платина». - 2007. – 224 с.

Оводов Н. Д. Кошки Алтая в прошлом // Териофауна России и сопредельных территорий (VIII съезд Териологического общества). М. 2007. - С. 342.

Оводов Н. Д. Красные волки (Cuon, Mammalia) Алтая и Восточных Саян // Млекопитающие горных территорий. Материалы международной конференции 13-18 августа 2007 г. М. 2007. С. 224-229. Полный обзор и описание известных местонахождений остатков красных волков по югу Сибири. Дано описание нового вида красного волка Cuon gebleri.

Оводов Н. Д. Красный волк Геблера (Cuon gebleri N.Ov. sp. n.) // Териофауна России и сопредельных территорий (VIII съезд Териологического общества). М. 2007. - С. 341.

Оводов Н. Д. Новая антилопа на Среднем Енисее // Териофауна России и сопредельных территорий (VIII съезд Териологического общества). М. 2007. - С.340.

Оводов Н. Д. Обыкновенный плахиат (комментарий на статью С.Н.Орловского о Н.К. Ауэрбахе) // Карстовый бюллетень, № 4. Красноярск. Издательская группа «Мория». 2007. С. 37-38.

Оводов Н. Д. Пещера Лисья (Торгашинский хребет). Сборы 2007 года // Карстовый бюллетень, № 4. Красноярск. Издательская группа «Мория». 2007. С. 25-26.

Оводов Н. Д. Пещеры глазами натуралиста // Карстовый бюллетень, № 2. 2007. Красноярск. Изд. Мория. - С. 25-33.

Оводов Н. Д. По Бирюсинским пещерам (из дневника 40-летней давности) // Карстовый бюллетень, № 4. Красноярск. Издательская группа «Мория». 2007. С. 28-36.

Оводов Н. Д. Торгашинский хребет. Шахта Водораздельная. 2007 год // Карстовый бюллетень, № 3. Красноярск. Издательская группа «Мория». 2007. С. 26.

Оводов Н. Д., Васильев С. К., Мартынович Н. В., Гуляев А.А. Фауна палеолитической стоянки Лиственка на Среднем Енисее (предварительное сообщение)// Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2007. Новосибирск. Изд. ИАЭТ СО РАН. Т. XIII. С.141-145.

Оводов Н.Д., Кузьмин Я.В. Были ли у неандертальцев собаки? // Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов. Материалы региональной научно-методической конференции. 2007. Иркутск. С. 148-157.

Оводов Н.Д., Кузьмин Я.В. Новые радиоуглеродные данные по Разбойничьей пещере (Алтай) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Изд. Иркутского Гос. Тех. Университета. 2007. - С. 346-347.

Оводов Н.Д., Тарасов А.Ю. Гигантская пантера с берегов Енисея // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Изд. Иркутского Гос. Тех. Университета. 2007. - С. 348-351.

Сазонова О.М. История исследования Шалаболинского археологического района. // Археология, этнология, палеоэкология северной Евразии и сопредельных территорий: Мат-лы. XLVII Региональной (III Всероссийской с международным участием археолога – этнографической конференции.) Новосибирск 2007г. С. 219 – 221.

Сенотрусова П.О. Хозяйственный уклад населения городища Шилка-2 // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVII Региональной (III-й всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск, 3-4 апреля 2007 года). – Новосибирск: НГПУ, 2007. – С. 123-125

Техтереков А.С. Скальные захоронения на Шалаболинской писанице // Археология и этнография. Материалы XLV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» - Новосибирск, 2007 – С. 66-69.

Фокин С.М. Культурно-исторические процессы в раннем и развитом средневековье Красноярской лесостепи: Автограф. дис. канд. ист. наук. Кемерово, 2007.

Хабибулин Р.Р. Относительная хронология петроглифов Шалаболинской писаницы (результаты анализа новых композиций) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий – Новосибирск, Изд-во НГПУ. – 2007. – С. 226-228.

Хоменко Д.Ю. Позднепалеолитическое местонахождение Покровка II в Дербинском заливе Красноярского водохранилища (подъемный комплекс артефактов) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий – Новосибирск, Изд-во НГПУ. – 2007. – С. 41-43.

2008

Artemyev E. V., Drozdov N. I. The Problems of Studying Late Paleolith of Middle Siberia at Present-Day Stage (on issue talking) // The 13th International Symposium for Commemoration of the 25th Anniversary of Suyanggae Excavation : SUYANGGAE and Her Neighbours - 2008 - pp. 121-140 (1 п.л.).

Drozdov N.I., Artemyev E. V. The Main Problems of Initial Settlement of Middle Siberia: the Contemporary Condition of the Problem // The 13th International Symposium for Commemoration of the 25th Anniversary of Suyanggae Excavation : SUYANGGAE and Her Neighbours - 2008 - pp. 107-120 (1 п.л.)

Korobkova G. F., Mandryka P. V., Volkov P. V. Stone and ceramic tools from Ust-Shilka-2 hill-fort of early Iron period // Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences. 2008 (1). – p. 70–76. (Г.Ф.Коробкова, П.В.Мандрыка, П.В.Волков Каменные и керамические орудия городища эпохи раннего железа Усть-Шилка-2 // Журнал СФУ. 2008 (1). С. 70-76.)

Mandryka P. V. Early Iron Age Archaeology in Middle Siberia: The Relations Between Inhabitants of the Taiga and the Steppe // Journal of Siberian Federal University. Hu-

manities & social sciences. 2008 (2). – p. 261-269. (Мандрыка П.В. Степь и тайга: проблема взаимоотношений племен раннего железного века (по материалам Енисейского Приангарья) // Журнал СФУ. Красноярск, 2008 (2). – с. 261-269)

Ovodov N. From Lepus tanaiticus Gur. tu Lepus timidus L., the solution of that evolutionary passage // 3-rd World Lagomorph Conference, November 10-13. Morella, Mich. – Mexico. 2008. p.72.

Volkov P. V., Knyazeva E. V., Mandryka P. V. Methods of making and using tools in Mesolithic Age on territory of Middle Yenisey // Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences. 2008 (3). – p. 435 – 440. (П. В. Волков, Е. В. Князева, П. В. Мандрыка. Приемы изготовления и использования орудий 7 слоя стоянки Усть-Шилка 2. Журнал СФУ. Красноярск, 2008 (3). – С. 435 – 440.)

Акимова Е. В. Раннесартанская индустрия мелких пластин в финале позднего палеолита Среднего Енисея: к проблеме формирования археологических рефугиумов // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Т.1. Археология. Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырьё и приёмы обработки. Санкт-Петербург, "Наука" 2008. – С. 37-47.

Акимова Е. В. Стоянка Переселенческий пункт (Перевозинская) в Красноярске: история исследования // Древности Приенисейской Сибири, - Вып. 6. - Красноярск. - 2008. - С. 223-231

Акимова Е. В., Стасюк И. В., Кукса Е. Н., Мотузко А. Н. Новое местонахождение Саженцы в зоне Красноярского водохранилища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. – Т.XIX – С. 10-14.

Баташев М. С. Изображения семейно-родовых святынь у кетов (предварительные результаты полевых исследований КККМ в 1998-2004 гг.) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Материалы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. - С. 264-269.

Вдовин А. С. Духовенство и сибирская археология // Материалы Международной научно-практической конференции "Открытие и изучение орхено-енисейской письменности" (к 115-летию дешифровки орхено-енисейской письменности). 23-24 октября 2008 г. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008. С. 163-169. (240 с.)

Вдовин А. С. Из истории археологии в г. Красноярске // Мартьяновские краеведческие чтения. Вып. V. 300 лет в составе России: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию вхождения территории Юга Сибири в состав России. Минусинск, 12-14 декабря 2007 г. / И.Н. Ценюга (отв. ред); ред. кол.; КГПУ им. В.П.Астафьева; Минусинский региональный музей им. Н.М. Мартьянова.– Красноярск, 2008. – С. 35-45. (312 с.).

Вдовин А. С. Поездка В.А. Городцова в Сибирь (1924 г.) // Труды II Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.III. – М.; ИА РАН, 2008. – С.197-199.

Вдовин А. С., Кузьминых С. В. Железнодорожное строительство в Сибири и археология // История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора А.А. Спицына. Санкт-Петербург, 26-30 ноября 2008 г./ Отв. ред. Е.Н.Носов, И.Л. Тихонов. – СПб.: Издательский Дом С.-Петербургского государственного университета, 2008. – С. 232-235. (400 с.).

Вдовин А. С., Кузьминых С. В., Серых Д. В. Всероссийские археологические съезды: от Пскова до Новосибирска // Российская археология. 2008. №4. С.170-177.

Вдовин А. С., Кузьминых С. В., Серых Д. В. Из истории организации всесоюзного археологического съезда (1920-е годы) // Из истории отечественной археологии: Сб. науч. трудов. Вып. 1/ Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Изд.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2008. С. 108-124.

Вдовин А. С., Кузьминых С. В., Серых Д. В. От XVI Всероссийского к I Всесоюзному археологическому съезду: несбывшееся надежды // Труды II Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.III. – М.; ИА РАН, 2008. – С.199-201.

Горелова А. К., Бондаренко Т. С., Мартынович Н. В. Каталог орнитологической коллекции Красноярского краевого краеведческого музея. – Красноярск. – 2008. 216 С.

Дроздов Н. И., Артемьев Е. В., Каницкая Н. С., Мельников А. А. Информационно-аналитическая система «Археологические памятники Красноярского края» // Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии – Иркутск, 2008. С. 55-59.

Дроздов Н. И., Артемьев Е. В., Макулов В. И., Чеха В. П. Куртакский геоархеологический район. Некоторые итоги комплексных исследований (к 20-летию со времени открытия) // Труды 2 (18) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. – Т. 1 – С.120-125.

Дроздов Н. И., Заика А. Л., Леонтьев В. П., Макулов В. И. Древнее искусство на памятниках зоны затопления Богучанской ГЭС // Труды 2 (18) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. – Т. 3 – С. 15-20.

Дроздов Н. И., Макулов В. И. Актуальные проблемы сохранения археологического наследия Северного Приангарья в связи с реализацией крупных инвестиционных проектов // Труды 1 (18) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. – Т. 3 – С. 113-116.

Дроздов Н.И., Макулов В.И., Леонтьев В.П., Привалихин В.И., Чеха В.П. История исследований археологических памятников Кежемского района Красноярского края // Страницы Земли Кежемской. - Новосибирск, 2007. - С.19-42.

Дроздов Н. И., Макулов В. И., Чеха В. П. Геолого-геоморфологические и археологические исследования на территории Южной Тувы // Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии. – Ч.1. — Кызыл-Красноярск, 2008. – С.130–149 (0,5 п.л.).

Дроздов Н. И., Чеха В. П., Макулов В. И. Стратиграфия четвертичных отложений, палеогеография и археология Куртакского геоархеологического района // Мартыновские краеведческие чтения. – Вып. 5. – 300 лет в составе России. Красноярск, 2008. – С. 5-12 (0,4 п.л.).

Заика А. Л. Водная среда в петроглифах Северной Азии (на корейском языке) // Религии и обряды народов мира в наскальном искусстве. – Кён-джу, 2008. – С.

Заика А. Л. О методике зимних исследований петроглифов // Труды 2 (18) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. – Т. 3 – С. 24-28.

Заика А. Л. Петроглифы Сибири и Бангу-Дэ (на корейском языке) // Петроглифы в контексте развития национальной культуры и международного туризма. – Ульсан, 2008. – С.

Заика А. Л. «Неолитическая революция» в наскальном искусстве Северной Азии на примере антропоморфных образов // Homo Eurasicus в глубинах истории: Сб. науч. Трудов. – СПб.: Астерион, 2008. – С. 175-190.

Заика А. Л., Березовский А. П., Матвеев В. Е., Техтереков А. С. Результаты исследований Шалаболинской писаницы в 2007 г. // Мартыновские краеведческие чтения. Вып. V. – Красноярск: РИО КГПУ, 2008. – С. 46-51.

Заика А. Л., Гущин Е. В. «Лешкин камень» - новая писаница на Енисее // Мартыновские краеведческие чтения. Вып. V. – Красноярск: РИО КГПУ, 2008. – С. 52-54.

Заика А. Л., Дроздов Н. И. Новые петроглифы Шалаболинской писаницы // Труды 1 (18) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. – Т. 3 – С.28-30.

Заика А. Л., Коваленко Г. Д., Журавков С. П., Березовский А. П. Знаковая символика в петроглифах на оз. Шира // Мартыновские краеведческие чтения. Вып. V. – Красноярск: РИО КГПУ, 2008. – С. 54-58.

Заика А. Л., Кузнецов А. Л. Зимняя археология. Полевые исследования петроглифов: метод. пособие. – Красноярск: РИО КГПУ, 2008. – 76 с.

Заика А. Л., Краснолуцкий С. А., Рыбаков Н. И., Березовский А. П. Новые данные об окуневских изваяниях севера Минусинской котловины // Мартыновские краеведческие чтения. Вып. V. – Красноярск: РИО КГПУ, 2008. – С. 58-63.

Ишутина П. В., Катарбаева В. В. Проблемы сохранения памятников археологии при строительстве крупных объектов недвижимости в г. Красноярске // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкции. Материалы XLVIII Региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока. Барнаул: Изд-во АГУ, 2008. –

Ишутина П. В., Соломатова Е. А. Правовая охрана памятников археологии на примере г.Красноярска // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкции. Материалы XLVIII Региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока. Барнаул: Изд-во АГУ, 2008. - С. 49-50.

Князева Е. В. Реконструкция жизнеобеспечения людей в раннем голоцене (на примере 7 культурного слоя комплекса Усть-Шилка 2) // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкции. Материалы XLVIII Региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока. Барнаул: Изд-во АГУ, 2008. - С. 83-84.

Князева Е. В. Реконструкция палеоэкологии человека на примере мезолитических слоев Усть-Шилка 2 на Среднем Енисее // Культуры и народы северной Евразии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. - С. 118-121.

Красноярск: пять веков истории. Учеб. пособие по краеведению. Ч. III. / Дроздов Н.И., Быкonia Г.Ф., Федорова В.И., Ценюга И.Н., Заика А.Л., Лысенко Ю.Ф., Миханев А.П., Паршенок В.Г. – Красноярск: ООО «ИПК «Платина», 2008. – 448 с.

Лаухин С. А., Дроздов Н. И. Докловисское заселение западной части Малой Бернинги // Труды 2 (18) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. – Т. 1 – С.62-64.

Ложкина Р. П. Этнография и краеведение. История материальной культуры народов Приенисейского края: учебное пособие / Р.П.Ложкина, Н.П.Макаров. – Красноярск: ИПК СФУ , 2008. – 88 с.

Макаров Н. П. «Караулинский археологический микрорайон на Среднем Енисее. Проблемы хронологии и культурной интерпретации» // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Материалы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, Издательство Аграф-Пресс, 2008. С. 138-140

Макулов В. И., Дроздов Н. И., Привалихин В. И., Леонтьев В. П., Чеха В. П. Археологические памятники долины р. Подкаменная Тунгуска на территории природ-

ного заповедника «Тунгусский» / Труды государственного природного заповедника «Тунгусский» - Вып. 2. - Томск, 2008. – С. 185-206 (0,5 п.л.).

Мандрыка П. В. К вопросу о выделении новой культуры бронзового века в тайге Приенисейской Сибири // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Материалы Западно-Сибирской археолого-географической конференции. - Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. - С. 140 - 145.

Мандрыка П. В. Комплексы раннего железного века Енисейского Приангарья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. - М.: ИА РАН, 2008. - С. 162-164.

Мандрыка П. В. Могильник Усть-Шилка II как индикатор культурно-исторической ситуации раннего железного века Енисейского Приангарья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 7. Вып. 3. Археология и этнография. 2008. С. 117-131.

Мандрыка П. В. Новая археологическая культура раннего железного века в южнотаежной зоне Средней Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 68 – 76.

Мандрыка П. В. Самоделкинский тип керамики финального периода бронзового века на берегах Енисея // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1 (33). – С. 79 - 84.

Мандрыка П. В. Селище Шилка VIII – памятник развитого бронзового века в Енисейском Приангарье // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: сборник научных трудов. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. – с. 198-205.

Мандрыка П. В., Жарников З. Ю. Новое селище в енисейской тайге // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 6. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. - С. 92-100.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Материалы средневекового селища у Пропсихинской шиверы в Нижнем Приангарье (предварительное сообщение) // Окно в неведомый мир: сб. статей к 100-летию со дня рождения А.П.Окладникова. - Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2008. - С. 279-284.

Мартынович Н. В. Определение орнитологических материалов погребения 11 Фофановского могильника//Л.В.Лбова, Е.Д.Жамбалтарова, В.П.Конев. Погребальные комплексы неолита-раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Приложение 4. 2008. С. 243.

Матвеев В. Е., Заика А. Л., Быкова М. В. К вопросу о классификации антропоморфных образов в виде личин Шалаболинской писаницы // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкции / Материалы 28 РАЭСК – Барнаул: Азбука, 2008 – С. 21-22.

Матвеев Е. В., Заика А. Л. Классификация антропоморфных образов в виде личин Шалаболинской писаницы // Мартыновские краеведческие чтения. Вып. V. – Красноярск: РИО КГПУ, 2008. – С. 63-65.

Молодин В. И., Васильев С. К., Оводов Н. Д. Териофауна позднего голоцене Центрального Алтая по материалам ритуального памятника Кучерла-1 (Куйлю) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том XIV. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2008 года. Изд. Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск. 2008. С. 196-201.

Оводов Н. Д. «Пещерная зооархеология» в институте А.П.Окладникова // Окно в неведомый мир. Сборник к 100-летию со дня рождения академика Алексея Павловича Окладникова. Изд. ИАЭТ СО РАН. Новосибирск. 2008. С. 77-81.

Оводов Н.Д. «Пещерная зооархеология» в институте А.П.Окладникова // Homo eurasicus в глубинах и пространствах истории. Посвящается 100-летию со дня рождения академика А.П.Окладникова. Сборник научных трудов международной конференции. Изд-во Астерион. С-Пб. 2008. С. 287-294

Оводов Н.Д. Древнейшая на сегодняшний день собака // Живые объекты в условиях антропогенного пресса. Материалы X Международной научно-практической экологической конференции. 15-18 сентября 2008 г. Белгород. 2008. С. 153-154.

Оводов Н.Д. Млекопитающие пещеры Кашкулак (Хакасия) // Карстовый бюллетень. № 1 (5). Красноярск. Издательская группа «Мория». 2008. С. 6-14.

Оводов Н.Д., Заика А.Л. Череп пещерного льва из южной части Средней Сибири // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. 2008. Екатеринбург – Челябинск. С. 158-164.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. «Ископаемые» кошки на Алтае // Известия Горно-Алтайского отдела Русского Географического общества. Вып. 1. Горно-Алтайск. 2008. С.111-117.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Дикие кошки (Mammalia, Felidae) Алтая в плеистоцене и голоцене // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. 2008. Екатеринбург – Челябинск. С. 165-171.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Заяц-толай (Lepus capensis L.) – индикатор аридности Алтая-Саянской горной области // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. 2008. Екатеринбург – Челябинск. С. 172-181.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Заяц-толай (Lepus capensis L.) и его позднеантропогеновая история у северной границы азиатского ареала // Геобиосферные события и история органического мира. LIV сессия Палеонтологического общества. Санкт-Петербург. 2008. С. 121-123.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Пещера Еркина (Алтай) – палеоэкологически проблемный объект // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. 2008. Екатеринбург – Челябинск. С. 182-185.

Сазонова О.М. Р.В. Николаев – исследователь Шалаболинской писаницы. // VII Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск 2008 г. С. 71 – 72.

Сенотрусова П.О. История изучения укрепленных поселений на территории лесостепных и таежных районов Приенисейской Сибири // Культуры и народы северной Евразии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. - С. 192-196.

Сенотрусова П.О. Каменные орудия городища Шилка II // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкции. Материалы XLVIII Региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока. Барнаул: Изд-во АГУ. - С. 49-50.

Стасюк И.В., Акимова Е.В. Ранние комплексы позднего палеолита Дербинского археологического района (средняя Сибирь, Красноярское водохранилище) // Труды 2 (18) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. – Т. 1 – С. 161 - 166.

Фокин С.М. К вопросу о распространении средневековой валиковой керамики в Приенисейской Сибири // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск, 2008. с.210-214.

Харевич В.М., Стасюк И.В. Техника первичного расщепления позднепалеолитического местонахождения усть-Малтат 2 (Средний Енисей) / Вестник НГУ – Т. 7. – Вып. 3 – 2008 – С. 84-95.

Хоменко Д. Ю. Бифасы Дербинского археологического района: новые данные // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкции / Материалы 28 РАЭСК – Барнаул: Азбука, 2008 – С. 70.

Чеха В. П. Поисковая геоморфология в Средней Сибири // География — теория и практика: современные проблемы и перспективы. Всеросс. конф. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, – 2009. – С. 267-270 (0,2 п.л.).

Чеха В. П. Рельеф и древний человек. // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных территорий. Материалы IX Межд. конф., г. Ховд. Т. II. Ховд-Томск, 2009. – С.18-21 (0,3 п.л.).

Чеха В. П. Роль географических исследований в рациональном природопользовании // География и геоэкология Сибири. Вып. 3. – КГПУ – Красноярск, 2009. – С. 142-146 (0,3 п.л.).

Шилова Г. Н., Стасюк И. В., Лаухин С. А., Акимова Е. В. Первые палинологические данные для Дербинского археологического района (юго-запад Восточного Саяна) // Палинология: стратиграфия и геоэкология: сборник трудов 12 Всероссийской палинологической конференции (29 сентября-4 октября 2008 г., г. Санкт-Петербург) – Т.1. – ВНИГРИ – СПб, 2008. – С. 299-304.

2009

Drozdov N. I. Prehistorical Settlement of Middle Siberia // The 14th International Symposium for Commemoration of the 80th Anniversary of the Discovery of the First Skull of Peking Man 19-23 October, 2009: SUYANGGAE and Her Neighbours – 2009 – pp. 22..

Makarov N. P., Vdovin A. S., Detlova Je. W. About the History of Krasnoyarsk Archaeologists' International Relations / Журнал Сибирского федерального университета (серия «Гуманитарные науки»), вып.2 – Красноярск, РИО СФУ, 2009. – С. 336 - 348

Mandryka P. V., Senotrusova P. O. Pakul Fort and Problem of Distinguishing of Ladeyskaya Culture // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 3 (2009 2) 349-360. (Мандрыка П.В. Сенотрусова П.О. Городище Пакуль и проблема выделения ладейской культуры // Журнал СФУ. Красноярск, 2009 (2). – с. 349-360)

P. Haesaerts, I. Borziac, V.P Chekha, V. Chirica, F. Damblon, N. I. Drozdov, L. A. Orlova, S. Pirson, J. Van der Plicht. Climatic signature and radiocarbon chronologu of Middle and late pleniglacial loess from Eurasia: comparison with the marine and greenland records // Rdiocarbon, vol 51, Nr.1, 2009, p. 00. (1,5 п.л.)

Абдулина Ю. А. Керамика поселения Заостровка-2 по материалам раскопок 2007 года // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). Материалы XLIX Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Кемерово, Кузбассвузиздат, 2009. – 216 с. С. 91-92

Акимова Е. В. История археологических исследований Красноярского государственного педагогического университета (1974-2008 гг.) // Вузовская научная археология и этнография Северной Азии. Иркутская школа 1918-1937. – Иркутск, Изд-во ИГУ, 2009 – С. 118-128.

Акимова Е. В., Мотузко А. Н., Колямкин В. М., Чеха В. П. Новая позднепалеолитическая стоянка Серебряковка (Средний Енисей) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. – Т.XV, часть I – С. 11-17.

Акимова Е. В., Стасюк И. В. Изучение позднего палеолита Дербинского залива (Красноярское водохранилище, Сибирь) // Четвертичная геология, георфомология, геоэкология Беларуси и сопредельных территорий. Материалы Междунар. научн. семина-

ра, посвящ. 80-летию со дня рождения Л.Н. Вознячука, Минск (25-26 сентября 2009 г.) / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка: ред. А.Ф. Санько. – Минск: Право и экономика, 2009. – С. 16-21.

Акимова Е. В., Стасюк И. В., Кукса Е. Н., Мотузко А. Н. Позднепалеолитическая стоянка Саженцы в зоне Красноярского водохранилища // Вузовская научная археология и этнография Северной Азии. Иркутская школа 1918-1937. – Иркутск, Изд-во ИГУ, 2009 – С. 175-181.

Акимова Е. В., Стасюк И. В., Махлаева Ю. М. Работы Дербинского отряда / Археологические открытия 2006 года. – М. 2009. – С. 511-515.

Баташев М. С. Этнографические погребения тунгусов северо-запада Эвенкии.// Енисейская провинция. Альманах. Вып. 4. Красноярск, 2009, С. 223-237.

Бахтин С. А., Заика А. Л., Сазонова О. М. Опыт проведения первой Красноярской археолога – этнографической полевой школы // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: Мат-лы V Всеросс. Науч. Конф. – Красноярск: РИО КГПУ, 2009. – С. 28-31.

Беликова О. Б., Вдовин А. С. «Завещание» А.В. Адрианова от 10 декабря 1919 г. о материалах его последней экспедиции (Тува, 1915–1916 гг.) // Вестник ТГУ. 2009. № 324 (июль 2009). С. 163-168.

Болотов В. П., Заика А. Л., Конюхов Ф. Ф. Загадки истории: транспортные артерии великих миграций человечества (по итогам экспедиции «Великий шелковый путь – 2009») // Проблемы транспорта Дальнего Востока: пленарные доклады восьмой международной научно-практической конференции. – Владивосток: изд-во МГУ им. адм. Г.И. Невельского, 2009. – С. 113-117.

Быкова М. В., Макаров Н. П. Новые материалы по металлургии Нижней Ангары // Археология и этнография Азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). Ч.II. Материалы XLIX Региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Кемерово. 31 марта-3 апреля 2009 г. – Кемерово, 2009 г. С. 16-17.

Васильев С. К., Оводов Н. Д. Бизоны (Bison priscus Vojanus, 1827) позднего плейстоцена Алтая и юга Средней Сибири // Енисейская провинция. Альманах № 4. Красноярск. 2009. С. 77-90.

Вдовин А. С. К истории создания Института Сибиреведения // История образования и науки: Материалы всероссийских научных конференций с международным участием "История науки и образования" и Значение исторического образования в развитии гражданского и патриотического сознания в современном российском обществе" Вып. 3. Красноярск: КГПУ им. В.П.Астафьева, 2009. С. 167-169 (288 с.).

Вдовин А. С., Кузьминых С. В. «Обещаю Вам от имени Сибири полное содействие»: (письма Б.Э. Петри А.М. Тальгрену) // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918-1937 гг.: Материалы всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. Иркутск, 3-6 мая 2009 г. – Иркутск: Изд-во «Амтера», 2009 . С.22-35.

Вдовин А. С., Кузьминых С. В. Археология и Ачинско-Минусинская дорога // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 65-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 3-5 сентября 2009 г. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2009. 1 том. С.62-64. (186 с.)

Вдовин А. С., Кузьминых С. В. МПС и археология (на материалах Сибири)// Российская археология. 2009. №4. С.24-37.

Вдовин А. С., Макаров Н. П. Еленев А.С. Материалы к биографии. Красноярский период. // Енисейская провинция. №4. Красноярск, 2009. С.341-347.

Демлова Е. В., Макаров Н. П. Красноярск-Иркутск. К истории научных связей Б.Э.Петри и Г.К.Мергарта // Вузовская научная археология и этнология в Северной Азии. Иркутская школа 1918-1937 гг: Материалы всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. Иркутск, 3-6 мая: Изд.-во «Амтера», 2009. – С. 36-45.

Дроздов Н. И., Чеха В. П., Макулов В. И. Палеогеография и палеоэкология эпохи палеолита в бассейне Енисея // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных территорий. Материалы IX Межд. конф., г. Ховд. – Т. II. – Ховд-Томск, 2009. – С. 1-6 (0,3 п.л.).

Заика А. Л. «Скрытые» личины окуневских образов//Енисейская провинция. Альманах. Выпуск 4. – Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2009. – С. 245-249.

Заика А. Л. Антропоморфные личины и «неолитическая революция» в культуре древних народов Северной Азии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. – С. 98-112.

Заика А. Л. Водная среда в мировоззрении неолитического населения Северной Азии (по материалам петроглифов) // The Journal of Korean Petroglyph. – 2009. – Vol. 11-12. – P. 81-123. (на русском и корейском языках).

Заика А. Л. Водная среда в мировоззрении неолитического населения Северной Азии (по материалам петроглифов) // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: Мат-лы V Всеросс. Науч. Конф. – Красноярск: РИО КГПУ, 2009. – С. 92-105.

Заика А. Л. Наскальное искусство Приенисейской Сибири (общая характеристика) // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее. Т.1. – Красноярск: Изд-во КГПУ им. В.П. Астафьева, 2009 – С. 82-88.

Заика А. Л. Не зная прошлого, нельзя попасть в будущее... // Часовенка. Литературный альманах. Вып. № 12. – Красноярск: Российская Петровская Академия науки и искусств, 2009. – С. 71-73.

Заика А. Л. Неолитическое погребение в устье р. Каменки на Нижней Ангаре. // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – Вып. 7. – С. 60-72.

Заика А. Л. Образ человека в наскальном искусстве палеолита Евразии // География, история и геоэкология Сибири: Мат-лы всеросс. Науч. Конф., посвященной 75-летию образования красноярского края. Вып. 4. Т. 2.- Красноярск: РИО КГПУ, 2009. – С. 200-204.

Заика А. Л. Принципы классификации антропоморфных образов (по материалам петроглифов Нижней Ангары) // Homo Eurasicus у врат искусства: Сб. науч. Трудов. – СПб.: Астерион, 2009. – С. 307-325.

Заика А. Л. Болотов В. П., Конюхов Ф. Ф. К вопросу о транстихоокеанских контактах древнего населения Азии и Америки //Енисейская провинция. Альманах. Выпуск 4. – Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2009. – С. 238-244.

Заика А. Л., Коваленко Г. Д. Космическая символика петроглифов на озере Шира //Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. Сборник науч. статей. – Красноярск: изд-во «Город», 2009. – С. 159-165.

Клементьев А. М., Мартынович Н. В. Фаунистические остатки Фофановского могильника. Палеоэкологический аспект. // Енисейская провинция, Альманах 4. 2009. Красноярск. С. 103-107.

Князева Е. В. К вопросу о проблеме мезолита: историографический обзор // Молодежь и наука: начало ХХI века: сб. материалов Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск: МИОЦ ФГОУ ВПО «СФУ», 2009. – Ч. 1. – С. 172-175.

Князева Е. В. К вопросу об изготовлении бусинок из перловицы на стоянке Усть-Шилка 2 // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). Материалы XLIX Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Кемерово, 31 марта – 3 апреля 2009 г. / Л.Н. Ермоленко, О.С. Советова (отв. ред.). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – С. 50-51.

Краснолуцкий С. А., Заика А. Л. Знаковая символика на астрагалах севера Минусинской котловины// Енисейская провинция. Альманах. Выпуск 4. – Красноярск: Красноярский краеведческий музей, 2009. – С. 263-279.

Макаров Н. П. Древности Советского района // Район. Опережающий время: книга о делах и людях Советского района. – Красноярск, 2009. – С. 8-11

Макаров Н. П., Вдовин А. С., Детлова Е. В. К истории международных связей красноярских археологов // «Журнал СФУ». Серия «Гуманитарные науки». Август 2009 (том 2, номер 3). С. 336-348.

Макаров Н. П., Мартынович Н. В., Оводов Н. Д. Пещера Еленева – многослойный голоценовый памятник на Среднем Енисее. Краткие итоги изучения // Пещеры: охрана, история, современное состояние и перспективы научных исследований в пещерах на территории бывшего СССР. 2009. Красноярск. С. 81-105.

Мандрыка П. В. Взаимовлияния народов раннего железного века тайги и тундры Приенисейской Сибири // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской конференции, г. Тюмень, 24-26 марта 2009 г. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. – Вып. 1. – С. 84-87.

Мандрыка П. В. К вопросу о культурных связях племен раннего скифского времени Енисейского Приангарья // Енисейская провинция. Альманах. – Красноярск: Красноярский краеведческий музей, 2009. – Вып. 4. – С. 277-286.

Мандрыка П. В. Новое свидетельство скифо-сибирского звериного стиля на Ангаре // «Homo Eurasicus» у врат искусства: Сборник научных трудов / Отв.ред. Е. А. Окладникова. – С-Пб.: Астерион, 2009. – С. 336-341.

Мандрыка П. В. Полевая археологическая практика студентов и аспирантов по изучению древностей енисейско-ангарской тайги // Полевые практики в системе высшего профессионального образования: Материалы III Международной конференции / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2009. – С. 43-46.

Мандрыка П. В. Проблема взаимовлияния степных, лесостепных и таежных народов енисейской долины эпохи металла в сибирской археологии 1920-1930-х годов // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918-1837 гг.: Материалы всероссийского семинара, посвящённого 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри, Иркутск, 3-6 мая 2009 г. – Иркутск: Изд-во «Амтера», 2009. – С. 145-147.

Мандрыка П. В., Абдулина Ю. А., Быкова М. В. Археологические исследования Сибирского федерального университета // Археологические открытия 2006 года. М.: Наука, 2009. С. 609-612.

Мандрыка П. В., Князева Е. В., Сенотрусова П. О. Использование речных галек древним населением Красноярской лесостепи (по материалам городища Пакуль) //

Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й всероссийской конференции (Иркутск, 29 марта – 1 апреля, 2009 г.). – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009.- С. 192-196.

Мартынович Н. В. Новый подвид ископаемой сороки *Pica pica tugarinovi* *ssp. nov* из позднего плейстоцена на Среднем Енисее//Енисейская провинция, Альманах 4. 2009. Красноярск. С. 119-126.

Матвеев В. Е., Заика А. Л. Из опыта классификации антропоморфных образов Шалаболинской писаницы//Енисейская провинция. Альманах. Выпуск 4. – Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2009. – С. 287-289.

Новоселов М. Ю. Из истории изучения рыболовства каменного века в Приенисейской Сибири (по археологическим данным) // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). Материалы XLIX Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Кемерово, 31 марта – 3 апреля 2009 г. / Л.Н. Ермоленко, О.С. Советова (отв. ред.). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – С. 21-22.

Оводов Н. Д. Большая позднеплейстоценовая кошка в Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Том XV. Новосибирск. Изд. ИАЭТ СО РАН 2009. С. 182-185.

Оводов Н. Д. В Санкт-Петербургской кунсткамере и в Эрмитаже // Енисейская провинция. Альманах № 4. Красноярск. 2009. С. 37-38.

Оводов Н. Д. Винторогая антилопа с туловищем овцебыка // *Homo eurasicus* у врат искусства. С-Петербург. Изд. «Астерион». 2009. С.75-85.

Оводов Н. Д. Древние звери Хакасии // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. Красноярск. 2009. С. 189-199.

Оводов Н. Д. Забайкальская винторогая антилопа. Научно-литературный парадокс // Енисейская провинция. Альманах № 4. Красноярск. 2009. С. 136-145.

Оводов Н. Д. Итог 50-летних палеофаунистических исследований пещер Сибири // Пещеры: охрана, история, современное состояние и перспективы научных исследований в пещерах на территории бывшего СССР. 2009. Красноярск. С. 54-65.

Оводов Н. Д. Как не стать биологом – охотоведом, учась на охотоведческом факультете // Енисейская провинция. Альманах № 4. Красноярск. 2009. С. 39.

Оводов Н. Д. Млекопитающие пещеры Тютюник (Республика Алтай Усть-Канский район) // Известия Горно-Алтайского отдела Русского Географического отдела. № 2. 2009. С. 178-185.

Оводов Н. Д. О себе // Енисейская провинция. Альманах № 4. Красноярск. 2009. С. 43-48.

Оводов Н. Д. Охота за книгами // Енисейская провинция. Альманах № 4. Красноярск. 2009. С. 34-36.

Оводов Н. Д. Памяти не близкого учителя проф. Н.К.Верещагина // Енисейская провинция. Альманах № 4. Красноярск. 2009. С. 127-128.

Оводов Н. Д. Пещерная гиена (*Crocuta spelaea* Goldf.) Алтае-Саянской горной области // 200 лет отечественной палеонтологии. Материалы Всероссийского совещания. Москва 20-22 октября 2009 г. М. 2009. С. 93.

Оводов Н. Д. Пещерный лев в Сибири и на Дальнем Востоке // Четвертичная геология, геоморфология, геоэкология Беларуси и сопредельных территорий. Минск. «Право и экономика». 2009. С. 83-85.

Оводов Н. Д. Пещеры Енисейской Бирюсы (к вопросу о первом спелеологе) // Известия Горно-Алтайского отдела Русского Географического отдела. № 2. 2009. С.101-106.

Оводов Н. Д. Пещеры Енисейской Бирюсы почти три века назад (к вопросу о первом спелеологе). // Карстовый бюллетень № 1 (9). Красноярск. 2009. Мория. С. 3-8.

Оводов Н. Д. Пещеры енисейской Бирюсы почти три века назад (к вопросу о первом спелеологе) // Енисейская провинция. Альманах № 4. Красноярск. 2009. С. 146-149.

Оводов Н. Д. Соболь (*Martes zibellina* L.) в пещерных тафоценозах Южной Сибири // Енисейская провинция. Альманах № 4. Красноярск. 2009. С. 150-158.

Оводов Н. Д., Горюнова О. И., Новиков А. Г., Вебер А. В. Фаунистические остатки и костяные изделия из погребений бронзового века могильника Курма XI (озеро Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Том XV. Новосибирск. Изд. ИАЭТ СО РАН 2009. С. 366-371.

Оводов Н. Д., Мартынович Н. В. Айдашинская пещера – неоконченная легенда древности // Енисейская провинция. Альманах № 4. Красноярск. 2009. С. 159-162.

Оводов Н. Д., Мартынович Н. В. Красные волки (genus *Canis*, *Mammalia*) Алтая и Восточных Саян. Сообщение II // Животный мир горных стран. М. 2009. С. 389-393.

Оводов Н. Д., Мартынович Н. В. Найти бы зуб плейстоценового человека в копролите пещерной гиены // Пещеры: охрана, история, современное состояние и перспективы научных исследований в пещерах на территории бывшего СССР. 2009. Красноярск. С. 66-70.

Оводов Н. Д., Тарасов А. Ю. Большая кошка (*Panthera* sp.) и малый пещерный медведь (*Ursus rossicus*) в Сибири // Енисейская провинция. Альманах № 4. - Красноярск. 2009. - С. 129-135.

Оводов Н. Д., Филиппов В. М., Клементьев А. М. Три автографа И.Д.Черского 1875 года // Енисейская провинция. Альманах № 4. Красноярск. 2009. С. 176-182.

Привалихин В.И. Погребения бронзового века стоянки и могильника Сергушкин-3 на Нижней Ангаре (зона затопления Богучанской ГЭС) // Енисейская провинция. Альманах № 4. История. Спелеология. Археология. Этнография. - Красноярск, 2009. - С.300-310.

Привалихин В. И., Фокин С. М. Железные ножи с кольцевым навершием Северного Приангарья, Среднего Енисея и Эвенкии // Енисейская провинция. Альманах. Красноярск, 2009. Вып.№4. С.311 – 328.

Сазонова О. М. Александр Петрович Ермолаев – исследователь петроглифов озера Шира. // Материалы XLVII международной студенческой конференции. Новосибирск, Новосибирский государственный университет 2009 г. С. 53 – 55.

Сазонова О. М. Изучение Шалаболинских петроглифов (дореволюционный этап). // Историко – культурное наследие: изучение, сохранение и интерпретация. Новосибирск, НГУ, 2009 г. С. 274 – 284.

Сазонова О. М. Р.В. Николаев – исследователь петроглифов. // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). Мат – лы XLIX Региональной археолого – этнографической студенческой конференции. Кемерово, Кузбассвузиздат 2009 г. С. 225 – 226.

Сенотрусова П. О. Некоторые вопросы средневековой археологии таежных районов Красноярского края // Молодежь и наука: начало XXI века: сб. материалов Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск: МИОЦ ФГОУ ВПО «СФУ», 2009. – Ч. 1. – С. 177-179.

Сенотрусова П. О. Результаты археологических разведок в нижнем течении р.Ангары // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). Материалы XLIX Региональной археолого-этнографической

студенческой конференции. Кемерово, 31 марта – 3 апреля 2009 г. / Л.Н. Ермоленко, О.С. Советова (отв. ред.). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – С. 25-27.

Студент собирается в экспедицию: методические рекомендации к курсу Археология / Сибирский федеральный университет: Сост. П.В.Мандрыка. – Красноярск, 2009. – 36 с.

Толкаций А. Н. История археологического изучения Канско-Рыбинской котловины // Археология и этнография азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы). Материалы XLIX Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Кемерово, 31 марта – 3 апреля 2009 г. / Л.Н. Ермоленко, О.С. Советова (отв. ред.). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – С. 32-34.

Толкацкий А. Н. К истории изучения средневековых памятников Канского района // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918-1837 гг.: Материалы всероссийского семинара, посвящённого 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри, Иркутск, 3-6 мая 2009 г. – Иркутск: Изд-во «Амтера», 2009. – С. 165-166.

Толкацкий А. Н. Средневековые памятники Канского района // Молодежь и наука: начало XXI века: сб. материалов Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск: МИОЦ ФГОУ ВПО «СФУ», 2009. – Ч. 1. – С. 175-177. 183.

Филиппов А. Г., Оводов Н. Д., Кутузов А. В. Геология, отложения и остеологические остатки Кременштской пещеры в Присаянье // Енисейская провинция. Альманах № 4. Красноярск. 2009. С. 183-192.

Фокин С. М. Предварительные результаты археологического изучения Стрелковского археологического комплекса // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее. Красноярск, 2009. Т.1. с.164 – 168.

Фокин С. М. Средневековые материалы Ладейского и Ермолаевского городищ // Проблемы археологии и истории Северной Евразии. Томск, 2009. С.124 – 130.

Харевич В. М. Орудийный набор позднепалеолитического местонахождения Дербина V (Средний Енисей) // Материалы XLVII Международной научной студенческой конференции "Студент и научно технический прогресс": Археология Евразии / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2009. С. 7-9.

Харевич В. М., Стасюк И. В. Каменная индустрия местонахождения Усть-Малтат 2 (Средний Енисей) // Археология и этнография Азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы): Материалы XLIX РАЭСК. – Кемерово, 2009. - С. 76-78.

Харевич В. М., Стасюк И. В. Сравнительный анализ и периодизация каменных индустрий местонахождений Усть-Малтт 2, Дербина 5 и Дербина 4 // Историко-культурное наследие: изучение, сохранение и интерпретация. Материалы молодежной археологичеакой школы. – Новосибирск – 2009. - С. 124-133.

Хрущева Д. А. Проблемы изучения костяной индустрии верхнепалеолитических памятников Афонтова гора 1, 2, 3 // Археология и этнография Азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы): Материалы XLIX РАЭСК. – Кемерово, 2009. -82-83.

Чеха В. П. Палеогеография мезозоя-кайнозоя и бокситоносность Северо-Сибирской провинции. – Красноярск: Изд-во КГПУ. – 100 с. (10 п.л.)

2010

Akimova E. V Early Sartan small plate industry in the end of Late Paleolith in mid-stream Yenissei // The XII International Symposium «Suanggae and her neighbours. Prehistoric migrations in Eurasia and America». Krasnoyarsk, 2010. P. 177-189/

Akimova E., Higham T., Stasyk I., Buzhilova A., Dobrovolskaya M., Mednikova M.

A new direct radiocarbon AMS date for an upper Palaeolithic human bone from Siberia // DOI: 10.1111/j.1475-4754.2010.00532.x- University of Oxford, 2010, *Archaeometry*, 2010,

Akimova E., Stasyuk I., Harevich V., Motuzko A., Laukhin S., Orlova L. The Late Paleolith study of the Derbina bay (Krasnoyarsk reservoir, Siberia) Quaternary stratigraphy and paleontology of the southern Russia: connections between Europe, Africa and Asia Rostov-on-Don, - 2010. - P. 14-18. (Четвертичная стратиграфия и палеонтология южной России: взаимосвязи между Европой, Африкой и Азией: Материалы международной конференции INQUA-SEQS 2010 Ростов-на-Дону, Россия (21–26 июня 2010 г.). - Ростов-на-Дону, 2010. С. 14-18.)

Hae-

saerts P., Borziac I., Chekha V. P., Chirica V., Damblon F., Drozdov N. I., Orlova L. A., J van der Plicht Climatic signature and radiocarbon chronology of middle and late pleniglacial loeses from Eurasia: comparison with the marine and Greenland records. // Radiokarbon. – Vol 51. – Nr 1. – 2009. – P. 301-318 (0,6 п.л.).

Haesaerts P., Borziac I., Chekha V.P., Chirica V., Drozdov N.I., Koulakovska L., Orlova L. A., J. van der Plicht, F. Damblon Charcoal and wood remains for radiocarbon dating Upper Pleistocene loess sequences in Eastern Europe and Central Siberia // Palaeogeography, Palaeoklimatology, Palaeoecology, 219 – 2010. – P. 106-127 (0,8 п.л.)

Ludovic Orlando, Jessica L. Metcalf, Maria T. Alberdic, Miguel Telles-Antunes, Dominique Bonjean, Marcel Otte, Fabiana Martin, Vera Eisenmann, Marjan Mashkour, Flavia Morello, Jose L. Prado, Rodolfo Salas Gismondi, Bruce J. Shockley, Patrick J. Wrinn, Sergei K. Vasilev, Nikolai D. Ovodov, Michael I. Cherry, Blair Hopwood, Dean Dale, Jeremy J. Austin, Catherine Hanni, Alan Cooper. Revising the recent evolutionary history of equids using ancient DNA // PNAS (Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA). December 22, 2009, vol. 106, no. 51. P. 21754-21759.

Ovodov N. D., Yaroslav V. Kuzmin, and Richard J. Cruz. AMS 14 Dating of «Exotic» Mammals from South Siberian Caves // Current research in the Pleistocene, vol. 27. 2010. P.181-183.

Ovodov N. D., Yaroslav V. Kuzmin, Richard J. Cruz. AMS 14 C Dating of «Exotic» Mammals from South Siberian Caves // Current research in the Pleistocene. Vol. 27. 2010. P. 203-205.

Stasuk I. V., Akimova E. V. «Small Plate Industry» site disposition regularities in Krasnoyarsk Reservoir area // The XII International Symposium «Suangae and her neighbours. Prehistoric migrations in Eurasia and America». Krasnoyarsk, 2010. P. 196–198.

Акимова Е. В. Финальный палеолит залива Малтат (Дербинский археологический район) // Вестник НГУ. Новосибирск, 2010. С. 75–85.

Акимова Е. В., Горельченкова О. А., Кукса Е. Н., Стасюк И. В., Томилова Е. А., Харевич В. М. Результаты полевых исследований стоянки Усть-Кова I, пункт 2 в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т.XVI . С. 479-482.

Акимова Е. В., Горельченкова О. А., Кукса Е. Н., Стасюк И. В., Томилова Е. А., Харевич В. М. Результаты полевых исследований стоянки Усть-Кова I в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т.XVI, С. 474-478.

Акимова Е. В., Хоменко Д. Ю., Стасюк И. В. Технико-типологический анализ бифасов Дербинского залива / Енисейская провинция. Альманах №4 – Красноярск, 2010. – С. 213-222.

Баташев М. С. Коллекция шаманских бубнов, чехлов к ним и колотушек в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 105-107.

Баташев М. С. Первые тунгусы в истории Российского государства // Эвенкия – жемчужина Севера. Издательский дом «Сибирские промыслы», Красноярск, 2010, С. 17-20.

Баташев М. С. Тунгусы на тропе войны // Енисейская провинция. Альманах. Вып. 5. Красноярск, 2010, С. 11-16

Баташев М. С., Вдовин А. С., Макаров Н. П. Археолого-этнографические исследования А.П. Ермолаева // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С.387-390.

Бирюлева К. В., Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В. Средневековая керамика комплекса Проспихинская Шивера-IV // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: Материалы докладов V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, Иркутск, 4-9 апреля 2010 г. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. – С. 301-302.

Бондарев А. А., Оводов Н. Д., Васильев С. К. Проблематичный случай видовой идентификации костных остатков крупного полорогого (Bovidae, Artiodactyla) из позднего плейстоцена юга Западной и Средней Сибири // Териофауна России и сопредельных территорий. Материалы международного совещания 1-4 февраля 2011 г. Москва 2011. С. 72.

Вдовин А. С. «Грешно не охранять старину!». (Сибирское духовенство и археология)/ А.С. Вдовин // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева - Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2010. - № 1. - С. 205-213.

Вдовин А. С. К истории археологического отдела Минусинского музея в 1930-е гг. // Мартыновские краеведческие чтения. (2008-2009 гг.) Вып.VI. Минусинск, 2010. – С.36-38.

Вдовин А. С. К истории реэкспозиции археологического отдела Минусинского музея в 1930-е гг. // III Северный археологический конгресс Тезисы докладов 8-13 ноября 2010. Ханты-Мансийск, - Екатеринбург: Издательский дом "ИздатНаукаСервис", 2010. – С. 310-311.

Вдовин А. С., Данилеко В. А., Ипполитова А. Б. Петр и Константин Островских: гимназические и студенческие годы (первые исследования 1879 – 1896 гг.) // Енисейская провинция. Вып. 5. Красноярск, 2010. С.97-105.

Вдовин А. С., Детлова Е. В., Кузьминых С. В., Макаров Н. П. К истории красноярской археологии: международные связи // Енисейская провинция. Вып. 5. Красноярск, 2010. С.106-119.

Вдовин А. С., Китова Л. Ю. О продаже за границу сибирских археологических и этнографических коллекций в 20-30-е гг. XX в. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева/ Глав. ред. Н. И. Дроздов, доктор ист. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ ; Зам. глав ред. В. Р. Майер,

доктор пед. наук, проф. ;- Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2010. - N 2. С. 171-182.

Вдовин А. С., Кузьминых С.В. Мартынов Н.М. и частные археологические коллекции // Мартыновские краеведческие чтения (2008-2009 гг.) Вып.VI. Минусинск, 2010. – С. 33-36.

Гревцов Ю. А., Лысенко Д. Н., Галухин Л. Л. Спасательные работы Берябинского отряда Богучанской археологической экспедиции в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т.XVI, 2010. – С. 509-514.

Дроздов Н. И., Артемьев Е. В., Макулов В. И., Чеха В. П. Изучение археологических памятников Куртакского археологического района в береговой зоне Красноярского водохранилища // Евразийское культурное пространство. Актуальные проблемы археологии, этнологии и антропологии – Иркутск, - ИГУ, - 2010. - С.66-79.

Заика А. Л. Ансамбль памятников Остров Каменный Кежемский (результаты исследования в 2010 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т.XVI, С. 518-520.

Заика А. Л. О концепции современного музея археологии и этнографии в вузе // История образования и науки в Сибири - Вып. 3. - Красноярск, 2010. – С. 38-43.

Заика А. Л. О музее археологии и этнографии в вузе // Евразийское культурное пространство. Актуальные проблемы археологии, этнологии, антропологии: Мат-лы док. вед. ученых на V(L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, Иркутск, 4-9 апреля 2010 г. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. – С. 203-205.

Заика А. Л. Результаты исследования стоянки Аплинский порог в 2010 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т.XVI, С.515-517.

Заика А. Л. Современный музей археологии и этнографии в рамках вуза (стратегические и тактические аспекты экспозиционно-выставочной деятельности) // Мартыновские краеведческие чтения. Вып. VI. – Минусинск: МРКМ им. Н.М. Мартынова, 2010. – С. 369-372.

Заика А. Л. Шалаболинская писаница (общая характеристика, современное состояние изученности, перспективы музеефикации памятника) // The Journal of Korean Petroglyph. – 2010. – Vol. 13. – P. 65-84. (на русском и корейском языках).

Заика А. Л., Ключников Т. А. Орнитоморфные изображения в наскальном искусстве Нижнего Приангарья (по материалам исследования писаницы Рыбное) // Мартыновские краеведческие чтения. Вып. VI. – Минусинск: МРКМ им. Н.М. Мартынова, 2010. – С. 202-203.

Заика А. Л., Матвеев В. Е., Техтереков А. С., Матвеев Е. Е. Атамановская писаница (предварительное сообщение) // Енисейская провинция. Альманах. Выпуск 5; КГПУ им. В.П. Астафьева. – Красноярск: «Литера-Принт», 2010. – С. 57-61.

Заика А. Л., Болотов В. П., Конюхов Ф. Ф. К вопросу о транстихоокеанских контактах древнего населения Азии и Америки / Енисейская провинция. Альманах №4 – Красноярск, 2010. – С. 238-244

Ишутина П. В. Результаты археологических разведок в Емельяновском районе Красноярского края // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология,

антропология: Материалы докладов V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, Иркутск, 4-9 апреля 2010 г. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. – С. 461-462.

Князева Е. В. Трасологический анализ галечных орудий раннеголоценовых слоев комплекса Усть-Шилка-2 // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: Материалы докладов V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, Иркутск, 4-9 апреля 2010 г. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. – С. 76-78.

Князева Е. В., Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Каменные орудия из средневекового поселенческого слоя комплекса Проспихинская Шивера-IV на Ангаре (по результатам трасологического анализа) // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 183-186.

Кузьминых С. В., Вдовин А. С. В.А. Городцов и Е.А. Гольмшток: (К истории советско-американских связей в области археологии в 1920–30-е годы) // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию В.А. Городцова. Рязань, 20–22 апреля 2010 г. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2010. С.48-55. (188 с.)

Кукса Е. Н. Орнитоморфные изображения Усть-Ковинского комплекса (по материалам работ в 2010 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: матер. итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 530-533.

Леонтьев В. П., Вдовин А. С. Предварительные итоги археологических исследований стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2010. – Т. XVI. С. 534-537.

Леонтьев В. П., Вдовин А. С. Предварительные итоги археологических исследований стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 534-537.

Макаров Н. П. Древности эвенкийской земли // Эвенкия, жемчужина Севера. Издательский Дом «Сибирские промыслы». Красноярск. 2010. С. 16-17.

Макаров Н. П. К вопросу о культурной принадлежности, территории распространения и времени существования бронзовых кельтов красноярско-ангарского типа // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. - С. 196 – 198

Макаров Н. П., Баташев М. С. Новые данные по археологии Енисейского Севера (по материалам экспедиций Красноярского краевого музея) // III Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. 8-13 ноября. 2010. Ханты-Мансийск. Екатеринбург: Издательский Дом «ИздатНаукаСервис». 2010. – С. 328-329.

Макаров Н. П., Быкова М. В., Баташев М. С. Исследования стоянки Толстый Мыс 2 в зоне затопления Богучанской ГЭС // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии Сибири СО РАН 2010 г.: - Новосибирск, Изд-во Ин-та археологии и этнографии Сибири СО РАН 2010.-Т. 16.- С. 546-549

Макаров Н. П., Вдовин А. С. Археология в Красноярском музее // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009) / Отв. ред. И.С.Каменецкий, А.С.Сорокин; сост. М.В.Андреева, С.В.Кузьминых, Т.Н.Мишина. М.: Гриф и К, 2010. 918 с., 78 илл.; - С. 678-683.

Макаров Н. П., Вдовин А. С. В.Г. Карцов (1904-1977) – исследователь древностей Красноярского края Енисейская провинция. Альманах. Вып. 5; КГПУ им. В.П. Астафьева. Красноярск: «Литера-Принт», 2010. С. 138-144

Мандрыка П. В. К вопросу о появлении и распространении скотоводства в южнотаежной зоне Средней Сибири // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 203-205.

Мандрыка П. В. Новые материалы с Подкаменной Тунгуски // Енисейская провинция. Альманах. Вып. 5. – Красноярск: «Литера-Принт», 2010. – С. 25-44.

Мандрыка П. В., Абдулина Ю. А., Князева Е. В., Жарников З. Ю., Макаров Н. П., Сенотрусова П. О., Тарасов А. Ю. Исследования Сибирского федерального университета // Археологические открытия 2007 года. М.: Языки славянской культуры, 2010 – С.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Средневековый могильник Проспихинская Шивера-IV на Ангаре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т. XVI. – 550-554 с.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О., Тишкин А. А. Поясной набор развитого средневековья с территории Нижнего Приангарья // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии: сб. науч. тр. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 32-36.

Мартынович Н. В. Мелкие воробышные (Aves: Passeriformes) позднего неоплейстоцена Приенисейской Сибири//Эволюция жизни на Земле. Материалы IV Международного симпозиума 10 – 12 ноября 2010. Томск. 2010. С. 631 – 634.

Мартынович Н. В. Промысловые птицы русского города Мангазея //III Северный археологический конгресс. 8-13 ноября 2010. Ханты-Мансийск. Тезисы докладов. Екатеринбург-Ханты-Мансийск. 2010. С.270-271.

Мартынович Н. В. Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии в плейстоценовых авиаунах Алтая//Орнитология в Северной Евразии. Материалы XIII Международной орнитологической конференции Северной Евразии. Тезисы докладов. Оренбург, 30 апреля – 6 мая 2010. С.210.

Матвеев В. Е., Заика А. Л. Из опыта классификации антропоморфных образов Шалаболинской писаницы / Енисейская провинция. Альманах №4 – Красноярск, 2010. – С. 287-289.

Новоселов М. Ю. К истории изучения рыболовства на территории Приенисейской Сибири (бронзовый век) // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: Материалы докладов V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, Иркутск, 4-9 апреля 2010 г. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. – С. 160-161.

Оводов Н. Д. Как не стать биологом – охотоведом, учась на охотоведческом факультете // Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 60-летию факультета охотоведения им. В.Н. Скалона 27-30 мая 2010 г. Иркутск. 2010. С. 208.

Оводов Н.Д. Отзыв на автореферат диссертации В.Е.Панасенко «Землеройки (Eulipotyphla: Soricidae) южного Сихотэ-Алиня в позднечетвертичное время», представленной на соискание учёной степени кандидата биологических наук.

Оводов Н.Д. Faунистические остатки из погребений могильника Хужир-Нугэ XIV // А.Г.Новиков, А.В.Вебер, О.И.Горюнова. Погребальные комплексы бронзового века Прибайкалья. Могильник Хужир-Нугэ XIV. Новосибирск. Изд. ИАЭТ СО РАН. 2010. С. 271-276.

Оводов Н.Д., Мартинович Н.В. Крот (Asioscalops altaica Nik.) на Среднем Енисее в первой половине голоцена // Териофауна России и сопредельных территорий. Материалы международного совещания 1-4 февраля 2011 г. Москва 2011. С. 339.

Привалихин В.И. Об одном интересном предмете из коллекции холодного оружия Красноярского краевого краеведческого музея //Научно-фондовая работа в музее (методическое пособие). - Красноярск, 2010. - С.39-42.

Привалихин В.И., Заика А.Л., Макулов В.И. Стоянка Верх-Базаиха – новый памятник эпохи неолита подтаежной зоны Среднего Енисея // Енисейская провинция. Альманах. Выпуск 5; КГПУ им. В.П. Астафьева. – Красноярск: «Литера-Принт», 2010. – С. 17-24.

Сазонова О.М. А.В. Адрианов Исследователь Шалаболинских петроглифов. //Мартыновские краеведческие чтения (2008 – 2009гг.) сб. докладов и сообщений выпуск VI. Г. Минусинск, 2010 г. Минусинский Региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартынова Стр. 187 – 190

Сазонова О.М. Археологические изыскания краеведа В.К. Добрынина //Мартыновские краеведческие чтения (2008 – 2009гг.) сб. докладов и сообщений выпуск VI. Г. Минусинск, 2010 г. Минусинский Региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартынова Стр. 221 – 223.

Сазонова О.М. Вновь открытые петроглифы Шалаболинской писаницы// Мат – лы V (L) Российской (с международным участием) Региональной археолого – этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск, Иркутский государственный Университет, 2010 г. С. 432 – 435.

Сенотрусова П.О. Шумящие привески средневекового населения Нижнего Приангарья (по материалам могильника Проспихинская Шивера-IV) // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: Материалы докладов V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, Иркутск, 4-9 апреля 2010 г. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. – С. 343-345.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В. Использование рога средневековым населением Нижнего Приангарья (по материалам комплекса Проспихинская Шивера-IV) // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 263-264.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В. Наборные пояса средневекового населения Северного Приангарья // III Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. 8-13 ноября 2010. Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: Издательский Дом «ИздатНаука-Сервис», 2010. – 291-292 с.

Титова Ю.А. Некоторые аспекты технологии керамического производства шепилевцев (по материалам поселения Заостровка-2) // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: Материалы докладов V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, Иркутск, 4-9 апреля 2010. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. – 616 с. С. 174-176

Титова Ю. А. Представление носителей шепилевской культуры о принципах отбора исходного сырья для изготовления керамических сосудов (по материалам поселения Заостровка-2) // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: Материалы XV Юбилейной Западносибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Изд-во Томского университета, 2010 – 425 с. С. 78-83.

Толкацкий А. Н. Средневековые предметы в коллекции Канского краеведческого музея // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: Материалы докладов V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, Иркутск, 4-9 апреля 2010 г. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. – С. 494-496.

Филиппов А. Г., Оводов Н. Д., Горюнова О. И., Гребнев И. Е. Остеологические остатки нерпы *Phoca sibirica* в пещерах побережья Байкала // Спелеология, спелеостратегия; развитие и взаимодействие наук. Материалы международной конференции. Набережные Челны. 2010. С. 24-26.

Фокин С. М. К проблеме выделения археологический культур средневековья в Приенисейской Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2010. С. 317 – 318.

Фокин С. М. Результаты разведочных исследований Верхнего Кана // Енисейская провинция. Альманах. Красноярск, 2010. Вып.№5. С.45-56.

Харевич В. М. Начальная стадия верхнего палеолита Среднего Енисея Автореферат дисс.канд. истор. наук. – Новосибирск 2010 – 25 с.

Харевич В. М., Акимова Е. В., Стасюк И. В. Каменная индустрия позднепалеолитического местонахождения Дербина V (Красноярское водохранилище) // Вестник НГУ. Новосибирск, 2010. С. 86–96.

2011

Mandryka P. V., Grenaderova A. V., Titova J.A., Lisyutina E.O. Phytolith Research of Shilka-12 and Zaostrovka-2 Archaeological Settlements on Middle Yenisey // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 8 (2011 4) 1088-1099. (Мандрыка П.В., Гренадерова А.В., Титова Ю.А., Лисютина Е.О. Фитолитные исследования археологических поселений Шилка-12 и Заостровка-2 на Среднем Енисее // Журнал СФУ. Гуманитарные и социальные науки. – № 8. – Красноярск, 2011 (4). – С. 1088-1099.)

Ovodov N. D., Susan J. Crockford, Yaroslav V. Kuzmin, Thomas F. G. Higham, Gregor W. L. Hodgins, Johannes van der Plicht. A 33,000-Year-Old Incipient Dog from the Altai Mountains of Siberia: Evidence of the Earliest Domestication Disrupted by the Last Glacial Maximum // PLoS ONE, July 2011, Volume 6, Issue 7, e22821. P. 1-7.

Sato T., Khenzykhenova F., Simakova A., Martynovich N., Kato H., Suzuki K., Yoshida K., Lipnina E., Medvedev G. Interdisciplinary Investigation of Bol'shoj Naryn site, East Siberia // Dual Symposia: Symposium on the Emergence and Diversity of Modern Human Behavior in Palaeolithic Asia & The 4th Annual Meeting of the Asian Palaeolithic Association 2011, Tokyo. P.116.

Sazonova O. M. Development of methods for the study of petroglyphs of the Middle Yenisei in the 18th - first half of 19th century // Rock art in modern society. On the 290th anniversary of the discovery of Tomskaya Pisanitsa. Book of papers of the International conference. Vol. 2. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011. Occasional publications of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers. Vol. VII. Pp. 165-168.

Smolin A. A.; Mandryka. P. V. The Technique of Virtual Archaeological Reconstructions on the Example of a Medieval Fort in the Yenisei Taiga // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 3 (2011 4) 393-399. (Смолин А. А., Мандрыка П. В. Методика виртуальных реконструкций в археологии на примере средневекового городища в Енисейской тайге // Журнал СФУ. Гуманитарные и социальные науки. – № 3. – Красноярск, 2011 (4). – С. 393-399.)

Акимова Е. В. Поздний палеолит зоны Красноярского водохранилища // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т.1. – СПб–М–Великий Новгород, 2011. – С. 15-16. (0,1,5)

Акимова Е. В. Поздний палеолит Красноярского водохранилища / Вестник НГУ, серия: история, филология, Т. 10, Вып. 7. 2011. – С. 111-118 (1 п.л.).

Акимова Е. В., Стасюк И. В., Горельченкова О. А., Кукса Е. Н., Махлаева Ю. М., Мотузко А. Н., Пазилов Д. С., Томилова Е. А., Харевич В. М. Новые данные по палеолиту Усть-Ковы (работы 2011 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т.XVII. – С. 354-358.

Акимова Е. В., Томилова Е. А., Горельченкова О. А., Кукса Е. Н., Махлаева Ю. М., Стасюк И. В., Харевич В. М. Раскопки многослойного поселения Усть-Кова в 2011 году (неолитические горизонты) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т.XVII. – С. 358-364.

Барков А. В. Нуклеусы мезолитической стоянки Усть-Кова I (по материалам раскопок 2010 г.) // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия. Материалы LI РАЭСК. – Красноярск, 2011. – С. 73-75.

Баташев М. С. К истории комплектования фонда этнографии коренных народов Приенисейского края Красноярского краевого краеведческого музея // Второй век подвижничества. Красноярск, 2011, С. 12-32.

Баташев М. С. Коллекция А.А. Савельева с верховьев р. Кеть в фондах ККМ // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования. Сборник трудов кафедры археологии и этнологии ТГПУ. Вып. 4 / научный редактор Н.В. Лукина. - Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. С. 225-248.

Баташев М. С. Культовая атрибутика ККМ по народам севера Средней Сибири // Древние культуры Монголии и байкальской Сибири: материалы международной научной конференции (Иркутск, 3-7 мая, 2011 г.) / под общ. ред. А.В. Харинского. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 515-520.

Баташев М. С. Этнография в жизни директора Красноярского музея А.Я. Тугаринова // Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается... Сборник научных статей: Красноярский краевой краеведческий музей, Красноярск, 2011, С. 20-34.

Баташев М. С., Данилейко В. А., Сирина А. А. Шаманский чум у сымских и подкаменно-тунгусских эвенков // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Петрозаводск. 4-8 июля 2011 г. / Редколл.: В.А. Тишков и др. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011 г. – С. 255.

Беньковский А. С. Археологические исследования палеолита стоянки Усть-Кова (по материалам 2010 г.) // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия. Матер. LI РАЭСК – Красноярск, 2011. – С. 75-76.

Бондарев А. А., Оводов Н. Д., Васильев С. К. Проблематичный случай видовой идентификации костных остатков крупного полорогого (Bovidae, Artiodactyla) из позд-

него плейстоцена юга Западной и Средней Сибири // Териофауна России и сопредельных территорий. Материалы международного совещания 1-4 февраля 2011 г. Москва. 2011. С. 72. (0,1 п.л.)

Вдовин А. С. «...Для представления на высочайшее воззрение...»: история находки четырех серебряных сосудов // Археологические вести № 17 (2010-2011). СПб.: Изд-во. "Дмитрий Буланин". 2011. С. 340-346.

Вдовин А. С. «Крестьянская» археология (на материалах Сибири). С. 319-320.// Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.-М.-Великий Новгород, 2011. Том II. С.319-320.

Вдовин А. С. «Крестьянская» археология // Мир Евразии. №3 (14). Июль-сентябрь. 2011 С. 19-22

Вдовин А. С., Колонцов С. В. «Полицейская» археология (на сибирских материалах второй половины XIX - начала XX века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011 Т.10 Вып.7: Археология и этнография. С.54-60.

Вдовин А. С., Кузьминых С. В. Частные археологические коллекции из Енисейского округа // Енисейский Север: история и современность: сб. науч. ст./ отв.ред. А.С. Вдовин; ред.кол; КГПУ им. В.П. Астафьева. - Красноярск , 2011. - Вып. 1. – С.96-108.

Вдовин А. С., Макаров Н. П. Утраченные археологические коллекции Красноярского музея // Второй век подвижничества. – Красноярск, 2011. С.58-59.

Виноградов Д. А. Погребение раннего железного века из комплекса Проспихинская Шивера-IV // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиски, открытия: материалы LI Региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 30-летию открытия палеолитического искусства Северного Приангарья и 55-летию организации Красноярской археологической экспедиции. Г.Красноярск, 22-25 марта 2011 г. – Красноярск, 2011. – С. 149-150.

Гавриленко Е. А., Князева Е. В. О способах использования каменных молотов в металлургии и кузнечном деле в свете экспериментальных исследований // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиски, открытия: материалы LI Региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 30-летию открытия палеолитического искусства Северного Приангарья и 55-летию организации Красноярской археологической экспедиции. г.Красноярск, 22-25 марта 2011 г. – Красноярск, 2011. – С. 213-214.

Гиря Е. Ю., Дроздов Н. И., Дэвлет Е. Г., Макулов В. И. О работах по трасологическому изучению петроглифов Шалаболино Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы международной научной конференции. Том 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат 2011. – С. 201-207 (0,3 п.л.).

Гревцов Ю. А. Многие относились к нему как к отцу // Город, История, Люди. Учитель Евгений Аннинский – Красноярск, 2011. – Т. 2.

Гревцов Ю. А., Галухин Л. Л., Журавков С. П. Комплекс углубленных объектов стоянки Чирида // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т.XVII. – С. 386-390.

Гревцов Ю. А., Мещерин М. Н., Галухин Л. Л., Журавков С. П. Стоянка Берямба - новый объект палеолита в Северном Приангарье// Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии

Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т.XVII. – С. 391-395.

Дроздов Н. И., Гревцов Ю. А., Заика А. Л. Усть-Тасеевский культовый комплекс на Нижней Ангаре // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VII.– Кемерово, Кузбассвузиздат, 2011. – С. 77-86 (0,5 п.л.).

Дроздов Н. И., Заика А. Л., Макулов В. И., Чеха В. П. Росписи пещеры Хойт-Ценхерийн-Агуй (новое прочтение древних композиций) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Мат-лы Междунар. конф. Иркутск, 2011. - С.81-90. (0, 4 п.л.)

Дроздов Н. И., Чеха В. П., Пономарева Е. А. Палеогегография конца позднего плейстоцена района палеолитической стоянки Усть-Кова (по результатам палеокарологических и палеомерзлотных исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т.XVII. – С. 54-57.

Заика А. Л. Е. С. Аннинский и петроглифы Среднего Енисея // Город, история, люди. Том 2. Учитель Евгений Аннинский. Сборник воспоминаний. – Красноярск: ООО ПЦ «Открытие», 2011. – С. 66-73.

Заика А. Л. Капеля: первая и последняя встречи // Республикаанская газета «Хакасия», № 13 (21870) от 28 января 2011.

Заика А. Л. Об истоках «скелетного» стиля в петроглифах Северной Азии // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. – СПб-М-Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. - С. 147-148.

Заика А. Л. Результаты исследования стоянки Аплинский порог в 2011 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т.XVII. – С. 400-408.

Заика А. Л. Шалаболинская писаница (проект музея-заповедника) // География, история и геоэкология на службе науки и инновационного образования. – Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2011. – Т. 2. – С. 197-200.

Заика А. Л., Кузнецов А. Л., Березовский А. П. Зимние исследования петроглифов (предварительные итоги) // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы международной научной конференции. Том 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 153-159.

Исаев Ю. А., Клементьев А. М., Мартынович. Н. В. Фауна позвоночных из археологических раскопок исторического центра г. Иркутска// Байкальский зоологический журнал №2 (7). Иркутск. 2011. С.5-10.

Ишутина П. В., Быкова М. В. Новостроечные экспедиции в красноярской археологии (1950 – начало 1980-х гг.) // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиски, открытия: материалы LI Региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 30-летию открытия палеолитического искусства Северного Приангарья и 55-летию организации Красноярской археологической экспедиции. г.Красноярск, 22-25 марта 2011 г. – Красноярск, 2011. – С. 29-32.

Князева Е. В. К вопросу об экспериментально-трасологических исследованиях каменных орудий труда эпохи средневековья // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. – Спб-М-Великий Новгород, 2011. – С. 49-50.

Князева Е. В. К проблеме экспериментально-трасологического исследования песчаниковых абразивов // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии:

проблемы, поиски, открытия: материалы II Региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 30-летию открытия палеолитического искусства Северного Приангарья и 55-летию организации Красноярской археологической экспедиции. г.Красноярск, 22-25 марта 2011 г. – Красноярск, 2011. – С. 340-342.

Князева Е. В. Технология металлургии и металлообработки на территории Нижнего Приангарья в средние века: опыт экспериментально-трассологических исследований // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 10. Вып. 5. Археология и этнография. 2011. С. 108-116.

Князева Е. В. Экспериментально-трассологические исследования орудий эпохи металла // Историко-культурное наследие Азии: изучение, сохранение, интерпретация: Мат-лы научной школы для молодежи / Новосиб. Гос. Ун-т. – Новосибирск, 2010. – С. 43-55.

Князева Е. В., Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О., Оводов Н. Д. Поселение раннего железного века и средневековья Проспихинская Шивера IV на Ангаре: палеоэкономический аспект // Древние культуры Монголии и Прибайкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3-7 мая, 2011 г.). – Иркутск: Изд-во ИрГТУ. – Вып. 2. – С. 193-198.

Кондратов Н. М. Железоплавильные горны комплекса Проспихинская Шивера-IV на Ангаре // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиски, открытия: материалы II Региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 30-летию открытия палеолитического искусства Северного Приангарья и 55-летию организации Красноярской археологической экспедиции. г.Красноярск, 22-25 марта 2011 г. – Красноярск, 2011. – С. 163-164.

Кузьминых С. В., Вдовин А. С. Русский археолог Василий Алексеевич Городцов и Красноярск // Мир Евразии. №3 (14). Июль-сентябрь. 2011. С. 38-42.

Леонтьев В. П., Вдовин А. С. Предварительные результаты археологических исследований на острове Каменном в Усть-Илимском районе Иркутской области // Проблемы археологии, этнографии антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011. – Т. XVI. С. 417-419.

Леонтьев В. П., Вдовин А. С. Предварительные результаты археологических исследований на острове Каменном в Усть-Илимском районе Иркутской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т.XVII. – С. 417-419.

Лысенко Ю. Ф., Мальцев В. Н., Чеха В. П. Малые реки Красноярского края — задачи комплексных эколого-географических исследований // Мат-лы VI Междунар. конф. Красноярск, 20.11. С. 108-111. (0,3 п.л.)

Макаров Н. П. Археологические исследования А.Я. Тугаринова // Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается. Сборник научных статей: Красноярский краевый краеведческий музей. 2011. С. 9-19

Макаров Н. П. Неолит Средней Сибири // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. – СПб-М-Великий Новгород, 2011. – С. 175.

Макаров Н. П., Баташев М. С Археолого-этнографические исследования Красноярского подотдела РГО // Научно-практическая конференция, посвященная 110-летию Красноярского краевого отделения Всероссийской общественной организации

«Русское географическое общество»: сборник материалов / Красноярск: Красноярское отделение РГО, 2011. – С. 125-146.

Макаров Н. П., Быкова М. В. Керамика карабульского типа // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы международной научн. конф. (Иркутск, 3-7 мая, 2011 г. под общ. Ред. А.В. Харинского. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С.227-231

Макаров Н. П., Фокин С. М. Археология в Красноярском краевом музее. 1989-2009 // Второй век подвижничества: Сборник научных статей: Красноярский краевый краеведческий музей. Красноярск: 2011. С. 114-122.

Мандрыка П. В. Тонковаликовая керамика раннего железного века из южнотаежной зоны среднего Енисея // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 10. Вып. 3. Археология и этнография. 2011. – С. 118-126.

Мандрыка П. В., Князева Е. В. Каменные орудия средневекового поселения Проспихинская Шивера I: функционально-трасологический анализ // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 10. Вып. 3. Археология и этнография. 2011. – С. 155-162.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О., Бирюлева К. В. Результаты работ на ансамбле археологических памятников Шивера Проспихино на Ангаре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т. XVII – с. 432 – 436.

Мартынович Н. В. Птицы из пещеры Чагырская – нового местонахождения неоплайстоценовой авифауны Северо-Западного Алтая//Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается... Красноярск. 2011. С.71-82.

Мартынович Н. В. Птицы из погребальных комплексов Забайкалья (могильники Бухусан и Фофановский)// Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы международной научной конференции. Вып. 2. Под ред. Харинского А. В.– 2011. – Иркутск. – С. 116-122.

Матвеев В.Е., Заика А.Л. Новые петроглифы Атамановской писаницы // Археология, этнография, палеоэкология Северной Азии: проблемы, поиск, открытия: мат-лы LI Региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конференции. – Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2011. – С. 54-56.

Мясников А. В. Вдовин А. С. Еленев Алексей Сергеевич // Малая энциклопедия Забайкалья: Наука и образование: в 2 ч. – Новосибирск: Наука, 2011а – Ч.1:А-М. – 555 с.

Мясников А. В. Вдовин А. С. Еленев Алексей Сергеевич // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. – Новосибирск: Наука, 2011б. – 368 с.

Николай Спафарий и петроглифы Енисея // Енисейский Север: История и современность (сб. науч. Тр.). – Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2011. – Вып. 1. – С. 16-25.

Оводов Н. Д. Признаки посещения Разбойничьей пещеры (Алтай) палеолитическими людьми // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Том XVII. Новосибирск. Изд. ИАЭТ СО РАН 2011. С.93 – 97.

Оводов Н. Д., Заика А. Л., Мартынович Н. В. Трофеи древних нимвродов Средней Сибири (голоцен) // Второй век подвижничества. – Красноярск: Красноярский краевый краеведческий музей, 2011. – С. 126-140.

Оводов Н. Д., Заика А. Л. Ритуальные останки бурых медведей на Нижней Ангаре // Медведи. Современное состояние видов. Перспектива сосуществование видов с человеком. Великие Луки. Центрально-лесной государственный биосферный природный заповедник. 2011. С. 200-205.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Крот (*Asioscalops altaica* Nik.) на Среднем Енисее в первой половине голоцене//Териофауна России и сопредельных территорий (Мат-лы международного совещания 1-4 февраля 2011, Москва). М.2011. С.339.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Плейстоценовые серые волки Алтая и Кузнецкого Алатау // Байкальский зоологический журнал. № 3 (8). Иркутск. 2011. С. 10-20.

Привалихин В.И. Исследование погребений раннего бронзового века стоянки и могильника Сергушкин -2 в Северном Приангарье (зона затопления Богучанской ГЭС на Нижней Ангаре) // Второй век подвижничества. - Красноярск, 2011. - С.184-202.

Привалихин В.И. Клад каменных артефактов эпохи неолита стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» (по материалам исследований Археолого-этнографической экспедиции Красноярского краевого краеведческого музея в зоне затопления Богучанской ГЭС на Нижней Ангаре) // Второй век подвижничества. - Красноярск, 2011. - С.150-160.

Привалихин В.И. Цэпанская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества. - Красноярск, 2011. - С.161-183.

Сазонова О.М. Вклад Г.И. Спасского в развитие методики исследования петроглифов. // Материалы XLIX международной студенческой конференции. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2011. – С. 46 – 47.

Сазонова О.М. Развитие А.В. Адриановым методики изучения петроглифов южной Сибири. // Археология, этнография, палеоэкология северной Азии: проблемы, поиск, открытия. Материалы 51 Региональной (7 всероссийской) археолого – этнографической конференции студентов и молодых ученых. Красноярск, 2011 Стр. 35 – 37.

Сазонова О.М. Развитие методики исследования петроглифов Среднего Енисея в XVIII - первой половине XIX века // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы международной научной конференции. Том 2. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VIII. С. 165-168.

Сенотрусова П.О. Некоторые вопросы погребальной обрядности средневекового населения Северного Приангарья (по материалам комплекса Проспихинская Шивера-IV) // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиски, открытия: материалы LI Региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 30-летию открытия палеолитического искусства Северного Приангарья и 55-летию организации Красноярской археологической экспедиции. г.Красноярск, 22-25 марта 2011 г. – Красноярск, 2011. – С. 245-248.

Субботина Е.В. Письменные источники о дотунгусском населении Северного Приангарья // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиски, открытия: материалы LI Региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 30-летию открытия палеолитического искусства Северного Приангарья и 55-летию организации Красноярской археологической экспедиции. г.Красноярск, 22-25 марта 2011 г. – Красноярск, 2011. – С. 304-307.

Титова Ю.А. О некоторых возможностях применения экспериментального метода для реконструкции гончарной технологии древнего населения Средней Сибири // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: поиск, проблемы, открытия: Материалы LI Региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Красноярск, 2011. – 364 с. С. 349-350.

Титова Ю. А. Специфика составления формовочных масс сосудов шепилевской культуры позднего бронзового века по материалам поселения Заостровка-2 // Вестник КрасГАУ, 2011, №12. С. 252-256

Толкацкий А. Н. К вопросу о составлении археологической карты Канского района Красноярского края // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиски, открытия: материалы XI Региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 30-летию открытия палеолитического искусства Северного Приангарья и 55-летию организации Красноярской археологической экспедиции. г.Красноярск, 22-25 марта 2011 г. – Красноярск, 2011. – С. 350-235.

Толкацкий А. Н. Типология средневековых стрел из фондов Канского краеведческого музея // Древние культуры Монголии и Прибайкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3-7 мая, 2011 г.). – Иркутск: Изд-во ИрГТУ. – Вып. 2. – С. 478-481.

Томилова Е. А., Стасюк И. В., Горельченкова О. А., Кукса Е. Н., Махлаева Ю. М., Акимова Е. В., Харевич В. М. Исследования многослойной стоянки Усть-Кова 1 в 2011 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т.XVII. – С. 477-481.

Филиппов А. Г., Мартынович Н. В., Оводов Н. Д. Гrot Саган-Заба – 7 - новое местонахождение голоценовой фауны позвоночных на Байкале // Спелеология и спелеостратегия. Набережные Челны. 2011. С. 13-17.

Харевич В. М., Стасюк И. В., Акимова Е. В. Позднепалеолитическая стоянка Дербина 4 (Красноярское водохранилище) / Вестник НГУ, серия: история, филология, Т. 10, Вып. 7. 2011. – С. 119-129 (1 п.л.).

Харевич В. М., Стасюк И. В., Акимова Е. В., Горельченкова О. А., Кукса Е. Н., Махлаева Ю. М., Томилова Е. А. Исследования стоянки Усть-Кова 1 (пункт 2) в 2011 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т.XVII. – С.482-486.

Чеха В. П. Мамонтовая фауна Субарктики и Арктики Сибири (почему вымерли мамонты?) // Мат-лы Междунар: научно-практ. конференции «География, история и геоэкология на службе науки и инновационного образования». Красноярск, 2011. – С.276-278. (0,25 п.л.)

Чеха В. П. Роль географических исследований в рациональном природопользовании на территории Красноярского края // Мат-лы Междунар: научно-практ. конференции «География, история и геоэкология на службе науки и инновационного образования». Красноярск, 2011. – С.58-60. (0,3 п.л.)

Юдин В. Г., Оводов Н. Д. Взаимоотношение бурого медведя с хищниками: исторический обзор // // Медведи. Современное состояние видов. Перспектива существование видов с человеком. Великие Луки. Центрально-лесной государственный биосферный природный заповедник. 2011. С. 332-342.

2012

Akimova E V. The Multilayer Late Palaeolithic Site Listvenka (Middle Yenisey) // Kurtak and Suyanggae – the 17-th International Symposium «Suyanggae and Her Neighbours in Kurtak» (II) - Krsnoyarsk, 2012. - P. 5-10.

Drozdov N. I., Chekha V. P., Maculov V. I. Paleogeographic and paleoecological common factors of evolution of human communities of Palaeolithic (on the example of the Yenisei River basin) // Kurtak and Suyanggae – the 17-th International Symposium «Suyanggae and Her Neighbours in Kurtak» - Krsnoyarsk, 2012. - P. 40-45.

Filippov A. G., Martynovich N. V. The richest Holocene avifauna site at Baikal Lake// Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы III международной конференции. – Улан-Батор. 05-09 сентября 2012. Т. 1. – Улан-Батор. 2012. С.139-145.

Zaika A. L. Face images in lower Angara Rock Art // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. - 2012. Т. 40. № 1. - С. 62-75.

Акимова Е. В. Палеолитические стоянки в нижнем течении р. Качи: история исследования // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск. 2012. С. 4-11. (0,5 п.л.)

Акимова Е. В., Стасюк И. В., Кукса Е. П., Махлаева Ю. М., Томилова Е. А., Хареич В. М. Сохранение древнейшего археологического наследия в зонах искусственных водохранилищ Средней Сибири // Историко-культурное наследие и духовные ценности России / отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков; Отд. ист.-филол. наук РАН. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – с. 90-95..

Баженов В. А. Железный наконечник копья из могильника Проспихинская Шивера-IV // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы: Материалы ЛII Региональной (VIII Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 50-летию гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 179.

Барков А. В. Нуклеусы мезолитической стоянки Усть-Кова I (по материалам раскопок 2008–2011 гг.) // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы. Материалы ЛII РАЭСК. – Новосибирск, 2012. – С. 56-58.

Бирюлева К. В. Керамика могильника Проспихинская Шивера-IV // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы: Материалы ЛII Региональной (VIII Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 50-летию гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 183-185.

Вдовин А. С. Князь Н.А. Костров – «один из видных деятелей Сибири на по-прище ее изучения» // «Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания»: сб. ст. – Ижевск: изд-во «Удмуртский университет», 2012. – С.301-310.

Вдовин А. С. Кузьминых С. В. «Первобытные древности Сибири меня всегда интересовали»: В.А. Городцов и археология Сибири // Археология Южной Сибири. К 80-летию А.И. Мартынова Вып. 26. – Кемерово: РИО КемГУ, 2012. – С. 49-54.

Вдовин А. С. Кузьминых С. В. В.А. Городцов в Минусинске (1924 г.) // Мартыновские краеведческие чтения. (2010-2011 гг.). Вып.VII. Минусинск, 2012. – С. 345-350.

Вдовин А. С., Детлова Е. В., Макаров Н. П. «Я только еще учусь работать и каждый ваш совет и в особенности критические замечания послужат мне только на пользу»: Г.П. Сосновский в 1918-1922 гг. // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых. – СПб., Красноярск, 2012. – С.104-123.

Вдовин А. С., Кузьминых С. В. Хозяйственное освоение Сибири и археология в конце XIX – XX вв. (Обь-Енисейский канал) // Первые Ядринцевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 170-летию со дня

рождения Николая Михайловича Ядринцева (1842-1894) (Омск, 30-31 октября 2012 г.) / под ред. П.П. Вибе, Е.Н. Бежан. Омск: ОГИК музей, 2012. С. 28-30.

Вдовин А. С., Макаров Н. П. К истории научных связей Петербурга и Красноярска // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 1. СПб.: ИИМК РАН, "Периферия", 2012. С. 81-86.

Вдовин А. С., Макаров Н. П. Н.К. Ауэрбах и Красноярский отдел Русского географического общества // География, история и геоэкология на службе науки и инновационного образования: Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной Всемирному дню Земли и 75-летию кафедры физической географии и геоэкологии. Красноярск, 19-20 апреля 2012 г. Вып.7. – Красноярск, 2012. – С.192-195.

Вдовин А. С., Макаров Н. П. Николай Константинович Ауэрбах в студенческие годы (1910-1914 гг.) // Історія археології: дослідники та наукові центрию Києв: ІА НАНУ, 2012. С. 78-83 (серия "Археологія і давня історія України. Вип. 9").

Вдовин А. С., Тункина И. В. Основные работы С.В. Кузьминых по истории археологии // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых. – СПб., Красноярск, 2012. – С.30-37.

Гулютин Н. Н. Орнаментированное антропоморфное изображение из могильника Проспихинская Шивера-IV // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы: Материалы ЛII Региональной (VIII Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 50-летию гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 194-195.

Гуненко Я. Д. Набор бронзовых украшений из погребения № 50 могильника Проспихинская Шивера-IV // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы: Материалы ЛII Региональной (VIII Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 50-летию гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 196-197.

Данилов И. Г., Сыромятникова Е. В., Клементьев А. М., Сизов А. В., Мартынович Н. В., Зеленков Н. В., Сычевская Е. К., Тесаков А. С. Новые данные по миоценовым позвоночным местонахождения Тагай (Ольхон, Байкал)//Современная палеонтология: классические и современные методы. Мат-лы IX Всероссийской школы молодых ученых-палеонтологов. М. – 2012. С.19-20.

Дорошенко П. В. Наконечники стрел из погребения № 7 могильника Проспихинская Шивера-IV // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы: Материалы ЛII Региональной (VIII Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 50-летию гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 197-198.

Дроздов Н. И., Акимова Е. В., Артемьев Е. В., Стасюк И. В., Чеха В. П. Палеолит Юга Средней Сибири (бассейн Енисея). Путеводитель полевой экскурсии V ежегодного собрания Ассоциации азиатского палеолита (АПА) и XVII международного симпозиума Суангэ и её соседи в древности» - Красноярск, 2012. – 60 с. (8 п.л.)

Зайка А. Л. «Скелетный стиль» в петроглифах Северной Азии (об истоках изобразительной традиции)//Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Сиб. Федер. Ун-т, 2012. – Вып. V. – С. 62-66.

Заика А. Л. Вопросы генезиса «скелетного» стиля в петроглифах северной Азии // Homo Eurasicus в духовных и социальных реалиях времени: мат-лы Всеросс. Научно-практ. Конф. 26 окт. 2012 г. – СПб.: СПбГИЭУ, 2012. – С. 108-113.

Заика А. Л. Капеля: первая и последняя встречи / Капелько В.Ф. Горланят над Россией петухи! – Красноярск, 2012. С. 145-154.

Заика А. Л. Личины в наскальном искусстве нижней Ангары//Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. - № 1(49). – С. 62-75.

Заика А. Л. Сердцевидные личины в петроглифах Северной Азии (об истоках изобразительной традиции) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями (Мат-лы международной науч. конференции, посвященной 110-летию со дня рождения М. П. Грязнова) – СПб: ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. – С. 148-156.

Заика А. Л. Шалаболинская писаница: вопросы музеефикации // Мартъяновские краеведческие чтения (2010-2011 гг.) Сборник докладов и сообщений. Вып. VII. - Минусинск, 2012. - С.201-204.

Зеленков Н. В., Мартынович Н. В. Древнейшая фауна птиц Байкала// Байкальский зоологический журнал. №3 (11). Иркутск - 2012. С. 12-17.

Князева Е. В. О функциях галечных орудий для изготовления красок из второго культурного слоя комплекса Проспихинская Шивера-IV // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы: Материалы ЛII Региональной (VIII Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 50-летию гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 209-210.

Константинов М. В., Оводов Н. Д., Вдовин А. С. Жизнь и открытия учителя Александра Мостица // Вестник Бурятского государственного университета. Спецвыпуск С. Улан-Удэ. 2012. С. 9 – 17

Константинов М. В., Оводов Н.Д., Вдовин А.С Жизнь и открытия учителя Александра Мостица // Вестник Бурятского государственного университета. 2012.Спецвыпуск С. Улан-Удэ,2012. С. 9-17.

Макаров Н. П. Железный век и эпоха средневековья пещеры Еленева // Древности Приенисейской Сибири: сб. научн. Тр. / отв. Ред. П.В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. Федер. Ун-т, 2012. – Вып. V. – С. 19-30.

Макаров Н. П. Керамика посольского типа в Байкальской и Средней Сибири // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор, 2012. С. 67-72.)

Макаров Н. П., Вдовин А. С. В.А. Данилов и его археологическая коллекция // Сборник материалов Первых межрегиональных краеведческих чтений, посвященных Леониду Романовичу Кызласову. 6-7 октября 2011 г. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2012. С. 31-36.

Мандрыка П. В. О появлении железа в южной тайге среднего Енисея // Российский археологический ежегодник. № 2. 2012 / под ред. д-ра ист. наук Л. Вишняцкого. Спб.: Издательство С.-Петерб. ун-та, 2012. – С. 400-411.

Мандрыка П. В., Бирюлева К. В. Керамика средневекового поселения Проспихинская Шивера-І // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. /отв. ред. П. В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – Вып. V. – С. 50-61.

Мандрыка П. В., Титова Ю. А., Князева Е. В., Сенотрусова П. О. Поселение Проспихинская Шивера-І на Ангаре // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. /отв. ред. П. В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – Вып. V. – С. 31-42.

Мартынович Н. В. Электронные библиотеки как обязательный атрибут развития науки в XXI веке: опыт Красноярского краевого краеведческого музея//Древности Приенисейской Сибири. - Вып. V. - Красноярск. 2012. С. 12-18.

Михайлова Я. С. Расселение кетоязычного населения (остяков) на территории Енисейского уезда в XVII-XIX веков // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы: Материалы LII Региональной (VIII Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 50-летию гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 290-291.

Оводов Н. Д. Косвенные свидетельства посещения палеолитическими людьми Разбойничьей пещеры // Известия Алтайского республиканского отделения Русского Географического Общества. Вып. 3. 2012. С. 206-209.

Оводов Н. Д. Новый вид плейстоценового волка –*Canis subtilis* (N. Ov) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии. Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН. 2012. Том XVIII. С. 128-132.

Оводов Н. Д. Faунистические останки из погребений могильника Курма XI // В книге: О.И.Горюнова, А.В.Вебер, А.Г.Новиков «Погребальные комплексы неолита и бронзового века Приольхонья. Могильник Курма XI. Иркутск. Издательство ИГУ. 2012. С. 249 - 253.

Оводов Н. Д., Чеха В. П. Новый представитель коровьих антилоп (*Mammalia, alcelafinae*) из Средней Сибири // Известия Алтайского республиканского отделения Русского Географического Общества. Вып. 3. 2012. С. 203-206.

Сазонова О. М. Исследования наскальных изображений Среднего Енисея Э.Р. Рыгдылоном // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы Материалы 52 Региональной (8 всероссийской) археолого – этнографической конференции студентов и молодых ученых. Посвященной 50 летию гуманитарного факультета Новосибирского Государственного Университета. Новосибирск 2012 Стр. 268 – 269.

Сазонова О. М. К истории развития контактного метода копирования петроглифов (по материалам Среднего Енисея). // Древности Приенисейской Сибири. Выпуск 5, Красноярск СФУ 2012 стр. 67 – 74.

Самарин И. Е. Освещение проблем охраны памятников истории и культуры в красноярской прессе на примере газеты «Вечерний Красноярск» (1991-1999 годы) // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы: Материалы LII Региональной (VIII Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 50-летию гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 44-45.

Сенотрусова П. О. Предметы конского снаряжения в материалах могильника Проспихинская Шивера-IV // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы: Материалы LII Региональной (VIII Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 50-летию гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 230-231.

Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В. Железные изделия поселения Проспихинская Шивера-І // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. /отв. ред. П. В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – Вып. V. – С. 43-49.

Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В. Монгольский компонент в культуре средневекового населения Северного Приангарья // Древние культуры Монголии и Бай-

кальской Сибири: Материалы III международной научной конференции (Улан-Батор, 5-9 сентября 2012 г.). – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – Вып. 3. – С. 426-432.

Титова Ю. А. Органика в составе формовочных масс керамических сосудов шепилевской культуры // Древности Приенисейской Сибири: сб. научн. тр. / отв. ред. П.В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – Вып. V. – 97 с. - С. 82-84

Филиппов А. Г., Гребнев И. Г., Хензыхенова Ф. И., Ербаева М. А., Мартынович Н. В., Попова С. М. Стратиграфия и фаунистические остатки отложений пещеры Куртун-1 на Байкале//Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып.1: Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии. – отв. ред. Медведев Г.И. – Иркутск. 2012. – С.226-238.

Южакова А. В. Проблемы антропологического изучения погребений Северного Приангарья, выполненных по обряду кремации на стороне. // Молодёжь и наука: Сборник материалов VIII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, посвященной 155-летию со дня рождения К. Э. Циолковского [Электронный ресурс]. — Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2012

2013

(опубликованные на момент выхода сборника)

Барков А. В. Критерии выделения следов использования мягких каменных и органических отбойников по экспериментальным данным // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект. Материалы LIII РАЭСК. – Владивосток, 2013. – С. 60-62.

Барков А. В. Проблема хронологии палеолитической стоянки Малая Сыя // Материалы 51 Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология. – Новосибирск, 2013. – С. 7-8.

Вдовин А.С., Макаров Н.П. Н.К. Ауэрбах и истоки русской археологии Севера Приенисейской Сибири// Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. - Екатеринбург-Сургут. 2013. - С. 224-226.

Веженко А. В., Лысенко Д. Н., Матвеев В. Е., Муратов Н. С., Заика А. Л.

Новые объекты археологического наследия Богучанского района Красноярского края // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект. – Владивосток: Издательский дом Дальневост. Федераль. Ун-та, 2013. – С. 389-391.

Гревцов Ю. А. Воинские пояса скифской эпохи Северного Приангарья. По материалам Усть-Тасеевского культового комплекса // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий – Красноярск: Красноярский краеведческий музей, 2013 – С. 92-106.

Гревцов Ю. А., Лысенко Д. Н. Новые материалы о древнем металлургическом производстве в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий – Красноярск: Красноярский краеведческий музей, 2013 – С. 187-196.

Дорошенко П. В. Наконечники стрел из могильника Проспихинская Шивера-IV // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект: материалы докладов LIII Региональной (IX Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, 24-30 марта 2013 г., г. Владивосток. – Владивосток, Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. - С. 231-233.

Заика А. Л., Оводов Н. Д., Орлова Л. А. Следы медвежьего культа на нижней Ангаре в эпоху раннего железа – средневековья (фрагментарный обзор проблемы) //

Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сб. науч. Статей. - Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2013. – С. 107-129.

Краснолуцкий С. А., Заика А. Л., Журавков С. П. Новые петроглифы севера Минусинской котловины // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сб. науч. статей. - Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2013. – С. 205-209.

Леонтьев В. П., Вдовин А. С. Парное захоронение эпохи средневековья со стоянки остров Каменный-И в Усть-Илимском районе Иркутской области // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сб. науч. статей. - Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2013. – С. 197-204.

Макаров Н. П. Археологические клады из фондов Красноярского музея как источник по мировоззрению древних и традиционных обществ // сб. науч. тр: в 2 т. / гл. ред. Н.А. Томилов, отв. Ред. Д.Дж. Андерсен, М.А. Корусенко, С.С. Тихонов, А.В. Харинский – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. –Т. 2 . С. 79-82.

Макаров Н. П. Многослойные стоянки Енисея и вопросы неолитоведения Средней Сибири // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы IV международной научной конференции в 2 ч. / Забайкальский гос. ун-т; отв. Ред. А.В. Константинов, М.В. Константинов. – Чита, 1213, 13-19 сент. 2013 г. Чита, 1213. – Ч. I. С. 119-122.

Макаров Н. П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сборник научных статей. – Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2013. - С. 130-175.

Макаров Н. П. Художественная бронза раннего железного века в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Археология Южной Сибири. К 80-летию А.И. Мартынова. Вып. 26. –Кемерово. РИО КемГУ 2013. – С. 68-76.

Макаров Н. П., Баташев М. С., Вдовин А. С. Археологические коллекции раннего железного века и средневековья Красноярского Севера в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. - Екатеринбург-Сургут. 2013. - С. 71-76

Макаров Н.П., Баташев М. С. Теория и практика археолого-этнографических реконструкций процесса этногенеза коренных народов Красноярского севера // Вестник Томского государственного университета. История. - Томск, 2013. - № 3 (23). - С. 190-193.

Макаров Н.П., Вдовин А. С., Баташев М. С. Археолого-этнографическая коллекция В.А. Данилова в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Вестник Томского государственного университета. История. - Томск, 2013. - № 2 (22). - С. 188-191.

Макаров Н. П., Вдовин А. С., Баташев М. С. В.А. Данилов и его археолого-этнографическая коллекция // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения: Сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. – Томск: Томский государственный университет, 2013. - Вып. 3. - С. 72-81.

Мандрыка П. В., Бирюлева К. В., Сенотрусова П. О. Керамика лесосибирского стиля на комплексе Проспихинская Шивера-IVв Нижнем Приангарье. – Вестник ТГУ. История. – 2013. –№2. – С. 67–71.

Привалихин В. И., Дроздов Н. И., Макулов В. И. Исследования неолитических погребений в Северном Приангарье (зона затопления Богучанской ГЭС) // Археологи-

ческие исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сб. науч. статей. - Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2013. – С. 42-56.

Привалихин В. И., Ощепков П. В., Подбороцкий А. В., Оводов Н. Д. Находки археологических артефактов и костей животных в пещерах верхнего течения реки Базайха и ее притоков // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сб. науч. статей. - Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2013. – С. 29-41.

Привалихин В.И. Исследование погребений стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сб. науч. Статей. - Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2013. – С. 73-91.

Сазонова О. М. Исследование 1940 года петроглифов среднего Енисея экспедицией Красноярского краеведческого музея // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект: материалы докладов ЛIII Региональной (IX Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, 24-30 марта 2013 г., г. Владивосток. – Владивосток, Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. - С. 21-22.

Сенотрусова П. О. Железные скребки в материалах могильника Проспихинская Шивера-IV на Нижней Ангаре // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект: материалы докладов ЛIII Региональной (IX Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, 24-30 марта 2013 г., г. Владивосток. – Владивосток, Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. - С. 256-259

Сенотрусова П. О. Серьги из средневекового могильника Проспихинская Шивера-IV на Ангаре // Вестник ТГУ. История. – 2013б. – №3. – С. 285–289.

Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В. Культурные контакты населения севера Западной Сибири и Северного Приангарья в средние века // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. – Екатеринбург; Сургут: изд-во Магеллан, 2013. – С. 194–198.

Тимошенко А. А., Быкова М. В., Бочарова Е. Н. Новая металлургическая площадка в Северном Приангарье (по материалам ОАН о. Каменный (60 км) I) // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект: материалы докладов ЛIII Региональной (IX Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, 24-30 марта 2013 г., г. Владивосток. – Владивосток, Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. - С. 218-221.

Фокин С. М. Новое погребение раннего железного века в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сб. науч. статей. - Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2013. – С. 176-196.

Фокин С. М. Новые сведения о погребальной обрядности населения Нижнего Приангарья в эпоху железа. // Вестник ТГУ. История. – Томск, 2013. – №2 (22). – С. 125 – 128.

Список использованных сокращений

- БоГЭС – Богучанская гидроэлектростанция
- ВСОРГО – Восточно-сибирский отдел Русского географического общества
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края
- ЗРАО – Записки Русского археологического общества
- ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
- ИЛАИ – Известия Лаборатории археологических исследований
- КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет
- ЛА СФУ – Лаборатория археологии, этнографии и истории Сибири Гуманитарного института Сибирского федерального университета
- МАЭ – Музей археологии и этнографии
- ООО «НИПИИ ЭТ Стройрезерв» - общество с ограниченной ответственностью «Научно-исследовательский и проектно-изыскательский институт энергетики и транспорта Стройрезерв»
- РА ИИМК – Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН
- СА – Советская археология
- СамГПУ - Самарский государственный педагогический университет

Научное издание

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск VI

Ответственный редактор
канд. ист. наук П. В. Мандрыка

Редакционная коллегия
К. В. Бирюлева
П. О. Сенотрусова
канд. ист. наук Е. В. Акимова

Корректор А.В.Воробьев
Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

На обложке:
петроглиф с Мурского порога
(Богучанский район Красноярского края)

Подписано в печать 12.12.2013. Печать плоская
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 19,50
Тираж 200 экз. Заказ № 2996

Издательский центр
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79
Тел./факс (391) 206-21-49, e-mail: rio@lan.krasu.ru

Отпечатано Полиграфическим центром
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел./факс (391) 206-26-67, 206-26-49
E-mail: print_sfu@mail.ru; <http://lib.sfu-kras.ru>